

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

№ 3 (37), 2014

Общественная ассоциация
«Русь»

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первонерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русь

2014, № 3 (37)

Кишинев

Общественная ассоциация

«Русь»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ **Русь**

ОСНОВАН В 2005 Г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Редакционная коллегия:

главный редактор

кандидат исторических наук С. СУЛЯК (Молдавия)

кандидат исторических наук Н. БАБИЛУНГА (Молдавия, Приднестровье)

доктор исторических наук М. ГУБОГЛО (Россия)

кандидат исторических наук Ю. ДАНИЛЕЦ (Украина)

доктор исторических наук В. ЗИНОВЬЕВ (Россия)

кандидат филологических наук Д. КАТУНИН (Россия)

доктор исторических наук А. МАЙОРОВ (Россия)

кандидат исторических наук В. МЕРКУЛОВ (Россия)

доктор исторических наук Н. РУССЕВ (Молдавия)

кандидат исторических наук В. СОДОЛЬ (Молдавия, Приднестровье)

кандидат исторических наук Н. ТЕЛЬНОВ (Молдавия)

доктор исторических наук А. ЧЕРКАСОВ (Россия)

доктор исторических наук М. ЧУЧКО (Украина)

Р. ШАПКА (Канада)

кандидат исторических наук П. ШОРНИКОВ (Молдавия)

доктор лингвистических наук М. ФЕЙСА (Сербия)

Адрес редакции: Республика Молдова, MD 2001, г. Кишинев, ул. М. Когэлничану, 24, кв. 1 А.
Республиканская общественная ассоциация «Русь».

Тел.: (+373 22) 28-75-59, факс: (+373 22) 27-15-15. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Editor's address: Association «Rus'». M. Kogalniceanu Street, 24, ap. 1A, Kishinev, MD 2001, Moldova.

Tel.: (+373 22) 28-75-59, fax (+373 22) 27-15-15. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Общественная ассоциация «Русь», 2005-2014

© Association «Rus'», 2005-2014

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Международная научно-практическая конференция «Первая мировая война и Русский мир» / An International Scholarly-Practical Conference "WWI and the Russian World"

<i>Страница редактора</i>	5
<i>Editor's Page</i>	
<i>Программа конференции</i>	6
<i>The conference program</i>	
Юрий ДАНИЛЕЦ К истории православия в Угорской Руси накануне Первой мировой войны (по материалам американской газеты «СВѢТЪ»)	9
<i>Yurij Danilets</i> To history of orthodoxy in Ugrian Rus on the eve of the WWI (on materials of american newspaper «Svet»)	
Максим ОСЬКИН Бессарабия и Румынский фронт зимой 1916/1917 г.: деятельность организации гофмейстера С.Н. Гербеля	22
<i>Maksim Os'kin</i> Bessarabia and the Romanian Front in the winter 1916/1917: the organization Chamberlain S.N. Gerbel`	
Евгений КРИВОЧУПРИН Погром в Перемышле 15.09.1914 г. и его отражение в периодике ..	38
<i>Evgeniy Krivochuprin</i> Massacre of Przemyśl 15.09.1914 and its reflection in the periodical	
Василий ЗИНОВЬЕВ, Сергей ФОМИНЫХ Сибирь как стратегический ресурс России в период Первой мировой войны	48
<i>Vasiliy Zinovyev, Sergey Fominykh</i> Siberia as strategic resource of Russia in the period WWI	
Валерий ГОЛИКОВ Участие 39-го пехотного Томского полка в боях и сражениях Первой мировой войны	62
<i>Valerij Golikov</i> The participation of the 39th Tomsk Infantry Regiment in battles and engagements of WWI	
Владимир КОРОВИН 173-й Каменецкий и 174-й Роменский пехотные полки в первый год Великой войны	75
<i>Vladimir Korovin</i> The 173rd and 174th Regiments of Kamenets and Romen in the First Year of the Great War	

Михаил ЧУЧКО Православная церковь на Буковине во время Первой мировой войны (I)	85
<i>Mykhaylo Chuchko</i> Orthodox Church in Bukovina during the WWI (I)	

Марина КРУГЛЯК Реакция студентов Российской империи на события Первой мировой войны в 1914–1917 гг. (на материалах Украины)	109
<i>Marina Krugliak</i> The reaction of the students of the Russian empire to the events of WWI 1914–1917 (based on the materials from Ukraine)	

Сергей СУЛЯК Отношение администрации Бессарабии к проживавшим на территории губернии подданным Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны	126
<i>Sergey Sulyak</i> The Attitude of the Administration of Bessarabia Towards the Subjects of the Austro-Hungarian Empire Living in the Territory of Its Province During WWI	

Иван ДУМИНИКА, Николай ЧЕРВЕНКОВ Первая мировая война в судьбе бессарабских болгар	142
<i>Ivan Duminika, Nikolay Chervenkov</i> WWI in the Destiny of the Bessarabian Bulgarians	

Ирина НАМ, Наталья НАУМОВА Съезды карпатороссов в Сибири в годы гражданской войны (1918–1919 гг.)	152
<i>Irina Nam, Natalia Naumova</i> Carpathoross Reunions in Siberia during the years of the Civil War (1918–1919)	

Дмитрий ШЕВЕЛЕВ, Кирилл КОНЕВ Тема «Великой войны» во взаимоотношениях Российского правительства адмирала А.В. Колчака и Центрального Карпаторусского совета (1918–1919 гг.)	167
<i>Dmitry Shevelev, Kirill Konev</i> The theme of the “Great War” in the interaction of Russian government of admiral A.V. Kolchak and the Central Carpatho-Russian Council (1918–1919)	

РУСИНСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ / RUSIN BIBLIOGRAPHY

Федор ВЕСЕЛОВ Письменные памятники истории и культуры России в собраниях зарубежных архивов и библиотек: научно-издательский проект Санкт-Петербургского государственного университета	182
<i>Fedor Veselov</i> Written artifacts of Russian History and Culture, stored in foreign archives and libraries. Saint-Petersburg State University academic and publishing project	

Международная научно-практическая конференция «Первая мировая война и Русский мир»

25-26 сентября 2014 г. в Кишиневе в конференц-зале Российского центра науки и культуры в Республике Молдова прошла международная научно-практическая конференция «Первая мировая война и Русский мир», инициатором проведения которой выступил наш журнал.

В ее работе приняли участие (очно и заочно) 24 исследователя из Молдавии (в том числе Приднестровья), России, Украины, поднявшие в своих выступлениях малоизученные проблемы истории Великой войны.

Большая часть докладов участников конференции будет опубликована в № 3 и 4 журнала «Русин».

С первых дней войны регионы проживания русинов оказались в зоне активных боевых действий. В Австро-Венгрии начался массовый террор против русинского населения. Русофильские настроения стали караться как тягчайшее государственное преступление. Австро-венгерские власти создали первые в Европе концентрационные лагеря: Талергоф, Терезин и другие.

С началом войны в Киеве был образован «Карпаторусский освободительный комитет». Его представительства действовали в различных регионах России.

На Восточном фронте русины - солдаты австро-венгерской армии, не желая воевать против России, массово переходили на сторону русской армии. Впоследствии часть из них воевала в Чехословацком корпусе, а затем на фронтах гражданской войны.

После неудачного вступления в войну Румынии в 1916 г., Россия была вынуждена открыть еще один фронт протяженностью 600 км. К концу 1916 г. на Румынском фронте располагалась 1/4 часть вооруженных сил России (35 пехотных и 13 кавалерийских дивизий). Вся Бессарабия стала прифронтовым районом.

По окончании Первой мировой войны карта Европы оказалась полностью перекроена. Возникли новые государства.

Бессарабия была оккупирована Румынией. Подкарпатская Русь оказалась в составе Чехословакии. Галичина – в составе Польши. Буковина – в составе Румынии. Воеводина – в Королевстве сербов, хорватов и словенцев.

После Первой мировой войны, революции и гражданской войны за пределами России оказались миллионы бывших российских подданных.

Немало русинов осталось на территории России (военнопленные, беженцы).

Нерешенные проблемы Первой мировой привели впоследствии к развязыванию новой мировой войны.

*Сергей Суляк,
главный редактор*

Международная научно-практическая конференция «Первая мировая война и Русский мир»

Организаторы: Российский центр науки и культуры в Республике Молдова, международный исторический журнал «Русин», кафедра отечественной истории Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», кафедра отечественной истории Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, Общественная ассоциация «Русь».

Оргкомитет: Н.В. Бабилунга (кандидат исторических наук, доцент, завкафедрой отечественной истории Приднестровского государственного университета), В.П. Зиновьев (доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Томского государственного университета, завкафедрой отечественной истории), В.Е. Рыбицкий (представитель Россотрудничества в Республике Молдова), С.Г. Суляк (кандидат исторических наук, доцент, главный редактор международного исторического журнала «Русин», председатель Общественной ассоциации «Русь»).

Программа конференции

25 сентября 2014 г., четверг

10:00 Начало пленарного заседания (Российский центр науки и культуры в Республике Молдова, г. Кишинёв, ул. В. Александри, д. 141/1, конференц-зал, 4-й этаж).

Презентация международного исторического журнала «Русин», № 2 (2014 г.).

К истории православия в Угорской Руси накануне Первой мировой войны (по материалам американской газеты «Свѣтъ»).

Данилец Юрий Васильевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины государственного высшего учебного заведения «Ужгородский национальный университет», директор Богословско-исторического научно-исследовательского центра им. архимандрита Василия (Пронина).

Бессарабия и Румынский фронт зимой 1916/1917 г.: деятельность организации гофмейстера С.Н. Гербеля.

Оськин Максим Викторович - кандидат исторических наук, докторант Московского педагогического государственного университета.

Погром в Перемышле 15 сентября 1914 г. и его отражение в периодике.

Кривочуприн Евгений Леонидович - выпускник исторического факультета Харьковского университета, публицист, автор книги «Надсянская Русь - возрожденная и утерянная».

Сибирь как стратегический ресурс России в период Первой мировой войны.

Зиновьев Василий Павлович - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета Томского государственного университета.

Фоминых Сергей Федорович - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета.

Участие 39-го пехотного Томского полка в боях и сражениях Первой мировой войны.

Голиков Валерий Иванович - кандидат исторических наук, доцент, начальник Военного института Томского государственного университета.

Проект освобождения Константинополя в рамках российской стратегии в Первой мировой войне.

Букарский Владимир Валерьевич - руководитель Единого информационно-аналитического центра «Eurasia Inform» (Кишинев, Молдова).

173-й Каменецкий и 174-й Роменский пехотные полки в первый год Великой войны.

Коровин Владимир Викторович - доктор исторических наук, профессор Юго-Западного государственного университета.

Первая мировая война и положение православной церкви Молдавии.

Стати Василий Николаевич - доктор исторических наук, кандидат филологических наук, профессор кафедры молдавской филологии Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

Духовенство Кишиневской епархии и Первая мировая война.

Содоль Вячеслав Анатольевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории и государственного управления Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

Православная церковь на Буковине во время Первой мировой войны.

Чучко Михаил Константинович - доктор исторических наук, профессор, и.о. завкафедрой этнологии, античной и средневековой истории Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича.

Реакция студентов Российской империи на события Первой мировой войны в 1914–1917 гг. (по материалам архивов Украины).

Кругляк Марина Эдуардовна - кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Житомирского государственного технологического университета.

Первая мировая война в жизни жителей Галиции и Буковины.

Кожолянюк Александр Георгиевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, античной и средневековой истории Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича.

Отношение администрации Бессарабии к проживавшим на территории губернии подданным Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны.

Суляк Сергей Георгиевич - кандидат исторических наук, доцент, главный редактор международного исторического журнала «Русин», председатель Общественной ассоциации «Русь».

Первая мировая война в судьбе бессарабских болгар.

Думиника Иван Иванович - научный сотрудник Института культурного наследия Академии наук Молдовы.

Червенков Николай Николаевич - доктор исторических наук, профессор кафедры истории и общественных наук Таракильского государственного университета им. Г. Цамблака, председатель Научного общества болгаристов Республики Молдова.

Выходцы из Австрии, интернированные в годы Первой мировой войны в Канаде.

Кожолянюк Георгий Константинович - доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии, античной и средневековой истории Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича.

Влияние Первой мировой войны на экономическое положение Бессарабии.

Поливцев Владимир Николаевич - кандидат исторических наук, завкафедрой европейской цивилизации университета «Высшая антропологическая школа» Республики Молдова.

Первая мировая война в ракурсах микроистории

Русев Николай Дмитриевич - доктор исторических наук, профессор кафедры истории и общественных наук Таракильского государственного университета.

Возникновение бессарабского вопроса в 1917-1918 гг. и интерпретация этих событий в историографии и мемуарах румынских деятелей.

Назария Сергей Михайлович - кандидат исторических наук, доктор политических наук, доцент Государственного института международных отношений Республики Молдова.

Языковое законодательство славянских государств, образованных по итогам Первой мировой войны.

Катунин Дмитрий Анатольевич - кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.

Бессарабия - первая территориальная жертва российской пролетарской революции.

Бойко Петр Артемович - кандидат исторических наук, заслуженный деятель науки и образования Республики Молдова.

Белые и красные на Днестре: саботаж гражданской войны?

Шорников Петр Михайлович - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории и государственного управления Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

Тема «Великой войны» во взаимоотношениях Российского правительства адмирала А.В. Колчака и Центрального Карпаторусского совета (1918–1919 гг.).

Шевелев Дмитрий Николаевич - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета.

Конев Кирилл Александрович - магистрант исторического факультета Томского государственного университета.

Съезды карпатороссов в Сибири в годы гражданской войны (1918–1919 гг.).

Нам Ирина Владимировна - доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета.

Наумова Наталья Ивановна - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета.

Третья волна межвоенной украинской политической эмиграции в Румынии (конец 1920 - начало 1921 г.).

Власенко Валерий Николаевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории юридического факультета Сумского государственного университета.

УДК 271.2(477.87)"1913-1914": 070 (73)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/37/1

К ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВИЯ В УГОРСКОЙ РУСИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (по материалам американской газеты «Свѣтъ»)

Ю.В. Данилец

Ужгородский национальный университет
Украина, 88000, г. Ужгород, пл. Народная, 3

E-mail: jurijdanilec@rambler.ru

Scopus Author ID: 55089984900

<http://orcid.org/0000-0003-0592-3907>

SPIN-код: 7540-4030

Авторское резюме

В статье анализируются материалы, которые печатались на страницах американского периодического издания «Свѣтъ». Эта газета напечатала около двух десятков статей и документов, которые касались истории православия в Угорской Руси. Публикации раскрывают политику венгерской власти относительно православных, показывают насилие и незаконное обращение с подсудимыми, демонстрируют беспочвенность приговора.

Ключевые слова: крестьяне, процесс, приговор, православные, русины, статья, угорцы.

To history of orthodoxy in Ugrian Rus on the eve of the WWI (on materials of american newspaper «Svet»)

Ju.V. Danilets

Uzhgorod National University
3 Folk square, Uzhgorod, 88000, Ukraine

E-mail: jurijdanilec@rambler.ru

Abstract

The article analyzes the materials, which have been published in the pages of the American periodical "Svet". Studies have shown that the newspaper published about

two dozen articles, information, documents relating to the history of Orthodoxy in Russia Ugric. Publications disclose the policy of the Hungarian authorities on Orthodox show violence and illegal handling of the defendants brought the groundlessness of the sentence.

Keywords: peasants, process, sentence, Orthodox, Ruthenians, article, ugororusy.

Закарпатье в начале XX в. было аграрно отсталой частью Австро-Венгерской империи. Яркую характеристику бедности местного населения дал экономист Эдмунд Еган: «В основном в хлебоборобской Угорщине умирает хлебоборобский народ. Русский крестьянин не видит целый год ни мяса, ни яйца, может, выпьет несколько капель молока, а в большой праздничный день съест кусок житного или пшеничного хлеба» (Еган 1922: 50). Известный российский ученый Федор Аристов, анализируя положение русинов в начале XX в., писал: «Для того чтобы понять весь ужас положения в Угорской Руси, достаточно указать на то, что во всех местных школах не слышно ни одного звука русской речи, и даже священники, стоящие ближе всех к народу, у себя дома и в церковных проповедях употребляют мадьярский язык» (Аристов 1916: 32). Постоянная нужда толкала крестьян к трудовой миграции на Американский континент. В США русины познакомились с православием, заработали деньги, прониклись некоторыми аспектами демократии. Многие ушли на Афон, где подвизались в русских кельях и монастырях.

Наиболее известными событиями в новейшей истории русинов были их переход из унии в православие и Мараморош-Сиготский судебный процесс 1913-1914 гг. В 2013-2014 гг. общественность широко отметила столетие этих драматических событий. Были открыты мемориальные доски, организованы крестные ходы, проведены научные форумы, сняты документальные фильмы. В частности, 15-16 ноября 2013 г. в Кишиневе состоялась международная научно-практическая конференция «Православие в Карпато-Днестровских землях (К 200-летию основания Кишиневской епархии и 100-летию Второго Мармарош-Сиготского процесса)». 8-9 февраля 2014 г. в Ужгороде проходила международная научная конференция «Религиозно-политические трансформации в Центрально-Восточной Европе в первой половине XX в.» (К 100-летию II Мараморош-Сиготского процесса 1913 -1914 гг.).

Преследования и истязания русинов за переход в православие, которое допускалось специальными законами и конституционными правами, привлекли внимание многих мировых СМИ. На страницах международного исторического журнала «Русин» мы уже рассказывали о ходе судебного процесса и его оценке в некоторых газетах (Данилец 2013; Данилец 2014). Данная публикация посвящена истории православия в Угорской Руси (название использовалось в

основном в российской историографии во второй половине XIX – начале XX в. по отношению к современному Закарпатыю) на страницах американской газеты «Свѣтъ».

Периодическое издание «Свѣтъ» – газета для православных русинов, проживавших в Бразилии, Канаде и США, впоследствии – орган «русских православных братств в Америке» (1900) и православных обществ взаимопомощи в США (1901-1910). Печаталась в 1897-1914 гг. в Олд-Фордж, Бриджпорте, Филадельфии, Нью-Йорке и других городах. В период, который рассматривается в нашей публикации, главным редактором газеты был протоиерей Венедикт Туркевич.

К сожалению, мы не имели доступа к полной подшивке издания за все годы. Благодаря профессору Университета Питтсбурга Жоэлю Бреди были получены фотокопии газеты за январь-май 1914 г. Проанализировав текст, мы обнаружили 17 сообщений, статей, воззваний и других материалов, которые в той или иной мере относятся к истории православия в Угорской Руси. Редакция использовала для публикаций большое количество источников: письма, которые приходили на адрес газеты, информацию венгерского «Korrespondenz-Bureau», статьи из различных европейских периодических изданий («Новое время», «Русское слово», «Neue Freie Presse», «Deutsch Ungarische Korrespondenz», «Villag» и др.). Нужно также отметить, что информация доходила с некоторым опозданием. Например, сообщение об окончании процесса и приговор, вынесенный подсудимым, «Свѣтъ» разместил только 12 и 19 марта 1914 г. соответственно.

Издание следило за важнейшими фактами, которые раскрывались во время слушания свидетелей. В статье под названием «Дело 94 угрорусов в венгерском суде. Трое сошедших с ума» редакция сообщила о жестокости и издевательствах «под видом судебного следствия и разбирательства». Это привело к тому, что «трое обвиняемых во время разбора дела уже впали в религиозное помешательство» (Свѣтъ 2). Далее газета описывает случай, который произошел во время допроса в суде Ивана Бабинца, крестьянина из с. Мидяница (ныне Иршавского района Закарпатской области Украины), о котором не писали австро-венгерские издания: «Когда из тюрьмы вывели 28-летнего Ивана Бабинца, он бессмысленно озирался вокруг и ничего не ответил на вопрос председателя суда. Затем он стал на колени перед распятием, находящемся на председательском столе, и начал громко молиться. Тюремный солдат попробовал поднять Бабинца, но был им отброшен в сторону с невероятной силой, столь обычной у сумасшедших. Все присутствующие оцепенели при виде такой неожиданной картины. Тогда все солдаты и часовые, бывшие в суде, набросились на Бабинца. Между угрорусом и венгерскими солдатами завязалась дикая борьба, которая закончилась тем, что

угрорусу были связаны руки и он снова был посажен на скамью подсудимых... Не успели все свидетели этого происшествия успокоиться, как снова на суде общее волнение: тюремный инспектор заявил суду, что двое находящихся в тюрьме обвиняемых, Яков Борканиук и Василий Вакаров, сошли с ума и буйствуют в своих камерах... Присутствовавшие на суде были так взволнованы, что председатель был принужден прервать заседание» (Свѣтъ 2).

Чрезвычайно важные показания на суде дал солдат 66-го пехотного венгерского полка в Мукачеве Дмитрий Петровций. Обвинение вменяло ему в вину то, что якобы он говорил: «Русский царь завоюет весь этот край по реку Белую Тису, поэтому мы должны все перейти в православие» (Свѣтъ 2). Петровций отверг предъявленные обвинения и заявил, что в тюрьме его заставляли подписать мадьярские протоколы, но что в них написано, он не знал.

В статье от 26 февраля 1914 г. редакция упрекает некоторые периодические издания за то, что они «як бы того не видели и не слышали», имея в виду судебный процесс. Игнорирование серьезной проблемы происходило также в венгерском парламенте. Как сообщает газета, только посол Бескид, «еще не омадьярченный русский представитель того обездоленного народа, заинтерпеллировал министра президента, чтобы тот отдал распоряжение остановить уголовный процесс против всех обвиняемых» (Свѣтъ 5).

Продолжая тему гонений на православных русинов, газета напечатала 5 марта 1914 г. заметку под названием «Как мадьярские жандармы истязали угрорусских крестьян?». В ней редакция поместила материалы слушания подсудимых из центра православного движения – с. Изы. «Первым предстал перед судьями Николай Сабов. Он первый с поднятой головой решается смело посмотреть в глаза судьям, говорит повышенным, громким голосом, с раздражением; этот крестьянин, кажется, уже месяцами ожидает разбирательства, чтобы высказать все, что накопело у него на сердце». На вопрос председателя, какой он религии, ответил: «Не знаю, ибо этот вопрос совершенно сбил меня с толку». Он передает председателю официальное свидетельство православного сербского настоятеля прихода в Мишкольце, что он окончательно перешел в схизму. «Я не понимаю, в чем меня могут обвинять. Я перешел и больше ничего не сделал. Вследствие подобного обвинения я уже раньше просидел два месяца в предварительном заключении, но приговорен не был». Подсудимый поднимает смело голову, раздражение охватывает его: «Как мне не перейти, если с нами поступают таким образом? И теперь на Рождество жандармы входили в каждый дом и сгоняли крестьян в униатскую церковь. Я был болен и лежал в кровати; ударами они принудили меня подняться с кровати и потащили в церковь». (Свѣтъ 6). Анализируя заявления обвиняемых, автор статьи делает

вывод, что эти показания «приводят суд в весьма затруднительное положение, а обвинение падает само собой».

Слова Сабова подтвердили также его односельчане Дмитрий Вакаров и Андрей Кеминь. Они утверждали, что жандармы истязали их на глазах судебного следователя. Их выпустили на свободу только в тот день, когда они подписали ложно составленный протокол.

Цитируя корреспондента венгерской газеты «Villag», издание передает разговор с одним из заключенных в тюрьме Мараморош-Сигота. Крестьянин сообщил, что священник Азарий угрожал православным еще в 1912 г.: «Погодите только, подлецы! Войско и жандармы приведут вас обратно в мою церковь!» (Свѣтъ 6). 4 января 1913 г. в Изу пришел военный отряд, и жандармы начали действовать. Они вторгались в дома православных, избивали мужчин плетью, не щадили даже женщин и детей. Многие скрывались от преследований в лесах, где отморозили себе руки и ноги. Арестованных гнали в волостной дом к судебному следователю Бреннеру, после разговора с которым в цепях отвели на улицу. «Они набросились на меня и ногами, и ружейными прикладами били, куда попало, до тех пор, пока я не лишился чувств. Когда я снова очнулся, жандармы «обрабатывали» как раз Дмитрия Вакарова. Один из жандармов вырвал ему прядь волос и бил его по лицу так долго, пока Дмитрий не проглотил своих собственных волос» (Свѣтъ 6).

Корреспондент «Свѣта», ссылаясь на «Новое время», публикует любопытный документ о том, что отказавшихся посещать униатский храм угрорусов жандармы избивали, а делалось это по указанию униатского священника. Этот документ – письмо в жандармерию за подписью Андрея Азария: «Михаил Гайдов по болезни освобождается от хождения в церковь. Гайдов освобождается по болезни, его не надо бить» (Свѣтъ 6).

Важна для исследователя информация, вышедшая в номере от 26 марта 1914 г. В заметке под заглавием «Из Австро-Венгрии. К угрорусскому процессу» представлены выдержки из выступлений прокурора и адвокатов. Прокурор Андор Иллеш (сын униатского священника из с. Липча, что возле Хуста, мадьяризованный русин) «начал похвалами для мадьярского народа, который от тысячи лет вводил в Угорщине западную культуру и жил и живет по-братски с другими народами в крае» (Свѣтъ 10). Всю вину за переход русинов в православие прокурор возложил на Михаила Погодина, Адольфа Добрянского, Ивана Наумовича, братьев Геровских, Владимира Бобринского.

Адвокат Артур Клейн, который защищал Кабалюка, возражая обвинителю, назвал главные причины православного движения: «нужда, что заставляет угрорусов переселяться в Америку, где они знакомятся с православными, и, вернувшись в край, стараются законным

путем снова принять православную веру предков. Но тут и светские власти, и духовенство ставят им препятствия, хотя в Венгрии закон о свободе вероисповедания действует, по крайней мере, на бумаге» (Свѣтъ 10). Также Клейн подчеркивал, что это движение появилось среди угрорусов еще до Кабалюка. Вместе с тем, Кабалюк отправлял богослужения с согласия церковных и светских властей.

Адвокат д-р Барна заявил, что угрорусы занимаются религиозными вопросами, потому что у них нет больше духовной пищи: «Движение это не угрожает Венгрии, он может быть не на руку некоторым греко-католическим священникам, которые хотят навязать народу объединение календарей». Адвокаты Редей и Папп критиковали обвинение с юридической стороны и заявляли, что движение не имело политического характера. Выступали также адвокаты Лапушевич, Ронай, Хаджи, Гошук, Яновский.

Значительное влияние на процесс оказал приезд в Мараморош-Сигот графа В. Бобринского. По словам «Свѣта», «в славянских кругах смотрят на поездку графа Бобринского как на национальный славянский подвиг в пользу угнетенных угрорусов. Нет сомнения, что поездка имела благотворное влияние на общественное мнение. Стена клевет и доносов, лишаящих русских возможности принести жалобу высшим австрийским сферам, поколеблена» (Свѣтъ 6).

Сообщал «Свѣтъ» также о событиях, сопутствовавших процессу. 29 января 1914 г. газета писала об отказе Бобринскому в визе для въезда на территорию Австро-Венгрии (Свѣтъ 4). В том же номере находим информацию о событиях в Черновцах. Первая заметка рассказывает о торжественном молебне в православном соборе города в день начала процесса (Свѣтъ 3). Вторая посвящена арестам русофилов в Черновцах. В рамках расследования в Венгрии были арестованы «братья Геровские: адвокат Алексей и инженер Георгий, их мать и сестра, бывший ученик реального училища Геллер, а также бывший народный учитель Цурканович. На квартирах арестованных произведен обыск, давший будто бы много уличающего материала» (Свѣтъ 1).

12 марта 1914 г. газета сообщила о вынесении приговора. Отношение редакции к этому событию характеризует само название статьи – «Осуждение невинных». Журналист кратко отразил суть приговора и довольно много места отвел о. Алексею (Кабалюку). «Главный арестант, отец Алексей, русский монах с Афонской горы, получил четыре с половиной года тюрьмы. Его правдивое имя, говорят, есть Александр Кабалюк, и его считали за вождя изменнического движения. Его обвинили в том, что он проводил свою пропаганду под видом усилий повернуть русинское крестьянство в православную веру, но с мыслью на деле оторвать его от подданства Австро-Венгрии и перетащить к России» (Свѣтъ 7). 19 марта 1914 г. редакция

напечатала имена всех, кто получил тюремное заключение (Свѣтъ 8).

26 марта 1914 г. газета поместила письмо архиепископа Платона (Вознесенского) по поводу преследования русинов в Австро-Венгрии. 8 мая была напечатана переписка архиепископа Платона с иеромонахом Алексием (Кабалюком). В связи с важностью этих документов для истории православного движения на Закарпатье мы размещаем их в конце данной статьи.

Таким образом, материалы американской газеты «Свѣтъ» за 1914 г. достаточно детально демонстрируют причины, ход и результаты судебного процесса против православных в Мараморош-Сигете. Издание, используя международную периодику, личные источники, письма, раскрывает политику венгерского правительства по отношению к русинскому населению. Хотя издание принадлежало к русофильскому направлению и симпатизировало православному движению, ему удавалось подавать объективную информацию. Газета «Свѣтъ» является ценным источником для изучения истории Угорской Руси (Закарпатя) накануне Первой мировой войны.

ДОКУМЕНТЫ

1

Откликъ Американской Православной Руси
на неправедный Мармарошскій судъ

(Письмо Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго
архіепископа Платона на имя редактора «Свѣта»)

Высокопреподобный отецъ редакторъ, протоіерей В. І. Туркевичъ!

Не нахожу слезъ для выраженія своихъ чувствъ, такъ какъ не могу безъ душевнаго волненія даже вспоминать это позорнѣйшее Мармарошское насиліе, которое называется судебнымъ процессомъ. Эти обстоятельства, предшествовавшія суду, когда австрійскіе жандармы прикладами ружей загоняли нашихъ братьевъ православныхъ угрорусовъ въ уніатскія церкви, а потомъ, вслѣдствіе отказа подчинятся такому насилію, избивали ихъ до полусмерти и сажали невинныхъ страдальцевъ въ тюрьму, – этотъ ходъ суда, состоявшаго въ одномъ лишь издѣвательствѣ надъ подсудимыми, этотъ беззаконный приговоръ, по которому наши русскіе люди осуждены на тюремное заключеніе за «измѣну коронѣ», которая вся эта измѣна только въ томъ и состояла, что они захотѣли быть православными, – все это волнуетъ меня, наполняя душу мою и негодованіемъ и глубокой печалью.

Можно ли даже представить себѣ то, чтобы іеромонахъ Алексій (Кабалюкъ) и съ нимъ осужденные крестьяне могли угрожать существованію Австро-Венгерской имперіи?

О. Алексія я знаю, ибо находился съ нимъ въ самомъ близкомъ

общеніи, когда онъ подолгу проживаль у меня здѣсь. И какое дѣйствительное удовольствіе составляла для меня бесѣда съ этимъ добрымъ монахомъ простецомъ, который никогда и единымъ словом не обмолвился о политикѣ, а только всегда горѣль огнемъ ревности по Бозѣ; никогда не говорилъ о возможности освобожденія Прикарпатской Руси изъ-подъ власти Австріи, а лишь мечталъ о наступленіи того счастливаго времени, когда и въ Австріи можно будетъ «по православному Бога хвалить».

Какъ видно изъ показаній обвиняемыхъ товарищей о. Алексія и многочисленныхъ свидѣтелей, и всѣ осужденные угорорусы были однихъ убѣжденій съ о. Алексіемъ.

За что же осудили невинныхъ?! Неужели можетъ быть такъ по-права правда и притомъ въ наше время?! Неужели нельзя даже и протестовать противъ этого несправедливаго суда, противъ такого насилія надъ нашими родными братьями? Пусть на нашъ протестъ не обратятъ вниманія тѣ, которые могутъ измѣнить судьбу несчастныхъ осужденныхъ, но о немъ узнаютъ самые осужденные, и это будетъ каплею ея нашей любви на ихъ израненные души. И, о, какъ понятенъ мнѣ благородный порывъ благороднѣйшаго графа Бобринскаго! Давъ свое согласіе на судъ и получивъ разрѣшеніе оставить залу суда, графъ Бобринскій слегка поклонился судьямъ, а потомъ повернулся въ сторону осужденныхъ и сдѣлалъ имъ глубокой поклонъ, коснувшись земли перстами правой руки. «Обвиняемые заплакали», - сообщаютъ корреспонденты...

Пусть наши протесты будутъ подобнымъ земнымъ поклономъ осужденнымъ братьямъ нашимъ. Пусть будутъ данью нашей любви къ нимъ, пусть будутъ чѣмъ угодно, но только мы должны протестовать, ибо не можемъ не протестовать!

Берите, о. протоіерей, въ свои редакторскіе руки веревку отъ вѣчеваго колокола и громко звоните на всю Американскую Русь. Всѣхъ всколыхните: и старыхъ, и малыхъ, всѣхъ русскихъ людей, не только православныхъ, но и уніатовъ – немазепинцевъ.

На вѣча, братья мои и сестры, на вѣча, дѣти Русской земли!

Запротестуемъ! Громко закричимъ отъ наболѣвшаго русскаго сердца, и пусть эти протесты наши донесутся до Австріи!

Вѣчами этими откороемъ глаза и нашимъ русскимъ уніатамъ, которые не могутъ вмѣстѣ съ нами не страдать душой при видѣ того беззаконія, которое чинится въ старомъ краю надъ ихъ братьями, въ томъ только повинными, что они желаютъ держаться правдѣйной вѣры.

На вѣча! Да загорится святой огонь дѣятельнаго сочувствія мученикамъ православія по всей Американской Руси. Пусть скажетъ она свое слово. И когда слово это донесется въ тюрьмы до нашихъ невинныхъ страдалцевъ за православіе, оно будетъ святою вѣстью

нашей братской къ нимъ любви и благовѣстія къ нимъ – нашимъ роднымъ мученикамъ, оно будетъ святымъ лобзаніемъ ихъ ранъ, полученныхъ за исповѣданіе нашей святой православной вѣры.

Теперь идетъ уже новое судбище надъ русскими въ Австро-Венгріи, началась новая глава того же Мармарошскаго кошмара, который поразилъ весь міръ и своею нелѣпостью, и своею жестокостью. Теперь Мармарошъ уступилъ мѣсто Львову, гдѣ вмѣсто православныхъ угорщанъ фигурируютъ православные галичане. А тамъ на мѣсто этихъ галичанъ – священниковъ Сандовича и Гудимы и писателей Бендасюка и Колдры будутъ посажены православные буковинцы – братья Геровскіе...

Быть можетъ, потребуются новые жертвы, и эти украинцы, эти мазепинцы, которые, собственно, и дѣлаютъ все это, найдутъ, конечно, ихъ въ средѣ нашего русскаго народа. Бессовѣстные, жалкіе ренегаты, отрекшіеся отъ всего родного, убившіе въ себѣ все русское, они, извѣстные и здѣсь своею душепагубною антирусскою некультурною дѣятельностью, тамъ, въ старомъ краю, являютъ себя предъ всѣмъ міромъ этою своею преступною работою, этимъ насиліемъ надъ своими же братьями. Ибо весь судъ этотъ есть результатомъ ихнихъ стараній. Онъ ими инспирированъ и ими сценированъ. И какъ они теперь злобно радуются!

Радуйтесь, насильники, ликуйте! Но знайте и не забывайте, что русскій народъ никогда не забудетъ этой вашей злобной радости и этой вашей преступной дѣятельности, и проклятіе его будетъ тою для васъ печатью, которою былъ отмѣченъ братоубійца Каинъ. Придетъ же, настанетъ время, настанетъ та пора, когда и вы почувствуете тотъ ужасъ, который пережилъ Каинъ, когда и вы, подобно Каину, будете ущемлены въ своей совѣсти, – но поздно уже будетъ, такъ какъ русскій народъ не проститъ вамъ этого вашего дѣянія, этого насилія вашего надъ братьями, надъ правдою, надъ нашею русскою вѣрою. Русскій народъ, взволнованный и возмущенный теперь до глубины своей души, властно скажемъ вамъ тогда: прочь, братоненавистники! Идите къ тѣмъ, предъ которыми вы привыкли ползать и унижаться, живите этою своею, свойственною вамъ рабскою жизнью, а къ намъ – русскимъ не прикасайтесь, ибо вамъ нѣтъ части съ нами. Тѣ не могутъ быть русскими, которые творятъ такое зло русскимъ и которые такъ пресмыкаются передъ нерусскими.

Русскіе всегда, даже и въ страданьяхъ, держатся прямо и въ униженьяхъ смотрятъ открыто, ясно, какъ этотъ о. Алексій, глубоко вѣрующій, православный, невинный, искренній человѣкъ, не могущій быть измѣнникомъ и предателемъ, подобно мазепинцамъ, измѣнивши своей народности и своей прадѣдной вѣрѣ. Много разъ, повторяю, бесѣдовалъ и съ о. Алексіемъ, много слышалъ я отъ него объ Іерусалимѣ, Афонѣ, Кіевѣ, Почаевѣ, о тяжелой участи православ-

ныхъ въ старомъ краю, о ночныхъ моленіяхъ тамъ: но никогда ни одного слова не сказалъ онъ мнѣ о конспиративныхъ собраніяхъ ради политическихъ цѣлей – этихъ собраній не было и этихъ цѣлей. Онъ и друзья его оклеветаны и осуждены, но не опозорены, какъ бы того хотѣлось врагамъ ихъ. О, я знаю, я убѣжденъ въ томъ, что нашъ о. Алексій чувствуетъ себя теперь счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ! Пострадавъ за правду, принять мученія за святую вѣру православную – не позоръ это, это счастье, то великое счастье, которое рѣдко выпадаетъ на долю человѣка. И «смерть за Христа – приобрѣтеніе», но какъ же незавидна участь и бывшихъ и современниковъ Нероновъ...

Волнуется теперь Державная Русь, но сдерживается себя отъ выступленій, правильно полагая, что должна же быть совѣсть и у этихъ враговъ православія, и у людей, населяющихъ Австро-Венгрію, что не можетъ же быть и тамъ окончательно поправа правда. И мы видимъ и слышимъ, что стали въ Австро-Венгріи раздаваться противъ этого ужасающаго насилія протесты, что лучшіе тамошніе люди и лучшіе печатные органы возвысили свой голосъ противъ этого безобразія, этого чудовищнаго беззаконія.

Поможемъ же своимъ братьям-страдальцамъ сочувствіемъ, поддержимъ ихъ своими протестами.

На вѣча, братья и сестры, на вѣча, русскіе люди!

Архіепископъ Платонъ. 10 марта 1914. Нью-Йоркъ.
(Свѣтъ 9)

2

Изъ переписки Его Высокопреосвященства съ осужденнымъ (на Мармарошъ-Сигетскомъ судѣ) на тюремное заключеніе за православныя убѣжденія о. іером. Алексіемъ (Кабалюкомъ)

Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнѣйшему
архіепископу Платону въ Нью-Йоркъ
Христось воскресе!

Душевнымъ лобзаніемъ имѣю честь поздравить и привѣтствовать Ваше Высокопреосвященство, Милостивѣйшаго Отца, съ свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ изъ мертвыхъ.

Почтительнѣйше увѣдомляю Васъ, что по милости Божіей живу на милой родинѣ, а въ настоящее время нахожусь въ тюрьмѣ въ Дебрецинѣ и съ терпѣніемъ несу удѣлъ, мнѣ удѣленный міромъ симъ.

Противъ приговора Императорскаго Сигетскаго суда я подалъ апелляцію, и вторичное разбирательство имѣетъ состояться въ Дебрецинѣ въ имперскомъ судѣ.

Всепоконѣйше прошу Ваше Высокопреосвященство, Милостивѣйшаго Отца, послать мнѣ (телеграфично) необходимые триста (300) долларовъ въ коронахъ.

Прошу послать мнѣ 1430 коронь.

Привѣтствую Господомъ Иисусомъ Христомъ Американскую г.к. Святую Церковь и прошу не забывать вспоминать меня грѣшнаго въ своихъ молитвахъ при святыхъ Божіихъ службахъ.

Благодарю Господа Бога, что имѣю доброе здоровье и могу молиться, имѣю при себе псалтырь и евангеліе. На этомъ кончаю свое письмо.

Почтительнѣйше привѣтствую Преосвященнѣйшаго епископа Александра и остальныхъ миссіонеровъ и братію во Христѣ. Господь Богъ да благословитъ ихъ всѣхъ. Остаюсь Христовъ слуга,
іеромонахъ Алексій Кабалюкъ.

Деньги извольте послать по телеграфу на слѣдующій адресъ:

Kabalyk Alexy

Torvenyszeki-foghaz

Ungarn, Debrecen.

Дебрецинъ, 1914 г.

Апр. 8 н. ст., Мар. 26 чт.

(Свѣтъ 11)

3

Отвѣтное письмо Его Высокопреосвященства
Воистину Воскресе,
дорогой мой братъ во Христѣ и страдалецъ.

Весьма жалѣю, что это письмо твое такъ долго шло до меня и ты могъ думать, что я уже забылъ тебя и не откликаюсь на твой зовъ о помощи. Нѣтъ, не забылъ я тебя и не забуду, такъ какъ предъ моими очами всегда живымъ стоитъ твой страдальческій образъ, и я какъ раньше, такъ и теперь умиляюсь твоимъ мученическимъ подвигомъ за нашу святую вѣру и цѣлюю твои раны, приобщаясь тѣмъ къ твоей участи, рѣдкой въ наши дни и не завидной. Страданіе за святое православіе, за чистую вѣру нашихъ славныхъ предковъ – что можетъ быть возжелѣннѣе для насъ, православныхъ русскихъ людей и слугъ Христовыхъ? Пусть Христосъ и подкрѣпляетъ тебя. Надежда на эту помощь – якорь въ твоей жизни; знай и то, что наша братская любовь къ тебѣ всегда будетъ съ тобою.

Посылаю тебѣ 1430 коронь.

Привѣтствія твои переданы. Преосвященнѣйшій Александръ и вся наша братія здравствуютъ и превозмогаютъ о Господѣ – Спасителѣ нашемъ.

Призываю на тебя милость Божію.
Архіепископъ Платонъ
23 Апр. 1914 г., Нью-Йоркъ.
(Свѣтъ 11)

ЛИТЕРАТУРА

- Аристов Ф.* Карпато-русские писатели. Т. I. М., 1916. 304 с.
- Данилец Ю.* Антирусинский судебный процесс 1913-1914 гг. в Мараморош-Сиготе на страницах львовских газет «Дело» и «Дело и Новое слово» // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. Кишинев, 2014. № 2. С. 249-269.
- Данилец Ю.* Переслідування русинів за віру в Австро-Угорщині напередодні Першої світової війни (до 100-річчя другого Мараморош-Сиготського процесу 1913-1914 рр.) // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. Кишинев, 2013. № 4. С. 16-31.
- Еган Е.* Економічне положення руських селян в Угорщині. Прага, 1922. 96 с.
- Свѣтъ 1 - Аресты в Черновцах // Свѣтъ. 1914. 29 января.
- Свѣтъ 2 - Дело 94 угрорусов в венгерском суде. Трое сошедших с ума // Свѣтъ. 1914. 29. января.
- Свѣтъ 3 - Молитвы за обвиняемых // Свѣтъ. 1914. 29 января.
- Свѣтъ 4 - Отказ в пропуске гр. В. Бобринскому // Свѣтъ. 1914. 29 января.
- Свѣтъ 5 - Мараморош-Сигетская справа в угорском парламенте // Свѣтъ. 1914. 26 февраля.
- Свѣтъ 6 - Угорорусский процесс. Как мадьярские жандармы истязали угор-русских крестьян? // Свѣтъ. 1914. 5 марта.
- Свѣтъ 7 - Осуждение невинных // Свѣтъ. 1914. 12 марта.
- Свѣтъ 8 - Угорорусский процесс. Судебный приговор // Свѣтъ. 1914. 19 марта.
- Свѣтъ 9 - Отклик Американской Православной Руси на несправедливый Мармарошский суд // Свѣтъ. 1914. 26 марта.
- Свѣтъ 10 - Из Австро-Венгрии. К угорорусскому процессу // Свѣтъ. 1914. 26 марта.
- Свѣтъ 11. Из переписки Его Высокопреосвященства с осужденным (на Мармарош-Сигетском суде) на тюремное заключение за православные убеждения о. иером. Алексием (Кабалюком) // Свѣтъ. 1914. 8 мая.

References

- Aristov F.* Karpato-russkie pisateli [Carpatho-Russian writers.], volume 1, Moskva, 1916, 304 p. [in Russian].
- Danilets Yu.* Antirusinskiy sudebnyy protsess 1913-1914 gg. v Maramorosh-Sigote na stranitsakh l'vovskikh gazet "Delo" i "Delo i Novoe clovo" [Newspapers "Delo" and "Delo and New Slovo" as a source of history trial in Marmarosh-Sigot years 1913-1914], Rusin, International historical journal, red. S.G. Sulyak, Kishinev, 2014, Nr 2, pp. 249-269 [in Russian].
- Danylec'Yu.* Peresliduvannja rusyniv za viru v Avstro-Ugorshhyni naperedodni Pershoi' svitovoi' vijny (do 100-richchja drugogo Maramorosh-Sygots'kogo procesu 1913-1914 rr.) [Persecution for the faith Ruthenians in Austria-Hungary before World War (100th Anniversary of the Second Marmarosh-

Sighet Trial 1913-1914)], Rusin, International historical journal, red. S.G. Sulyak, Kishinev, 2013, Nr 4, pp. 16-31 [in Ukrainian].

Egan E. Ekonomichne polozhene rus'kikh selyan v Ugorshchini [The economic situation of the Russian peasants in Hungary], Praga, 1922, 96 p.

Svet 1 - Aresty v Chernovtsakh [Arrests in Chernivtsi], Svet [Light], 1914, January 29 [in Russian].

Svet 2 - Delo 94 ugorussov v vengerskom sude. Troe soshedshikh s uma [Case 94 ugorussov in the Hungarian court. Three gone mad], Svet [Light], 1914, January 29 [in Russian].

Svet 3 - Molitvy za obvinyaemykh [Prayers for defendants], Svet [Light], 1914, January 29 [in Russian].

Svet 4 - Otkaz v propuske gr. V. Bobrinskomu [Failure to pass count V. Bobrinsky], Svet [Light], 1914, January 29 [in Russian].

Svet 5 - Maramorosh-Sigetskaya sprava v ugorском parlamente [Maramorosh-Sigot matter in Parliament of Hungary], Svet [Light], 1914, February 29 [in Russian].

Svet 6 - Ugorusskiy protsess. Kak mad'yarskie zhandarmy istyazali ugorusskikh krest'yan? [Hungarian-Russian process. How Magyar gendarmes tortured Hungarian-Russian peasants?], Svet [Light], 1914, March 5 [in Russian].

Svet 7 - Osuzhdenie nevinnykh [Condemnation of Innocents], Svet [Light], 1914, March 12 [in Russian].

Svet 8 - Ugorusskiy protsess. Sudebnyy prigovor [Hungarian-Russian process. A court verdict], Svet [Light], 1914, March 19 [in Russian].

Svet 9 - Otklik Amerikanskoй Pravoslavnoy Rusi na nepravednyy Marmaroshskiy sud [The response of the American Orthodox Rus on the unjust Marmaroshsky court], Svet [Light], 1914, March 26 [in Russian].

Svet 10 - Iz Avstro-Vengrii. K ugorusskomu protsessu [From Austro-Hungarian Empire. By ugorusskomu process], Svet [Light], 1914, March 26 [in Russian].

Svet 11 - Iz perepiski Ego Vysokopreosvyashchenstva s osuzhdennym (na Marmarosh-Sigetskom sude) na tyuremnoe zaklyuchenie za pravoslavnye ubezhdeniya o. ierom. Aleksiem (Kabalyukom) [From the correspondence of His Eminence with a convicted (at Marmarosh-Sigot court) to imprisonment for orthodox beliefs about. ierom. Alex (Kabaljuk), Svet [Light], 1914, May 8 [in Russian].

Данилец Юрий Васильевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Государственного высшего учебного заведения «Ужгородский национальный университет».

Danilets Yuriy - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Ukraine of State Higher Education Establishment "Uzhhorod National University".

E-mail: jurijdanilec@rambler

УДК 94(47)"1914/17"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/37/2

БЕССАРАБИЯ И РУМЫНСКИЙ ФРОНТ ЗИМОЙ 1916/1917 г.: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ ГОФМЕЙСТЕРА С.Н. ГЕРБЕЛЯ

М.В. Оськин

Институт законоведения и управления
Всероссийской полицейской ассоциации
Россия, 300039, г. Тула, ул. Сурикова, д. 2
E-mail: maxozv@yandex.ru

Авторское резюме

Вступление Румынии в Первую мировую войну в августе 1916 г. наложило на Российскую империю дополнительные обязательства. После поражения Румынии основная нагрузка по обеспечению Румынского фронта, приему румынских беженцев, продовольственному снабжению румынской армии легла на Бессарабскую губернию. Основная часть работы по решению данной проблемы была возложена на организацию гофмейстера С.Н. Гербеля. Статья показывает усилия этой организации, предпринятые тяжелой зимой 1916/1917 г., в период от разгрома Румынии до Февральской революции.

Ключевые слова: Румынский фронт, продовольственное снабжение, Бессарабия, гофмейстер Сергей Николаевич Гербель.

Bessarabia and the Romanian Front in the winter 1916/1917: the organization Chamberlain S.N. Gerbel'

M.V. Os'kin

Institute of Jurisprudence and Management
of the All-Russian police association
2 Surikov str., Tula, 300039, Russia
E-mail: maxozv@yandex.ru

Abstract

Accession of Romania during World War I in August 1916 imposed on the Russian Empire for more effort and commitment. After the defeat of Romania's main burden of providing the Romanian front, reception Romanian refugees, food supply of the Romanian army fell on the province of Bessarabia. Most of the work to solve this problem rests on the organization Chamberlain S.N. Gerbel'. The article shows the efforts of the Organization of severe winter in 1916/1917, in the period from the defeat of Romania to the February Revolution.

Keywords: Romanian front, the food supply, Bessarabia, Chamberlain Sergey Nikolaevich Herbel'.

В ходе Первой мировой войны 1914-1918 гг., на каждом ее этапе, противоборствующие коалиции – Антанта и Центральные державы одной из своих целей ставили расширение своих рядов путем привлечения на свою сторону пока еще нейтральных стран. К середине 1916 г. в одном из эпицентров бушевавшей войны оставалось одно такое государство – Румыния, 14 августа (*здесь и далее - даты по старому стилю. - М.О.*) вступившая в войну на стороне Антанты. Правительство И. Брэтиану сумело добиться для себя от Франции и Великобритании максимума политических, экономических и иных уступок. Поэтому «борьба за Румынию», представлявшую собой, помимо чисто военной силы (около 500 тыс. чел.), еще и выгодный ресурсный и стратегический регион Балкан, завершилась в пользу Антанты (Виноградов 1969). Доводы русской стороны, сознававшей, что основная часть усилий для оказания помощи новому союзнику ляжет именно на Российскую империю, и потому настаивавшей на румынском нейтралитете, не были приняты во внимание. Выступление Румынии на излете Брусиловского прорыва, когда русские армии были уже остановлены под Ковелем и в Южных Карпатах, лишь усугубило и без того непростую для русских общеполитическую и военную обстановку, невзирая на то, что первоначально в России участие Румынии в войне воспринималось с оптимизмом. В августе военные цензоры русской действующей армии отмечали, что, судя по письмам солдат, с выступлением Румынии на стороне Антанты надежды на победу возросли (РГВИА 3: 178).

Под давлением союзников начальник штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеев 4 августа подписал с Румынией военную конвенцию, ставшую основным документом в вопросах взаимодействия русских и румын. Конвенция предполагала отправку русского 47-й корпуса А.М. Зайончковского в румынскую Добруджу для прикрытия ее от болгар. Политическое соглашение признавало права Румынии на те территории Австро-Венгрии, что были на-

селены румынами, и гарантировало территориальную целостность Румынии. Оценивая конвенцию, следует сказать, что она стала плодом неразумного компромисса. С одной стороны, русская сторона сумела отбиться от румынских требований отправить в Добруджу 250 тыс. русских солдат (половина румынской армии); с другой стороны, в случае военных неудач Румынии оказать ей поддержку должна была как раз Россия.

Не пожелав или не сумев использовать румынский «трамплин» для удара по Болгарии и Турции с перспективой выхода к Стамбулу и черноморским проливам, русская ставка тем не менее обрекла себя на вынужденное сотрудничество с Румынией, связав себя обязательствами по оказанию ей помощи. Действительно, по мере ухудшения обстановки на фронте и поражений румын в Трансильвании русские также отошли из Добруджи под ударами противника; с конца октября в Румынию стали перебрасываться дополнительные русские войска, а 24 ноября на базе Дунайской армии В.В. Сахарова был создан новый фронт – Румынский. Таким образом, Россия послала на помощь Румынии не только требуемые ею 250 тыс. человек, но в пять раз больше. Отказ румынского руководства от осмысленного сотрудничества с русскими, ненужное наступление в Трансильвании стали причиной военного поражения. Ценой же стал разгром Румынии, падение Бухареста 24 ноября (еще 13 ноября румынское правительство переехало в Яссы) и ее почти полная оккупация неприятелем.

Ближайшим тылом Румынского фронта (далее – Румфронт) и регионом, принявшим румынских беженцев (по некоторым данным, вместе с остатками армии от румынской столицы отступало до 1,5 млн эвакуированных и беженцев (Балканы 1991: 270)), стала пограничная с Румынией российская Бессарабская губерния с центром в Кишиневе. В годы Первой мировой войны она играла важную роль, снабжая продовольствием Юго-Западный фронт (далее – ЮЗФ) и ряд внутренних губерний страны. Восемь губерний России в предвоенный период давали более четверти сбора зерновых по стране – Херсонская, Бессарабская, Таврическая, Донская, Екатеринославская, Саратовская, Самарская и Оренбургская. Валовые сборы хлеба здесь достигали около тонны на человека (Тюкавкин, Щагин 1987: 55). По мере новых мобилизаций в армию именно максимально производившие хлеб регионы в первую очередь получали новые рабочие руки – военнопленных. Так, в телеграмме от 17 июня 1916 г. министр земледелия А.Н. Наумов излагал М.В. Алексееву свои просьбы в отношении пленных: 25 тыс. - в Херсонскую губернию, 15 тыс. - в Таврическую, по 10 тыс. - в Екатеринославскую, Киев-

скую, Бессарабскую, Полтавскую, Харьковскую губернии и Донскую область и 7 тыс. - в Саратовскую губернию, «так как урожай в южных губерниях предвидится значительный» (РГВИА 6: 60).

В России 32 губернии нуждались в привозном хлебе, который мог поставляться из 18 губерний, имевших излишки продовольственного зерна. При этом более 2/3 излишков было сосредоточено лишь в шести губерниях (область Войска Донского, Херсонская, Бессарабская, Екатеринославская, Самарская, Таврическая). Как видим, все эти регионы (кроме поволжской Самары) находились на юге, причем Бессарабская, Херсонская, Таврическая и Екатеринославская губернии (с запада на восток) граничили друг с другом. Таким образом, снабжение продовольствием «целиком и полностью зависело от двух факторов: мобилизации излишков в хлебопроизводящих губерниях и их своевременной транспортировки, т.е. от функционирования внутреннего рынка» (Островский 1999: 484). Наибольшее сокращение посевной площади с 1916 г. произошло в Донской и Кубанской областях (Головин 2001: 246). В то же время Херсонская и Таврическая губернии работали на снабжение ЮЗФ, а Бессарабская губерния с осени 1916 г. переключилась на Румфронт.

Задача продовольственного обеспечения страны и продфуражного снабжения фронта с началом войны была возложена на Главное управление землеустройства и земледелия (с 1916 г. – Министерство земледелия), возглавляемое соратником П.А. Столыпина – А.В. Кривошеиным. Аппарат ГУЗиЗ, насыщенный новыми сотрудниками и высшими чиновниками, отвечавшими за продовольствие вверенного им региона, первоначально полностью справлялся со своими задачами. Однако уже 11 июня 1915 г. в докладе премьер-министру И.Л. Горемыкину А.В. Кривошеин сообщал, что его ведомству не удастся справиться со снабжением армии мясными продуктами, поэтому следует перейти к закупкам скота в Монголии (РГВИА 1: 92). Постепенно проблемы со снабжением и прочими продуктами стали нарастать.

С образованием института Особых совещаний по обороне государства в августе 1915 г. структура заготовительно-снабженческого аппарата Министерства земледелия приобрела законченные черты. С начала войны в регионах действовали уполномоченные Министерства земледелия по закупкам хлеба для армии, каковыми чаще всего становились председатели губернских земских управ. Со временем количество уполномоченных увеличивалось в зависимости от номенклатуры заготавливаемого в регионе продукта (например, в Центральной России производилась сушка овощей, и появилась должность уполномоченного по закупкам овощей для армии, а в

малороссийских областях – уполномоченные по закупке сахара, так как на Украине концентрировалось большинство сахарных заводов страны). Осенью 1915 г. был создан параллельный аппарат – уполномоченного председателя Особого совещания по продовольственному делу, каковым также стал министр земледелия. Таким образом, один человек – министр земледелия (занимавшие эту должность А.В. Кривошеин, А.Н. Наумов, А.А. Бобринский и А.А. Риттих) выступал как руководитель двойных структур, занимавшихся на местах одним и тем же делом – заготовкой продовольствия и тесно взаимодействовавших друг с другом. Этими уполномоченными, как правило, были губернаторы.

В Бессарабской губернии уполномоченным председателя Особого совещания по продовольственному делу был назначен губернатор М.М. Воронович, а уполномоченным Министерства земледелия по закупке хлеба для армии – председатель губернской земской управы К.А. Мими. Однако с вступлением в войну Румынии, что существенно повысило значение Бессарабской губернии в системе продфуражного снабжения русской армии, здесь появился окружной уполномоченный по заготовке хлеба для армии в Одесском военном округе. Эту должность занял член Государственного Совета, крупный землевладелец Херсонской губернии гофмейстер Сергей Николаевич Гербель.

Вскоре после начала войны Гербель занял пост особоуполномоченного по заготовке живого скота для армий ЮЗФ. Из-за перегруженности железных дорог скот отправлялся на фронт собственным ходом, потому основные усилия легли на прифронтовые регионы. В итоге, дабы облегчить его транспортную доставку, из Донской и Кубанской областей была организована перевозка скота через Азовское море в Екатеринославскую и Таврическую губернии. Также был «организован гон скота на Юго-Западный фронт из губерний Херсонской, Бессарабской, Волынской, Подольской и других ближайших к этому фронту» (ГАРФ 2: 9). Должность особоуполномоченного предполагала координацию действий как по заготовкам скота на юге страны (разверстка между хозяевами, закупка, исполнение требований министра земледелия), так и по его доставке на фронт.

На новом посту С.Н. Гербель стал заведовать делами заготовки продфуража в Херсонской и Бессарабской губерниях и Днепровском уезде Таврической губернии, подчиняясь напрямую министру земледелия как председателю Особого совещания по продовольственному делу (аппарат министра в годы войны назывался Хлебармией). В Херсонской губернии особого уполномоченного Хлебармией не было, и потому, помимо уже упомянутого К.А. Мими, штаб ко-

торого располагался в Кишиневе, Гербелю подчинялись уполномоченный Днепропетровского уезда председатель уездной земской управы А.М. Колчанов, уполномоченный по заготовке скота в Херсонской губернии Г.Я. Эрдели, уполномоченный по заготовке фуража в Херсонской губернии Г.П. Гнедич и уполномоченный по заготовке скота, сена и сала в Бессарабской губернии В.С. Коссович (управляющий монастырскими имениями). Согласно наряду Хлебармии, из урожая 1916 г. районы, за которые отвечал С.Н. Гербель, должны были поставить 93 475 тыс. пудов различного хлеба (РГВИА 9: 4 об.).

В этой должности Гербель проявил себя не только как талантливый организатор, но и как неплохой хозяйственник. В сентябре 1916 г. на съезде уполномоченных в докладе особоуполномоченного по закупке хлеба, сахара и соли для армии Н.А. Мельникова по вопросу установления односортного помола пшеничной муки говорилось: «Усиливающиеся затруднения по снабжению армии и населения пшеничной мукой побуждают прибегнуть к исключительным мерам как для получения наибольшего количества питательного продукта, так и для возможности установить наиболее целесообразную систему распределения уже готовой муки». Некоторые губернии ходатайствовали о введении вместо трехсортного односортного помола пшеницы, а Харьковская, Томская и Екатеринославская губернии установили только простой размол. Однако, с точки зрения Мельникова, более правильное решение, если считаться с недостатком фуража, принял Гербель для Херсонской, Волынской, Бессарабской, Подольской и Киевской губерний – односортная пшеничная мука с выходом в 85 %. Министр земледелия в итоге запретил «переход исключительно на простой помол ввиду крайнего недостатка фуража» и позволил «выработку только сеяной пшеничной муки с выходом, равным выходу трех сортов» пшеницы. Поэтому желательным было «ввести во всей империи односортный помол пшеницы с выходом в 80 % муки и не более 20 % отрубей и отхода» (ГАРФ 4: 1). Таким образом, назначение С.Н. Гербеля окружным уполномоченным вытекало из оценки его предшествовавшей деятельности в решении продовольственного вопроса на юге империи.

Аппарат С.Н. Гербеля переключался с Галиции на Румынию в сжатые сроки. Правда, он и ранее работал с поставками в Румынию. Например, телеграмма от 20 августа 1916 г. русского военного атташе в Румынии полковника А.А. Татаринова в ставку указывала: «Штаб 47-го армейского корпуса просит сообщить Гербелю, что доставка скота гоном из Исакии через Добруджу невозможна. Нужно доставлять водою или по железным дорогам. Румыны и я всецело к этому

мнению присоединяемся» (РГВИА 8: 73 об.). То есть скот подгонялся к Рени, а оттуда шел пароходами по Дунаю до Черновод. Следовательно, работа была уже знакома Гербелю. Но еще в октябре весь правый берег Днестра (Бессарабская, Херсонская, Подольская, Киевская и Волынская губернии, Екатеринославский и Верхнеднепровский уезды Екатеринославской губернии и Днепропетровский уезд Таврической губернии) входил в зону поставок ЮЗФ (РГВИА 7: 55), а уже в начале ноября юго-западный участок всецело перепрофилировался на Румынию, куда стали перебрасываться русские войска, требовавшие для себя снабжения. В состав Румфронта в качестве баз снабжения входили Бессарабская губерния без Хотинского уезда (в тылу ЮЗФ), часть Подольской губернии, Херсонская и Таврическая губернии, пять уездов Екатеринославской губернии (ГАРФ 1: 112 об.).

В разгар боев в Добрудже стало ясно, что войска А.М. Зайончковского отходят к Дунаю и уже сдана база флота – порт Констанца. Главный полевой интендант К.Н. Егорьев в телеграмме Татаринову от 17 октября 1916 г. сообщал: «Для обеспечения продовольствием армий в Румынии на Дунае на гофмейстера Гербеля возложено устройство складов на станциях железных дорог Галац – Яссы – Черновицы. Прошу оказать ему в этом всякое содействие через румынских властей в постройке и организации складов, магазинов, получение перевозочных средств и прочего, что необходимо будет для налаживания дела». Усилиями С.Н. Гербеля были построены русские склады в Трумешть, Хуше, Бырладе, Фольтешть, хлебопекарни в Унгенах, Траяновом Валу, Яссах. Сам Гербель, действовавший в это время в Румынии в качестве помощника представителя русского командования при румынской главной квартире (аналог русской ставки) М.А. Беяева, 21 октября 1916 г. телеграфировал в ставку: «За неделю склады выстроиться не могут, сейчас идет подвоз лесных материалов. Завтра сам выезжаю в Яссы, проеду до Галаца на автомобиле, откуда сообщу подробности. Распоряжение о скоте в Унгены, Белеу, Траянов Вал и Рени сделано». По окончании данной командировки 26 октября 1916 г. он отчитывался: «Вообще рассчитывать на румынские железные дороги трудно не только теперь, но и в будущем». Поэтому масса грузов шла медленным гужем. В Галац пришел транспорт с 150 тыс. пудов фуража, но «румыны помещения не отвели, и груз складывается под открытым небом». Гербель так характеризовал русско-румынское взаимодействие: «Вообще с виду румыны очень любезны, но существенного содействия не оказывают как административные, так и железнодорожные власти». На следующий день Егорьев сообщил Алексееву, что Гербель «устра-

ивает в настоящее время тыл» для армий в Румынии «и ввиду недостатка железных дорог, занятых оперативными перевозками, уже организовал подвоз из России нужных продуктов гужем» (РГВИА 8: 1–3, 15, 18). Таким образом, устройство тыла русского Румфронта – это прежде всего заслуга именно организации С.Н. Гербея.

Дело обеспечения русских войск в Румынии неимоверно осложнялось крайней нехваткой железных дорог на юго-западе страны. Российская империя соединялась с Румынией одной-единственной железной дорогой: Раздельная – Бендеры – Унгены – Яссы. Из-за разной ширины железнодорожной колеи станция Яссы, находившаяся на русско-румынской границе в Молдавии, была разгрузочной. Здесь приходилось перегружать содержимое русских эшелонов в румынские вагоны. При нормальном движении и графике перегрузка не занимала много времени, однако в случае нарушения составленных планов обстановка могла только ухудшаться, так как скрытых резервов организационного и материально-технического характера у железнодорожного сообщения между Россией и Румынией не существовало.

Также на данном участке существовал тупик Бендеры – Рени (у Дуная) без продолжения дороги в Румынию; от тупика в Рени до ближайшей железнодорожной ветки в городе Галац было расстояние в 16 км бездорожья. Здесь грузы пришлось бы перевозить гужем. Такое положение вещей не могло способствовать быстрой помощи Румынии со стороны русских в случае настоящей необходимости. Впоследствии главный начальник военных сообщений при ставке С.А. Ронжин отмечал: «Этот южный участок, слабо развитая железнодорожная сеть которого как будто находила себе оправдание в том, что и нейтралитет, и союзничество Румынии в течение войны подтвердились, дает нам случай отметить, как, вследствие некоторых событий на Румынском фронте, нашим железным дорогам и войскам пришлось тяжело испытать это недостаточное развитие железнодорожного сообщения» (Ронжин 1925: 131). Пока русская сторона удерживала порт Констанцу, ситуация со снабжением не была критической. Железная дорога Кюстенджи – Черноводы – Бухарест способствовала снабжению войск, хотя от Черновод грузы приходилось доставлять гужевым транспортом. Однако с утратой этой ветки действовавшие в Добрудже войска вынуждены были отступать в глубь области, скудно обеспеченной водой (она была только в селениях), а дороги там превращались осенью в непроходимую грязь. То есть после потери Констанцы (сдана 10 октября) русские корпуса должны были бы в любом случае отходить под ударами противника, не имея доступа к собственным боеприпасам,

продовольствию, пополнению и т. д. Напротив, вместе с отступавшими войсками к дельте Дуная катилась орда беженцев, наводнивших дороги и переполнивших две переправы через Дунай – у Ферапонтова монастыря и под Измаилом.

Во время активных боевых действий, при отставании тылов, войска обычно питаются так называемыми «местными средствами» – то есть продовольствием, закупаемым или реквизируемым у местного населения. Румыния являлась вторым по величине (после России) экспортером хлебопродуктов в Европе; хороший урожай 1914 г. и превосходный урожай 1915 г. позволили довести излишек зерна, предназначавшегося на экспорт, до 7,2 млн тонн. Однако накануне объявления войны державам Центрального блока румынское правительство с целью двойной наживы продало все возможные излишки немцам. Только в Австрию с декабря 1915 г. было отправлено 50 тыс. вагонов зерна, а с декабря 1915 по август 1916 г. немцам удалось вывезти из Румынии 2,3 млн тонн хлеба (Хмельницкая 1929: 159). В результате русские войска, защищавшие Румынию, осенью не смогли получить достаточное количество продфуража, и его потребовалось подвозить из России по слабым железным дорогам.

Уже 27 ноября 1916 г. генерал-квартирмейстер ставки М.С. Пустовойтенко сообщал Егорьеву: «Необходимо иметь в виду, что с отходом всей армии и значительной части населения в Молдавию местные средства столь быстро истощаются, что на сколько-нибудь широкое пользование ими наших войск рассчитывать нельзя» (РГВИА 8: 97). Не имея возможности своевременно снабжать войска продуктами, русское командование не могло организовать жесткой обороны, стабилизируя тем самым откатывавшийся к северу фронт.

Доставка продовольствия в Румынию русским армиям (Румфронт в середине декабря состоял уже из трех армий – 4-й, 6-й и 9-й) как по суше, так и по воде была возложена на организацию С.Н. Гербеля. Для этого ему были выделены конные транспорты, гуж и железные дороги, переданные начальником снабжений ЮЗФ Е.Ф. Эльснером. Командующий Дунайской армией В.В. Сахаров 3 ноября сообщал в ставку, что поставка продовольствия в магазины и склады Галаца, Измаила и Рени идет неудовлетворительно, и просил обеспечивать армию через Одесский военный округ, а не ЮЗФ – то есть прежде всего усилиями Гербеля. 9 ноября Сахаров доложил в ставку, что «если армия до настоящего времени не испытывала значительных лишений в продовольствии, то лишь благодаря постоянным настойчивым сношениям начальника снабжений вверенной мне армии с центральными румынскими органами и неоднократным личным его

переговорам в Бухаресте. Ныне, ввиду создающейся для Румынии тяжелой обстановки весьма вероятно, что снабжение частей армии из румынских запасов встретит большие трудности и, быть может, окажется и непосильным». В тот же день Егорьев сообщал в Одессу, что надо образовать на правом берегу Дуная 7-дневные запасы на 150 тыс. людей и 50 тыс. лошадей: «Просите Гербеля и Мими немедленно перевозить туда продукты из местных средств Измаильского и Аккерманского уездов». В свою очередь Гербель 25 ноября отчитывался: «Состояние грунтовых дорог отчаянное. Когда дороги улучшатся, подвозы значительно увеличатся» (РГВИА 8: 57, 64-66, 88).

Помимо снабжения Румфронта, гофмейстер Гербель отвечал за контроль над поставками продуктов на ЮЗФ из вверенного ему района, а также некоторых губерний Центральной России. В конце осени юг Российской империи захлестнули потоки румынских беженцев. Внутри страны в это время распространились слухи о том, что многие из них могут быть перевезены в глубь империи, где в городах прогрессировал продовольственный кризис. В полицейских сводках отмечалось, что население «пугает угроза появления румынских беженцев» (Сухова 2008: 667). Безусловно, в Петрограде сознавали, что поручение этой задачи Гербелю перегрузит его работой. Поэтому постановлением Совета министров от 9 декабря 1916 г. было образовано Особое междуведомственное совещание для ближайшего соображения вызываемых возможностью эвакуации из Румынии мероприятий во главе с сенатором гофмейстером Д.И. Засядко. 12 декабря Николай II повелел сосредоточить в руках Засядко всю распорядительную власть для проведения подготовительных и исполнительных мер по эвакуации.

Невзирая на то, что к концу 1916 г. австро-германцы были остановлены и фронт стабилизировался, объем перевозок людей и грузов не ослабевал. Поэтому в декабре Егорьев приказал увеличить объемы складочных продовольственных помещений в Раздельной и Бендерах до 2,5 млн пудов каждое; на станциях Бессарабская и Траянов Вал были сосредоточены запасы хлеба в объеме до 1 млн пудов. Магазины в Унгенах (2 млн) и Кишиневе (1 млн) также должны были обеспечить подходившие резервы. Зимой Северный фронт ежедневно требовал подвоза 606,5 вагона продовольствия и фуража, плюс 45 вагонов, подвозившихся в пределах самого фронта. Западный фронт – соответственно 612 и 23; ЮЗФ – 621 и 266; Румфронт – 397,5 и 295 вагонов (РГВИА 4: 290 об. – 291 об.). 295 вагонов в пределах Румфронта – это в основном был хлеб Бессарабской губернии.

В Бессарабии также шла продовольственная разверстка, прово-

дившаяся новым и.д. министра земледелия А.А. Риттихом. Согласно его постановлению от 2 декабря 1916 г., в земских губерниях России проводилась разверстка, а в неземских хлеб приобретался путем покупки или реквизиции. В «Справке об исчислении хлеба, поставка которого подлежит разверстке» Риттих отметил, что «на западе в прифронтовых губерниях (за исключением Киевской, Подольской и Бессарабской) разверстка не произведена ввиду того, что в этих губерниях избытки хлеба покупаются и реквизируются отдельными войсковыми частями» (ГАРФ 3: 1). Иными словами, Гербель, Воронович и Мими должны были отправлять часть хлеба по нарядам Хлебармии внутрь страны. Но приоритетом оставалось снабжение фронта, и потому Гербелю периодически приходилось отказывать в поставках, даже если требования делались по распоряжению Петрограда.

Например, Минская губерния, находившаяся в тылу Западного фронта А.Е. Эверта, с лета 1916 г. в продовольственном отношении была привязана к поставкам из Екатеринославской губернии. Как вспоминал минский губернатор, продовольствие приходило не вовремя и в малых количествах, в то же время «толкачи», частные лица «путем личных поездок в Екатеринослав добивались получения и провоза огромных партий продовольственных грузов. Естественно, что цены на местах росли, аппетиты разыгрывались, никакие таксы не в состоянии были обуздать ни цены, ни продавцов». Минский губернатор добавляет, что к декабрю 1916 г. «положение стало совершенно нетерпимым: С.Н. Гербель, уполномоченный южного района, снабжавшего Минскую губернию, а главным образом его правитель канцелярии Гаврилов, окончательно распоясались и, да простят мне выражение, обнаглели. Губерния моя не только недополучала следуемой ей месячной нормы продовольственных грузов, но и доставка таковых была почти совершенно прекращена» (Друцкой-Соколинский 2010: 184). Поездка Друцкого-Соколинского с жалобой в столицу к Риттиху ничего не дала. Другой пример: 12 декабря 1916 г. на станции Звенигородка Гербель реквизирует 10 вагонов пшеничной муки, купленной Тульской городской управой. Мука была отправлена в Киев, хотя Гербель приказывал вести ее в Тулу. Тульскому губернатору А.Н. Тройницкому ничего не оставалось, как в телеграммах просить Гербеля все-таки отдать эту муку тулякам (ГАТО: 131). Жалобы на С.Н. Гербеля продолжались и после Февральской революции. Так, телеграмма из Одессы от Гербеля в Хлебармию от 14 марта 1917 г. гласила: «Весь овес, ячмень, даже семенной, по требованию главполинта отправляются на фронты, почему отпустить 50 вагонов овса Могилевской [губернии] не представляется возможным». Тогда же уполномоченный Губкин сообщал из Смо-

ленска в Хлебармию: «Гербель отказывается отпустить наряженные Вами 30 вагонов ячменя. Ячмень предназначался для переработки в крупу, каковой в губернии совершенно нет» (ГАРФ 5: 53-57).

Отдавая все возможное фронту и ближайшему тылу, организация Гербеля далеко не всегда могла удовлетворить запросы отдаленных от Бессарабии губерний, даже если они были законны и опирались на установленные министром земледелия наряды. Уполномоченные Министерства земледелия обязывались в первую очередь подчиняться фронтовым поставкам. Например, вот депеша Главного интендантского управления в ставку 16 февраля 1917 г.: «Юго-Западному фронту, ввиду метелей на Южных, Екатерининской, Киево-Воронежской дорогах, продвинуть ничего нельзя. На станции Пятихатки застряло 300 вагонов с продовольствием». Поэтому Егорьев предложил уполномоченному Гербелю усилить высылку имевшегося в его распоряжении продовольствия на ЮЗФ (РГВИА 2: 54). То есть и того, которое предназначалось в том числе и для внутренних регионов по нарядам Риттиха. Ведь если внутри страны еще как-то могли выкрутиться за счет внутренних резервов до весны, то фронту взять продовольствие было неоткуда.

Помимо того, даже и в самом районе, вверенном Гербелю в подчинение, не всегда хватало продуктов. Вот «Справка о состоянии губерний Одесского военного округа» начала марта 1917 г.: «Недостаток продовольственных продуктов и непомерная их дороговизна особенно резко ощущается в различных городах Херсонской и Бессарабской губерний, как ближайших к фронту. Испытывается недостаток зерна и муки во многих городах этих губерний, в том числе и в Одессе, как вследствие крайней затрудненности подвоза, так и ввиду огромных нарядов хлеба, заготавливаемого для нужд армии организацией гофмейстера Гербеля». С сентября 1916 по 12 февраля 1917 г. в Херсонской и Бессарабской губерниях было закуплено: овеса – 4 млн пудов (5 млн - в Бессарабской), ржи – 5 млн (2 млн), ячменя – 24,5 млн (12,5 млн), пшеницы – 5,5 млн (7 млн). И далее: «Недостаток мяса на рынке и его вздорожание объясняется также постоянными реквизициями скота для нужд армии. В деле недостатка продуктов на рынке и их вздорожании играет немало важную роль наплыв проходящих [румынских] беженцев, а также сосредоточение в этих двух губерниях большого числа войсковых частей» (РГВИА 7: 268 об.). Из этой справки отчетливо видны как причины реквизиционных мер, предпринимавшихся по распоряжению С.Н. Гербеля, на что жаловались губернаторы, в поставках продуктов «привязанные» к югу страны, так и объемы продовольствия, полученные только для армии кризисной зимой 1916/1917 г. в

Бессарабии – 26 млн пудов из урожая 1916 г.

Слабость железнодорожной сети на русско-румынской границе поставила Румфронт в тяжелейшее положение, когда снабжать пришлось не только до 1,5 млн штыков и сабель русской армии, но и румынскую армию и беженцев. Ряд мер по переброске в сельское хозяйство Бессарабии отдельных войсковых частей, военнопленных или мобилизованных осенью 1916 г. инородцев Средней Азии предлагался командованием Румынского фронта (Оськин 2013: 91–92). Вот мнение бессарабского губернатора Вороновича от 17 января: «Необходимо оказать возможное воздействие на румынское правительство и убедить его, в интересах предстоящего продовольствия румынских армий и румынского населения, оказать помощь рабочими руками, дав нам для обработки земель и производства посевов свободных военнопленных и, наконец, просто румынских граждан, ищущих заработка и отхожих промыслов» (РГВИА 5: 96 об.).

Как бы то ни было, русские войска в Румынии, Буковине и Южных Карпатах тяжелой зимой 1917 г. не испытали голода или даже существенных перебоев с продснабжением. Организации окружного уполномоченного по заготовке хлеба для армии в Одесском военном округе гофмейстера С.Н. Гербеля удалось справиться с поставленной перед ней задачей снабжения Румфронта, частичного снабжения ЮЗФ и выполнения ряда нарядов во внутренние губернии Российской империи. Справедливой представляется оценка этой деятельности главным полевым интендантом К.Н. Егорьевым в уже упоминавшемся отчете в ставку от 27 октября 1916 г.: «В лице гофмейстера Гербеля мы имеем не только большого государственного деятеля, но и человека, отлично знающего Румынию и с большим влиянием на всем юге России, благодаря чему ему удалось привлечь к делу снабжения нашей армии все влиятельные силы этого края» (РГВИА 8: 18 об.).

ЛИТЕРАТУРА

- Балканы 1991 - Балканы в конце XIX – начале XX в. М., 1991.
Виноградов 1969 - Виноградов В.Н. Румыния в годы Первой мировой войны. М., 1969.
Головин 2001 - Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. М., 2001.
ГАРФ 1 - Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1783. Оп. 1. Д. 24. Постановления, приказы и циркуляры Министерства

продовольствия.

ГАРФ 2 - ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 370. Записка Отдела заготовок Министерства земледелия по вопросу о поставке скота в 1917 году для действующей армии.

ГАРФ 3 - ГАРФ. Ф. 6809. Оп. 1. Д. 100. Исчисление количества хлеба, поставка которого подлежит разверстке между земскими губерниями.

ГАРФ 4 - ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 27. План заготовок продовольствия для действующей армии на 1917 год.

ГАРФ 5 - ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 155. Сообщения местных продовольственных комитетов и хлебармий о плановых поставках продовольствия для армии.

ГАТО - Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 1742. Оп. 1. Д. 17. Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу в Тульской губернии.

Друцкой-Соколинский 2010 - *Друцкой-Соколинский В.А.* На службе Отечеству: записки русского губернатора. 1914-1918. М., 2010.

Островский 1999 - *Островский А.В.* Государственно-капиталистические и кооперативные тенденции в экономике России: 1914-1917 гг. // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999.

Оськин 2013 - *Оськин М.В.* Военная власть России в поисках путей преодоления продовольственного кризиса зимой 1917 года // Общество и власть в СССР и постсоветской России. М., 2013. С. 87-93.

Ронжин 1925 - *Ронжин С.А.* Военные сообщения и управление ими // Сборник записок, относящихся к русскому снабжению в Великую войну. США, 1925.

РГВИА 1 - Российский государственный военно-исторический архив (далее - РГВИА). Ф. 499. Оп. 3. Д. 1411. Дело о введении военно-продовольственной повинности.

РГВИА 2 - РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1698. Дело о вывозе мяса из Монголии.

РГВИА 3 - РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Сводки отчетов о деятельности военных цензоров Юго-Западного и Западного фронтов.

РГВИА 4 - РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1037. Переписка с главнокомандующими фронтов о численном составе армии.

РГВИА 5 - РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 39. Материалы об эвакуации населения, о вывозе скота, хлеба, продуктов и ценностей из прифронтовой полосы.

РГВИА 6 - РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 50. Дело об использовании военнопленных на сельскохозяйственных, дорожных и окопных работах.

РГВИА 7 - РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 81. Материалы о продовольственном положении в России.

РГВИА 8 - РГВИА. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 30. Переписка с Главным интендантским управлением, интендантами фронтов и армий об открытии продовольственных складов и формировании хлебопекарен.

РГВИА 9 - РГВИА. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 7. Переписка о заготовке продоволь-

ствия для армий Юго-Западного и Румынского фронтов.

Сухова 2008 - Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008.

Тюкавкин, Щагин 1987 - Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. М., 1987.

Хмельницкая 1929 - Хмельницкая Е. Военная экономика Германии (1914-1918гг.). М.-Л., 1929.

References

Balkany 1991 - Balkany v kontse XIX – nachale XX v., Moscow, 1991 [in Russian].

Vinogradov 1969 - Vinogradov V.N. Rumyniya v gody Pervoy mirovoy voyny, Moscow, 1969 [in Russian].

Golovin 2001 - Golovin N.N. Voennye usiliya Rossii v Mirovoy voyne, Moscow, 2001 [in Russian].

GARF 1 - Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (further - GARF), f. 1783, inv. 1, d. 24, Postanovleniya, prikazy i tsirkulyary Ministerstva prodovol'stviya [in Russian].

GARF 2 - GARF, f. 1783, inv. 2, d. 370, Zapiska Otdela zagotovok Ministerstva zemledeliya po voprosu o postavke skota v 1917 godu dlya deystvuyushchey armii [in Russian].

GARF 3 - GARF, f. 6809, inv. 1, d. 100, Ischislenie kolichestva khleba, postavka kotorogo podlezhit razverstke mezhdz zemskimi guberniyami [in Russian].

GARF 4 - GARF, f. 6831, inv. 1, d. 27, Plan zagotovok prodovol'stviya dlya deystvuyushchey armii na 1917 god [in Russian].

GARF 5 - GARF, f. 6831, inv. 1, d. 155, Soobshcheniya mestnykh prodovol'stvennykh komitetov i khlebarmiy o planovykh postavkakh prodovol'stviya dlya armii [in Russian].

GATO - Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti [State Archives of the Tula region] (hereinafter - GATO), f. 1742, inv. 1, d. 17, Osoboe soveshchanie dlya obsuzhdeniya i ob'edineniya meropriyatiy po prodovol'stvennomu delu v Tul'skoy gubernii [in Russian].

Drutskoy-Sokolinskiy 2010 - Drutskoy-Sokolinskiy V.A. Na sluzhbe Otechestvu: zapiski russkogo gubernatora. 1914-1918, Moscow, 2010. [in Russian].

Ostrovskiy 1999 - Ostrovskiy A.V. Gosudarstvenno-kapitalisticheskie i kooperativnye tendentsii v ekonomike Rossii: 1914-1917 gg., Rossiya i Pervaya mirovaya vojna (materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma), St. Peterberg, 1999 [in Russian].

Os'kin 2013 - Os'kin M.V. Voennaya vlast' Rossii v poiskakh putey preodoleniya prodovol'stvennogo krizisa zimoy 1917 goda, Obshchestvo i vlast' v SSSR i postsovetsoy Rossii, Moscow, 2013, pp. 87-93 [in Russian].

Ronzhin 1925 - Ronzhin S.A. Voennye soobshcheniya i upravlenie imi, Sbornik zapisok, otnosyashchikhsya k russkomu snabzheniyu v Velikuyu vojnu, USA, 1925 [in Russian].

RGVIA 1 - Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military History Archive] (further - RGVIA), f. 499, inv. 3, d. 1411, Delo o vvedenii voenno-prodovol'stvennoy povinnosti [in Russian].

RGVIA 2 - RGVIA, f. 499, inv. 3, d. 1698, Delo o vyvoze myasa iz Mongolii [in Russian].

RGVIA 3 - RGVIA, f. 2003., inv. 1, d. 1486, Svodki otchetov o deyatel'nosti voennykh tsenzorov Yugo-Zapadnogo i Zapadnogo frontov [in Russian].

RGVIA 4 - RGVIA, f. 2003, inv. 2, d. 1037, Perepiska s glavnokomanduyushchimi frontov o chislennom sostave armii [in Russian].

RGVIA 5 - RGVIA, f. 2005, inv. 1, d. 39, Materialy ob evakuatsii naseleniya, o vyvoze skota, khleba, produktov i tsennostey iz prifrontovoy polosity [in Russian].

RGVIA 6 - RGVIA, f. 2005, inv. 1, d. 50, Delo ob ispol'zovanii voennoplennykh na sel'skokhozyaystvennykh, dorozhnykh i okopnykh rabotakh [in Russian].

RGVIA 7 - RGVIA., f. 2005, inv. 1, d. 81, Materialy o prodovol'stvennom polozhenii v Rossii [in Russian].

RGVIA 8 - RGVIA, f. 2009, inv. 1, d. 30, Perepiska s Glavnym intendantskim upravleniem, intendantami frontov i armiy ob otkrytii prodovol'stvennykh skladov i formirovanii khlebopekaren [in Russian].

RGVIA 9 - RGVIA, f. 2086, inv. 1, d. 7, Perepiska o zagotovke prodovol'stviya dlya armiy Yugo-Zapadnogo i Rumynskogo frontov [in Russian].

Sukhova 2008 - *Sukhova O.A. Desyat' mifov krest'yanskogo soznaniya: ocherki istorii sotsial'noy psikhologii i mentaliteta russkogo krest'yanstva (konets XIX – nachalo XX v.) po materialam Srednego Povolzh'ya*, Moscow, 2008 [in Russian].

Tyukavkin, Shchagin 1987 - *Tyukavkin V.G., Shchagin E.M. Krest'yanstvo Rossii v period trekh revolyutsiy*, Moscow, 1987 [in Russian].

Khmel'nitskaya 1929 - *Khmel'nitskaya E. Voennaya ekonomika Germanii (1914-1918gg.)*, Moscow-Leningrad, 1929 [in Russian].

Оськин Максим Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин Института законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации.

Os'kin Maksim – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General Humanitarian and Socio-Legal Disciplines of the Institute of jurisprudence and management of All-Russian police Association.

E-mail: maxozv@yandex.ru

УДК 94(4)"1914"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/37/3

ПОГРОМ В ПЕРЕМЫШЛЕ 15.09.1914 г. И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРИОДИКЕ

Е.Л. Кривочуприн

Украина, г. Харьков

E-mail: desconocido@yandex.ru

Авторское резюме

Погром в городе Перемышле, произошедший 15 сентября 1914 г., был составной частью кампании террора против реальных или потенциальных сторонников России. Его жертвами стали 44 человека, в подавляющем большинстве – крестьяне из соседних с городом сел. Все они были арестованы как «русофилы», без предъявления официальных обвинений. Австрийские военные власти не предприняли эффективных мер по поиску виновных, но массовая расправа осталась в памяти жителей города и края. Уже после войны она стала важной частью мартирологии австро-венгерского террора и упоминалась, главным образом, в периодике и изданиях русофильского лагеря. Также ей были посвящены некоторые литературные произведения. В 1936 г. усилиями деятелей русофильского лагеря в память жертв расправы был установлен монумент на кладбище Перемышля.

Ключевые слова: русины, Галиция, Перемышль, Австро-Венгрия, Первая мировая война, галицкие русофилы.

Massacre of Przemyśl 15.09.1914 and its reflection in the periodical

E.L. Krivochuprin

Kharkov, Ukraine

E-mail: desconocido@yandex.ru

Abstract

The massacre of Przemyśl which took place on September 15th, 1914, claimed 44 lives. It was a part of the campaign of terror against real or potential Russophiles in Galicia and Bukovina, launched by the government of Austro-Hungary. The majority of the victims

of the massacre were peasants from neighboring villages, arrested as «Russophiles». It worth noting, that there were no formal accusation laid against them. Austrian military authority of Przemyśl didn't take actions to do justice to the slaughterers. The massacre long remained in the memory of local inhabitants and received much coverage in media of post-war period, mainly in Russophile periodicals, as a part of commemoration in the memory of the victims of Austro-Hungarian repressions. Some writings were dedicated to it. However, the event was largely forgotten with the whole Russophile tradition of Galicia after the incorporation of Galicia into USSR in 1939.

Keywords: Rusins, Galicia, Przemyśl, Austro-Hungary, World War I, Galician Russophiles.

15 сентября 1914 г. в Перемышле произошло массовое убийство, жертвами которого стали 44 человека. Все они были крестьяне из соседних сел и обвинялись в «москвофильстве». Эту расправу обошли вниманием австрийские власти, однако на жителей города и края в целом она произвела неизгладимое впечатление, и память о ней хранилась десятилетия.

Террор, обрушившийся в 1914-1915 гг. на восточнославянское население Галичины и Буковины (в то время именовавшееся русинами либо украинцами и не имевшее единообразной самоидентификации), преследовал цель разгромить русофильское движение, устранить или нейтрализовать реальных и даже потенциальных сторонников России. Он включал в себя массовые аресты с высылками в специально созданные лагеря, заключение в тюрьмы, иногда – смертные приговоры. Частью террора являлись и самодеятельные расправы над русофилами или только заподозренными в русофильстве. Они упоминаются в основных сборниках документов, относящихся к тому времени. Как правило, инициаторами и исполнителями расправ выступали военнослужащие австро-венгерской армии, к которым иногда примыкало подвергнутое пропаганде местное население. Крупнейшей из подобных расправ было, вероятно, массовое убийство в городе Перемышль, случившееся 15 сентября 1914 г. Тогда среди бела дня и в присутствии множества свидетелей были варварски убиты 44 человека. В данной статье будут рассмотрены причины и обстоятельства расправы, а также ее отражение в народной памяти и публицистике последующих лет.

Говоря о массовом убийстве, невозможно обойти вниманием его предысторию. Перемышль в десятилетия, предшествовавшие войне, периодически укреплялся. Система оборонительных укреплений, которые постоянно перестраивались и совершенствовались по указаниям австрийского правительства, превратила его в одну из мощнейших цитаделей Австро-Венгрии. Кроме того, он был важным железнодорожным узлом. К началу сентября военные действия в

Восточной Галиции приняли неблагоприятный для австро-венгерских войск оборот (Галицийская битва), и они начали отступление по всему фронту. Значительная часть из них двигалась в направлении Перемышля, рассчитывая, что его мощная оборонительная система даст им некоторую передышку.

Следует заметить, что, вполне сознавая важность Перемышля как стратегического пункта, австрийское командование приняло своеобразные меры для его защиты, в первую очередь - почти полное выселение его русинского/украинского населения. Об этом упомянуто в том числе и в мемуарах тех лет. В этой связи особенно интересен «Дневник Хелены Яблонской», опубликованный Юго-Восточным институтом Перемышля в 1994 г. В этом оригинальном дневнике, который вела пожилая польская шляхтянка, пережившая войну и осаду в Перемышле, она в частности пишет: «Казнь за казнью, уже десятками вешают. Погибают и невинные. Всех русинов из Перемышля вывозят. И украинцам нет доверия. Арестовали многих» (Dziennik 1994: 41).

Запись датирована 4 сентября, всего за 11 дней до погрома. В это время уже был очевиден неблагоприятный для австрийских войск ход Галицийской битвы. Любопытно отмеченное противопоставление понятий «русины» и «украинцы». В этом контексте в польской публицистике и, видимо, в сознании рядовых галицийских поляков понятие «украинцы» использовалось не как этническое, а как политическое – так назывались активные сторонники партий украинского направления. Их оппоненты именовались либо «старорусины», либо «москалефилы», а название «русины» было общим этническим именем тех и других.

В уже «зачищенный» таким образом город 15 сентября 1914 г. ввели под конвоем большую партию крестьян окрестных сел, арестованных за «русофильство». Важно отметить, что ни одному из них не было предъявлено официального обвинения согласно австрийскому законодательству – по крайней мере, до сих пор подобных обвинений не обнаружено.

Конвой проводили по улице Дворского, когда неподалеку от пересечения ее с улицей Семирадского он столкнулся с отрядом регулярных войск (по-видимому, венгерских гонведов). Отряд без очевидной причины напал на конвоируемых крестьян, и произошла массовая расправа. Из 46 человек, находившихся в злополучном конвое, выжить удалось только двум. Один из них, Иван Махник, уроженец села Войтова, вспоминал случившееся так: «Уже от самой станции... нас обступила толпа, кричавшая: «Предатели москалефильские, из-за вас кровь льется!» и т. п. Они толкали нас, кидали камнями, а пани Мохнацкую кто-то пнул. Полиция нас совсем не

защищала... Под этими выкриками и ударами мы начали бежать. Откуда ни возьмись показались венгерские гонведы и остановили нас. Вдруг появился офицер на коне... который взмахнул саблей и раскроил голову одному из моих товарищей. Тогда солдаты тоже выхватили сабли и начали нас рубить...» (Копыстьянский 1937: 20-22).

Сам Иван Махник выжил благодаря тому, что, будучи раненым, упал на землю и притворился мертвым. Другого выжившего звали Степан Борсук. Его воспоминания мало чем отличаются от свидетельств Махника: «Меня взяли жандармы из дому 14 сентября. Почему нас взяли и куда поведут, ни я, ни мои товарищи не знали... В Бакунчихах под Перемышлем велели выходить из вагона, и здесь только мы узнали, что нас арестовали за то, что мы «москвофилы»... Когда нас вели в Перемышль по какой-то улице, собравшаяся вокруг нас толпа бросала камнями, ругала нас изменниками, плевала на нас и била по лицу... Никто из жандармов нас не защищал. ...Но тут уже бросились на нас солдаты с обнаженными саблями и начали рубить... Увидел, как какая-то барышня упала на колени и сложила руки к молитве, а в то же мгновение солдат рубанул ее саблей по голове, так что кругом брызнула кровь, и она упала замертво; люди рассказывали, что это дочь священника из Войтковой» (Талергофский альманах 1924: 110).

Дочь священника из Войтковой звали Мария Мохнацкая. Она родилась в семье, известной стойкими русофильскими (или, как говорили тогда на Галичине, «твердо русскими») симпатиями. Впоследствии она стала одним из символов жертв австро-венгерского произвола, к ней и ее трагической гибели обращались историки австро-венгерского террора, например Глеб Соколович (Соколович 1923) или Василий Ваврик (Ваврик 1934).

Среди описывавших те события по горячим следам можно выделить статью в «Туркестанских известиях» за 1916 г. Ее автор И. Полянский был сыном достаточно известного в довоенные годы писателя и общественного деятеля Генриха Полянского, твердо стоявшего на русофильских позициях. Он был арестован и провел несколько месяцев в перемышльской тюрьме. После того как город был занят российскими войсками, вышел на свободу. Впоследствии он покинул Перемышль с отступавшей российской армией и оказался на территории Российской империи, в Средней Азии, где и описал резню в Перемышле. Много лет спустя, уже будучи в США, он отредактировал свои воспоминания и опубликовал их на страницах «Календаря Лемко-союза» за 1965 г.

В своей статье он пишет: «Рассказывали – когда первые удары гонведских шашек сзади посыпались на их головы... несчастные бросились бежать в тупик, спасать свою жизнь, но чернь погналась

за ними вдогонку и, вооруженная штыками, прикладами, кольями, шашками, револьверами, била отстававших. К несчастью, тупик не имел выхода!» (Полянский 1965: 75).

В этом тупике, по сообщению Полянского, почти все конвоируемые и нашли свою смерть, оказавшись в ловушке. Впрочем, он, хотя и находился в тот момент в городе, не был свидетелем расправы, что несколько снижает ценность его сообщения.

Можно еще привести рассказ упоминавшейся уже Хелены Яблонской, которая, впрочем, тоже не была свидетельницей и пересказывала слухи, блуждавшие по городу: «Боже, Боже мой, только что возвратился К. Рассказывает ужасные вещи. Около пяти пополудни вели конвой москалефилов, 46 человек, среди них семь женщин полуинтеллигенции. Драгуны наезжали им на спины, толпа поливала бранью. Вдруг одна молодая девушка вытащила револьвер и застрелила драгуна. [Тогда] кинулись на всех. Саблями, топорами, палками, кулаками валились наземь. Подошли еще с деревянными брусьями и так их били, что ошметки мозгов летели на прохожих, а кровь забрызгала стены. Остались кучи трепещущего, дымящегося мяса...» (Dziennik 1994: 42).

Этот жуткий рассказ отражает слухи, возникшие в городе. Достоверность его проверить не представляется возможным, хотя некоторые логические вопросы возникают: например, почему вооружена оказалась молодая девушка, как револьвер не заметили при аресте (наверняка с обыском), и зачем она его достала в минуту, когда это значило верную смерть? Однако версия о «выстреле из пистолета», видимо, имела некоторое распространение, поскольку вопрос об этом задавался во время расследования.

Здесь важным является и еще один момент – у австрийских властей города оказались на руках свидетельства выживших. Как минимум, один из них – Иван Махник – был вызван в полицию из госпиталя, где он находился, и там выслушали его рассказ. По-видимому, его спрашивали о том самом револьвере в руках у молодой девушки, потому что он особо подчеркнул, что «никто из нас, в том числе и пани Мохнацкая, не стрелял» (Lasocki 1929: 246).

Итак, показания по меньшей мере одного выжившего оказались в руках австрийских властей города Перемышля. Однако эффективных мер для розыска и наказания виновников резни предпринято не было. В работе Ласоцкого приводится краткий рапорт на польском языке полицейской команды Перемышля (взят из полицейского архива). Там коротко сообщается, что, когда конвой проводили мимо улицы Семирадского, он был «атакован группой солдат разных родов войск...». Указывалось на то, что «кто-то из солдат узнал в

арестованных крестьянах тех, кто стрелял в военный патруль и убил двух или трех драгунов». По-видимому, вопрос о стрельбе задавали в полиции и Махнику, поскольку он заявил, что через его Войтову «никаких войск не проходило» (Lasocki 1929: 248).

Кроме этого очень формального следствия, военное командование Перемышля не предприняло никаких действий для наказания виновных в самосуде. В 1917 г., после «потепления» внутривойсковой обстановки в Австро-Венгрии, перемышльский староста Ляникевич обращался в Вену с просьбой хоть как-то помочь семьям погибших. Так, он писал: «Возмущает то, что, не считая доклада комиссариата полиции к начальству крепости и прокуратуре, никто и пальцем не пошевелил, чтобы хотя бы создать видимость, что что-то делается [для осуществления правосудия]. Случилось мне в феврале 1916-го выслушать одного из оставшихся в живых – волосы дыбом встали» (Lasocki 1929: 248).

Полное отсутствие каких-либо свидетельств о судах над виновниками произошедшего в дальнейшем дает основания считать, что они остались совершенно безнаказанными.

Жертвы расправы были захоронены на окраине Перемышля в братской могиле без опознавательных знаков. В краткий период российской власти захоронение было найдено, в память о погибших проведен молебен, однако дальнейших мер по увековечиванию памяти принято не было, так как российские войска и администрация были вынуждены покинуть город из-за контрнаступления австро-венгерских войск.

Уже в 1930-е гг. перемышльская газета «Український Бескід» упоминала о том, что «украинская общественность» Перемышля в 1918 г. обсуждала вопрос о воздвижении памятника жертвам, однако из-за начавшейся украино-польской войны (т. е. войны между ЗУНР и возрожденной Речью Посполитой) эта идея не была воплощена (Український Бескід 1).

Между тем память о побоище продолжала жить в среде галицкой интеллигенции, придерживавшейся русофильских (или, как в междувоенный период начали все чаще говорить, «старорусинских») взглядов. Это, в общем-то, было неудивительно, учитывая, что все убитые крестьяне были обвинены именно в русофильстве. В прессе и изданиях русофильского направления регулярно появлялись материалы, касавшиеся этого события (можно назвать для примера статью Глеба Соколовича, помещенную в «Русском голосе» (Соколович 1923), подробный рассказ о линчевании приведен в первом же выпуске «Талергофского альманаха» (Талергофский альманах 1924). Иногда появлялись и литературные произведения, посвящен-

ные трагедии. К ним, например, относятся стихотворения «Слезы бабуся» Стефана Федорички (Федоричка 1935) и «Сорока чотиром (пам'яті перемішльських героїв)» авторства некоего Сулима (Сулим 1936). Размещение этих произведений в периодике русофильского характера однозначно указывает на убеждения их авторов.

Что касается изданий украинского направления, то эта тема (как и тема австро-венгерского террора вообще) не пользовалась в них большой популярностью. Из посвященных непосредственно перемышльскому погрому нам известна только статья в газете «Український вістник», опубликованная перемышльским судьей Романом Дмоховским в 1921 г.

Между тем, в начале 1930-х гг. перемышльский Талергофский комитет поставил перед собой цель провести торжественное перезахоронение жертв расправы на главном кладбище города и возвести в память о них монумент. Сбор денег продолжался несколько лет. Само торжественное перезахоронение состоялось 30 июня 1936 г. Это событие вместе с предысторией было подробно описано в специальной брошюре, автором которой был Адриан Копыстьянский – историк и публицист, твердо стоявший на галицко-русских позициях. Помещая подробный рассказ о самом избиении, сопровождаемый документами, он подчеркивает, что перезахоронение состоялось под флагами галицко-русского движения. Тела 44 жертв были перезахоронены в братской гробнице возле входа на центральное кладбище города (Главное кладбище, польск. Główny cmentarz). Над гробницей был поставлен массивный деревянный крест на деньги местного крестьянина Василия Терендия. Копыстьянский особо оговаривался, что над гробницей «в скором часі мусить стати величавий пам'ятник, двигнений усіліями всього русского народа» (Копыстьянский 1937: 18). Видимо, до сооружения памятника все-таки дошло дело еще до войны. До настоящего времени сохранилась гробница с каменным крестом, к которому прикреплены символический терновый венец и табличка с надписью на русском языке: «Братская гробница 44-х галицко-русских рабочих, крестьян и 15-летней гимназистки, зверски замученных австро-венгерскими гусарами в Перемышле 15.IX.1914. Вечная слава мученикам за Русь!» – далее перечислены имена погибших.

Данное мероприятие не осталось без внимания идеологических оппонентов. Выходившая в то время в Перемышле газета «Український Бескід», отражавшая точку зрения украинских националистов, посвятила этому событию две статьи – «Морд у Перемишлі» (Український Бескід 1) и «Над могилою братів» (Український Бескід 2). По сути, обе они представляли собой полемику с точкой зрения на эти

события, принятой в лагере галицких русофилов. В статьях категорически отвергались обвинения в соучастии в репрессиях в адрес украинофильского лагеря, акцентировалась национальная (венгерская) принадлежность палачей, и выражалось сожаление, что организаторы мероприятия (которых, среди прочего, называли «наші перемишльські «общеруси») столь подчеркнуто демонстрируют свою идеологическую позицию, отличную от украинской, и не желают выступать единым фронтом. В качестве примера приводился тот факт, что демонстранты категорически отвергли попытки представителей украинских организаций повязать на гробы с телами погибших желто-голубые ленты (Над могилою братів).

Как из брошюры Копыстьянского, так и из двух вышеупомянутых статей со всей очевидностью следует, что в Перемышле и округе на 1936 г. проживало не так уж мало сторонников галицко-русского направления, раз их сил хватило на организацию демонстрации.

Последующие события в корне изменили положение в крае. После краткого (1939-1941) пребывания в составе СССР и немецкой оккупации Перемышль, как и большая часть Надсанского региона, вошли в состав Польской Народной Республики. Большая часть русинско-украинского населения была переселена в УССР, многие из оставшихся подверглись полонизации.

В советский период тема австро-венгерского террора против населения Галичины затрагивалась сравнительно редко. Одна из публикаций, посвященных перемышльской трагедии, появилась на страницах «Русского голоса» - газеты, выходившей в Польской Народной Республике в годы постсталинского потепления (Мирович, 1958). Ее автором был Роман Мирович, участник галицко-русского движения, проживавший в межвоенный период в Перемышле.

В советских изданиях, насколько нам известно, специальных публикаций, относящихся к теме массового убийства в Перемышле, не появлялось.

Произошедший в центре города и в присутствии множества свидетелей перемышльский погром, унесший 44 жизни, стал, вероятно, самой массовой стихийной расправой на территории Галиции и Буковины в годы Первой мировой войны. В последующие два с половиной десятилетия память об этом событии стала важной составляющей мартирологии австро-венгерского террора, созданной и поддерживаемой сторонниками русофильского направления в межвоенный период.

ЛИТЕРАТУРА

Ваврик 1934 - *Ваврик В.Р.* Маша. Картина австро-мадярского террора в 1914 году. Оттиск из: Временник. Львов, 1934.

Копыстьянский 1937 - *Копыстьянский Адриан*. Всенародний руский пам'ятник в г. Перемишле. Оттиск из календаря О-ва им. Качковского на 1937 г. Львів: Видане центр. Талергофского комитета. 24 с.

Полянский 1915 - *Полянский И.* Линч // Туркестанские ведомости. Ташкент, 1915. № 198.

Полянский 1965 - *Полянский И.* Линч в Перемишле // Карпаторусский календарь Лемко-союза на рок 1965. Нью-Йорк, 1965.

Мирович 1958 - *Мирович Р.Д.* В 44-ю годовщину Перемишльской трагедии // Русский голос. Варшава, 1958. №18.

Український Бескід 1 - Морд 44-х у Перемишлі // Український Бескід, Перемишль, 1936. № 25-29;

Український Бескід 2 - Над могилою братів // Український Бескід, 1936. № 27.

Соколович 1923 - *Соколович Глеб*. Кровавые годы. Картины ужаса, насилия и произвола австро-венгерской армии над русским народом Прикарпатья в 1914-1917 гг. Львов: Типография Ставропигийского института под управлением Яськова, 1923. 96 с.

Сулим 1936 - *Сулим Т.Б.* Сорок чотиром. Пам'ять перемишльських героїв // Наука. Календарь на 1937 г. Львов, 1936.

Федоричка 1935 - *Федоричка Стеф.* Слезы бабуся. Памяти 46-и мучеников Перемишля // Земля і воля, 1935, № 16.

Талергофский альманах 1924 - Талергофский альманах. Вып. 1. Львов: Издание Талергофского комитета, 1924. 208 с.

Dziennik 1994 - Dziennik z obleżonego Przemyśla. Helena z Sefertów Jabłonska. Przemyśl, Południowo-wschódny instytut w Przemyślu, 1994, 271 s.

Lasocki 1929 - *Lasocki Z.* Polacy w austriackich obozach barakowych dla uchodźców i internowanych (Wspomnienia z czasów wojny światowej byłego posła do parlamentu austriackiego). Kraków, 1929. Nakładem autora. P. 246-248.

References

Vavrik 1934 - *Vavrik V.R.* Masha. Kartina avstro-mad'yarskogo terrora v 1914 godu. Ottisk iz: Vremennik [Masha. Description of austro-hungarian terror in 1914], L'vov, 1934 [in Russian].

Kopystyanskiy 1937 - *Kopystyanskiy Adrian*. Vsenarodniy ruskiy pamyatnik v g. Peremyshle. Ottisk iz kalendarya O-va im. Kachkovskogo na 1937 [All-people memorial in Peremishl], L'viv, 1937, 24 p. [in Ukrainian].

Polyanskiy 1915 - *Polyanskiy I. Linch*, Turkestanskije vedomosti, Tashkent, 1915, Nr 198 [in Russian].

Polyanskiy 1965 - *Polyanskiy I. Linch* v Peremyshle, Karpatorusskiy Kalendar' Lemko-Soyuza na rok 1965, N'yu-York, 1965 [in Russian].

Mirovich 1958 - *Mirovich R.D.* V 44-yu godovshchinu Peremyshl'skoy tragedii, Russkiy golos, Varshava, 1958, Nr 18 [in Russian].

Ukrains'kiy Beskid 1 - Mord 44-kh u Peremishli, Ukrains'kiy Beskid, Peremishl', 1936, Nr 25-29 [in Ukrainian].

Ukrains'kiy Beskid 2 - Nad mogiloyu brativ, Ukrains'kiy Beskid, 1936, Nr 27 [in Ukrainian].

Sokolovich 1923 - *Sokolovich Gleb*. Krovavye gody. Kartiny uzhasa, nasiliya i proizvola avstro-vengerskoy armii nad russkim narodom Prikarpat'ya v 1914-1917 gg. [Bloody years. Picture of horror, violence and tyranny of the Austro-Hungarian army on the Russian people Transcarpathia during 1914-1917], L'vov, 1923 [in Russian].

Sulim 1936 - *Sulim T.B.* Sorok chotirem. Pam'yat' peremishl'skikh geroiv, Nauka, Kalendar' na 1937 g., L'vov, 1936 [in Russian].

Fedorichka 1935 - *Fedorichka Stef.* Slezy babusi. Pamyati 46-i muchenikov Peremyshlya, Zemlya i volya, 1935, Nr 16 [in Russian].

Talergofskiy al'manakh 1924 - Talergofskiy al'manakh. L'vov: Izdanie Talergofskago komiteta, 1924, 208 p. [in Russian].

Dziennik 1994 - Dziennik z oblezonego Przemyśla. Helena z Sefertów Jabłonska. Przemyśl, Południowo-wschódny instytut w Przemyślu, 1994, 271 p. [in Polish].

Lasocki 1929 - *Lasocki Z.* Polacy w austriackich obozach barakowych dla uchodźców i internowanych (Wspomnienia z czasów wojny światowej byłego posła do parlamentu austriackiego). Kraków, 1929. Nakładem autora. 311 p. [in Polish].

Кривочуприн Евгений Леонидович - журналист, писатель, Харьков, Украина.

Krivochuprin Evgeniy - journalist, writer, Kharkov, Ukraine.

E-mail: desconocido@yandex.ru

УДК 94(470)"1914/17"
UDC
DOI: 10.17223/18572685/37/4

СИБИРЬ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС РОССИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

В.П. Зиновьев¹, С.Ф. Фоминых²

¹Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: vpz@tsu.ru
SPIN-код: 5599-0806

²Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: fsf@mail2000.ru
SPIN-код: 5503-6769

Авторское резюме

В статье рассматривается сюжет из истории Сибири, связанный с использованием Россией ее природного, экономического и демографического потенциала для оборонных нужд в период Первой мировой войны. Отмечается, что при большом количестве литературы по истории этого региона в период той войны большая ее часть посвящена анализу состояния сибирского общества накануне и в период революции 1917 г. Вопросы же, связанные с участием Сибири и сибиряков в войне, только начинают изучаться. Приводятся факты, свидетельствующие о том, что аграрная колонизируемая окраина, каковой являлась Сибирь в начале XX в., отдала армии около 1 млн солдат, или 42 % работоспособных мужчин, стала одним из важнейших поставщиков продовольствия, основным источником пополнения золотого запаса страны. Но она не была существенным поставщиком боеприпасов и оборудования вследствие слабости промышленности. В Сибири, как и во всей стране, прошли мобилизационные мероприятия. Крупные промышленные предприятия и транспорт были переведены на военное положение. Автор пришел к выводу, что ресурсы Сибири не были реализованы в полной мере из-за распада транспортной системы и неэффективных действий властей.

Ключевые слова: Сибирь, промышленность, сельское хозяйство, военные поставки, мобилизация, Первая мировая война.

Siberia as strategic resource of Russia in the period WWI

V.P. Zinovyev¹, S.F. Fominyh²

¹Federal state autonomic educational institution of high education
"National research Tomsk state university"
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: vpz@tsu.ru

²Federal state autonomic educational institution of high education
"National research Tomsk state university"
E-mail: fsf@mail2000.ru

Abstract

The article discusses the topic of the history of Siberia concerning the use of its natural, economic and demographic potential for defence needs during the First World War. The author notes that although a large amount of literature on the history of Siberia during the war has been published, most of researches are devoted to assessing the Siberian society before and during the revolution of 1917. The issues related to the participation of Siberia and the Siberians in the war have just begun to be explored. The paper gives evidence that this colonized agrarian outlying region, which was Siberia in the early 20th century, provided the army with about 1 million soldiers or 42% able-bodied men, and became one of the most important suppliers of food and the main source of the country's gold reserves, but it was not a significant supplier of ammunition and equipment, due to weak industry. Mobilization was conducted in Siberia as well as throughout the country. Large industrial enterprises and transport were put on war footing. The author concludes that the government did not make full use of the resources of Siberia due to the collapse of the transport system and ineffective activities of the authorities.

Keywords: Siberia, industry, agriculture, military supply, mobilization, First World War.

К началу XX в. Сибирь была уже не изолированной далекой окраиной, а частью общероссийского рынка и российского общества. Поэтому она была втянута в военные события, как и страна в целом. Этот исторический период изучен в сибирской историографии весьма подробно благодаря многочисленным трудам, посвященным анализу экономических и социально-политических предпосылок Октябрьской революции, однако специальных исторических исследований, нацеленных на выявление роли региона в войне, немного. Это монография И.А. Еремина (Еремин 2010), сборники трудов и материалы конференций, которые так щедро сейчас посвящают 100-летию начала Первой мировой войны (Сборник 2013; Сибирь и

войны 2014). Скоро должна увидеть свет монография о сибирском тыле в период войны профессора Новосибирского государственного университета М.В. Шиловского (Шиловский 2014). Роль сибирских ресурсов в Первой мировой войне изучена отрывочно и слабо, что и определило тему настоящей статьи.

Место Сибири в экономике России в начале XX в. не изменилось по сравнению с предшествовавшими столетиями. Она осталась поставщиком сырья. Если в XVII в. главной целью государства и капитала в Сибири была пушнина, в XVIII – первой половине XIX в. – драгоценные металлы, то во второй половине XIX – начале XX в. – продукция сельского хозяйства. Хлеб, масло, мясо стали приносить больше золота, чем золотые копи и соболя. Усилилась аграрная колонизация. Земельная рента стала важнее ясака и горной подати. Важнейшее значение имело сельское хозяйство, которое в 1913 г. давало две трети стоимости продукции края (промышленность – только четверть). В начале XX в. произошли структурные изменения в промышленности Сибири. Горнодобывающие отрасли, ранее доминировавшие, стали уступать ведущие позиции обрабатывающим отраслям промышленности. В 1900 г. горные производства выпустили еще 65 % стоимости всей продукции цензовой промышленности Сибири и Дальнего Востока. При этом в Западной Сибири уже преобладала обрабатывающая промышленность. В 1915 г. обрабатывающие отрасли дали 60 % суммы производства в Сибири и на Дальнем Востоке. В 1910 – 1913 гг. стоимость продукции пищевкусовых отраслей составила 81 % суммы производства обрабатывающей промышленности, или 55 % суммы производства всей промышленности Сибири (в пределах нынешнего Сибирского округа). Аграрные, а не ископаемые ресурсы стали основным сырьем для промышленности края (Динамика 1929: 98-99; Динамика 1930: 14-15, 162).

Уровень развития региона в целом можно представить, определив его долю в различных отраслях экономики и в рынке рабочей силы. В 1917 г. Сибирь при 7 % всего населения империи дала шестую часть валового сбора хлеба, около 2 % стоимости промышленного производства, в т. ч. 13 % стоимости продукции горного дела. На долю региона приходилось 8,3 % длины железных дорог, 6,5 % количества пароходов, 5,5 % числа торговых заведений, 4 % наемных рабочих России (Зиновьев 1979: 5-7). На Сибирь с десятиллионным населением приходилось всего 230 тыс. индустриальных работников (горная промышленность, фабрично-заводская и транспорт), или 2,3 % населения. В городах Сибири жило 11,9 % населения.

Следовательно, Сибирь при громадной территории имела редкое население, сравнительно развитое сельское хозяйство, слабую промышленность, средние по уровню развития транспорт и сферу обращения.

Несмотря на низкий технический уровень, в регионе была высокая степень концентрации капитала и производства, что делало экономику управляемой с точки зрения интересов государства и крупного бизнеса. В условиях Сибири для этого нужно было контролировать транспорт и рынки сбыта. Транссибирская магистраль была государственной, пароходство – в руках крупных частных компаний (Зиновьев 2013: 115-126).

Как и другие губернии России, сибирские губернии и области стали в период Первой мировой войны поставщиками солдат в действующую армию. За годы войны Сибирь пережила 20 воинских наборов. Около 1 млн человек было мобилизовано только из сел. Сибирь, где доля мужского населения была выше, чем в России в целом, отправила на фронт больший процент мужчин (42 %), чем губернии Европейской России. В Алтайской губернии было призвано в армию 53,6 % трудоспособных мужчин, в Иркутской – 49,5 %, в Тобольской – 51,8 %, Томской – 51,5 %, в Акмолинской – 60,6 %, Забайкальской – 54,8 %, Енисейской – 38,8% (Шиловский 2003: 20).

Промышленные и транспортные предприятия также остались без наиболее трудоспособных и квалифицированных работников. За годы войны было мобилизовано 40 % промышленных и транспортных рабочих. Позднее понадобилось ограничить мобилизацию работников индустриальной сферы, отсрочку к 1917 г. получили 16,5 тыс. рабочих промышленных предприятий Сибирского района (куда входил и Дальний Восток, и Степной край), но ущерб кадрам был нанесен еще в первые месяцы войны. Учебные заведения, медицинские и образовательные учреждения также остались без лучших кадров, призванных в действующую армию. В ходе войны правительство было вынуждено прибегнуть к мобилизации политических ссыльных, призвать на подсобные работы и оборонные предприятия представителей коренных народов Сибири - казахов, алтайцев, бурятов. Реквизиция инородцев началась после указа правительства от 2 июля 1916 г. На военных предприятиях их число составляло от 10 до 15 %. Реквизиция вызвала волнения среди коренных народов Сибири, уход части теленгитов и казахов в Китай и Монголию, восстание в Степном крае. В мае 1917 г. указ о реквизиции инородцев был отменен, но его последствия уже было невозможно отменить (Рабочий класс 1982: 371). До минимума сократилось переселенческое движение. С января по август 1914 г. в Сибирь пришли 324

тыс. переселенцев, а с августа 1914 г. до конца 1917 г. – 42 тыс. чел. (Крестьянство 1983: 248-249).

В свою очередь Сибирь стала местом размещения беженцев, административно высланных из районов боевых действий, военнопленных. Осенью 1914 г. в регионе появились первые военнопленные австрийской армии. В марте 1915 г. их стало 174 тыс., осенью 1916 г. – 244 тыс. (Там же). До 100 тыс. из них в 1917 г. было отправлено в села для работы в крестьянских хозяйствах. Некоторые заменили хозяев, мобилизованных в русскую армию. Их потомки до сих пор живут в Сибири. В сфере промышленности военнопленные составляли в 1917 г. не менее 5 % рабочей силы, а в каменноугольной – до 20 % (Рабочий класс: 371-372).

Менее пригодным для народного хозяйства материалом были беженцы. В октябре 1915 г. их в Сибири насчитывалось не менее 105 тыс. чел., в 1916 г. – около 86 тыс., из них индустриальным трудом были заняты не более 12 %. Прекратилось движение рабочих на восток. Если в 1913 г. на заработки в Сибирь через Челябинск прошли 64 тыс. чел., в 1915 г. – 16 тыс., то в 1917 г. – менее 100 чел. (Там же).

В итоге серьезно изменился состав занятых в народном хозяйстве. В селах увеличилось значение женского и детского труда. В промышленности и на транспорте резко сократилась доля русских рабочих. В мае 1917 г., по данным Особого совещания по обороне, в Сибирском районе из 104 тыс. рабочих крупной промышленности и механизированного транспорта русские составили 50 тыс. (47,9 %, а до войны – 80%), китайцы и корейцы – 37,7 тыс. (36,1 %), представители коренных народов Сибири и Казахстана – 9,8 тыс. (9,4 %), военнопленные – в большинстве своем чехи, словаки, русины и венгры – 6,9 тыс. (6,6%) (Там же: 371).

В Сибири также производилась мобилизация лошадей для ремонта конского состава действующей армии. Общее количество лошадей увеличилось с 4,1 млн до 4,6 млн голов, но доля рабочих лошадей упала с 70 до 65 % (Крестьянство: 251).

Регион стал одним из главных поставщиков сырья и продовольствия для действующей армии. За годы войны валовый сбор хлеба в Сибири вырос на 47 %. Ее доля в общей посевной площади страны удвоилась и достигла 9,6 %. При этом доля собранных хлебов выросла до 17 %, поголовье лошадей – до 33 %, крупного рогатого скота – до 21,8 %. Потенциал возможных заготовок в 1917 г. оценивался в 250 млн пудов (Еремин 2006: 133-134). Для снабжения армии хлебом, мясными консервами, кожами был мобилизован громадный рынок Сибири, Степного края, Синьцзяна и Монголии. В

Кургане, Петропавловске, Омске, Барнауле, Бийске, Семипалатинске был построен ряд консервных заводов и скотобоен, расширено сахарное производство в Новониколаевске, модернизированы кожевенные предприятия. Сибирь стала источником финансирования войны, здесь добывалось золото, масло, меха. Наконец, регион производил в небольшом количестве оборудование для действующей армии – повозки, упряжь, юрты.

Снабжение армии всем необходимым привело к росту промышленного производства в Сибири с 1914 по 1916 г. Число фабрично-заводских предприятий обрабатывающих отраслей выросло с 396 в 1914 г. до 470 в 1916 – начале 1917 г., число рабочих на них – с 20,6 тыс. до 26,3 тыс. (Скубневский 1991: 251). Общее число рабочих, задействованных в обрабатывающих отраслях, включая ремесленные заведения, достигло 93 тыс. чел.

Росло и горнозаводское производство. Если в 1914 г. в Сибири насчитывалось 838 горных и горнозаводских предприятий с 54,4 тыс. рабочих, то в 1916 г. – 842 с 63,3 тыс. рабочих. Выросло производство золота, каменного угля, соли, чугуна, свинца (Зиновьев 2009: 47, 59). Важное значение имела золотодобыча, приносявшая стране валюту для закупки военной техники и стратегических товаров. В 1914 г. Сибирь дала 24,5 т золота из 37,5 т, в 1915 г. – 27,4 т из 41,5 т, в 1916 г. – 24,1 т из 41,5 т, в 1917 г. – 17,8 т из 36,8 т (Джаксон, Флеров 1928: 44-47). Для крупнейшего в России Ленского золотопромышленного товарищества рекордным стал сезон 1914/1915 г., когда количество добытого золота поднялось до 16 т (почти до 40 % общероссийской добычи) (РГИА: 1-13). Добыча каменного угля, без которого остановились бы железные дороги от Владивостока до Волги, выросла в Сибири с 1,8 млн т в 1913 г. до 3,2 млн т в 1917 г. (Зиновьев 2009: 47). Основная добыча угля велась на Судженских копях Л.А. Михельсона, казенных Анжерских копях, на Кольчугинском и Кемеровском рудниках Копикуза, на Черемховских рудниках в Иркутской губернии.

Вывоз стратегических грузов из Сибири и рост транзитных перевозок через Транссибирскую магистраль из тихоокеанских портов увеличили нагрузку на железные дороги. Объем перевозок с 1913 г. по 1916 г. вырос на 41% (Рабочий класс 1982: 366).

Для снабжения армии боеприпасами, амуницией, продуктами в Сибири, как и по всей стране, были созданы мобилизационные механизмы, которые координировали взаимодействие государственных заготовительных органов и частного капитала. До войны армию в регионе снабжало окружное интендантское управление. В годы войны закупку хлеба для армии доверили Переселенческому

управлению. В Сибири уполномоченным по заготовке хлеба стал управляющий складами Переселенческого управления подполковник Н.Ф. фон Штейн с резиденцией в Омске. Закупку производили через кооперативную сеть, через посредников. Масло для армии также поставляли кооперативы, заключив договор с интендантством. Серьезную роль в этом процессе сыграли Военно-промышленные комитеты, отраслевые союзы предпринимателей, кооперативы. Экономические методы мобилизации средств через заказы и закупки сочетались с внеэкономическими – реквизициями, разверстками, введением продовольственной диктатуры. Распоряжение о реквизиции продовольствия с уплатой на 20 % ниже рыночной цены командующий войсками Омского военного округа генерал Е.О. Шмит отдал уже 27 февраля 1915 г. (Еремин 2006: 80). 1 мая 1916 г. была прекращена свободная продажа масла. Местные власти этим широко пользовались, разрушая рыночный механизм саморегулирования. Уже в 1916 г. крестьяне начали прятать хлеб и масло, сокращать их производство. Временное правительство 25 марта 1917 г. ввело хлебную монополию и твердые цены. А 30 марта 1917 г. объявило весь наличный хлеб государственным за вычетом «необходимого для продовольствия и хозяйственных нужд владельца» (Там же: 127). В то же время были учреждены продовольственные комитеты. Эти акты Временного правительства окончательно рассорили его с крестьянством России.

Сибирь играла заметную роль в поставке в армию хлеба, масла, обуви, конского снаряжения. В первый заготовительный сезон Сибирь поставила 46 млн пудов хлеба из 273,4 млн пудов, заготовленных в России (Там же: 83). В 1915 г. был поставлен 81 млн пудов, в 1916 г. – 53,6 млн пудов, а в 1917 г. – 39,5 млн. пудов. Но она поставляла меньше того, что могла бы дать при умелой постановке продовольственного дела и большей мощности железных дорог.

Когда стало ясно, что война за один год не кончится, как предполагал Генеральный штаб, стали создаваться особые структуры снабжения армии. 17 августа 1915 г. император Николай II подписал закон «Об учреждении особых совещаний для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства». В рамках Особого совещания по обороне действовали три комиссии - по заготовке хлеба, заготовке мяса, масла и сена и по борьбе с дороговизной. На местах действовали уполномоченные Особого совещания, были установлены твердые цены на хлеб. В Сибири уполномоченным вновь стал фон Штейн. Но полномочия прежних представителей Министерства земледелия по заготовке не везде были прекращены, что приводило к дублированию функций. При всех недостатках в работе снабженцев российская армия во время войны испытывала

дефицит всего, кроме питания. Но так было только до 1917 г.

Первые годы войны вызвали рост промышленного производства, грузооборота железной дороги Сибири, не очень сильно сказались на жизненном уровне населения. Военные 1916-1917 гг. оказались урожайными, и в регионе скопилось значительное количество продовольственного зерна. Это породило миф о неисчерпаемом хлебном сибирском крае, хотя предыдущие десятилетия характеризовались колебаниями урожайности и хлебного баланса Сибири, которая является зоной рискованного земледелия. Хлеб то ввозился туда, то вывозился десятками миллионов тонн (Коновалов 1991: 163).

В период войны в экономике края ускорились процессы концентрации капитала и монополизации отраслей производства. Золото-промышленность, углепромышленность, металлургия оказались в руках столичных банков. Так, деятельность в Кузнецком бассейне общества Кузнецких каменноугольных копей (Копикуза) практически сформировала планы по освоению Сибири в первые советские пятилетки и создала скелет современной экономики Кемеровской области. Накануне Первой мировой войны контроль над Ленским золотопромышленным товариществом перешел к консорциуму русских банков во главе с Петербургским международным и Русско-Азиатским банками. На юге Енисейской губернии сформировался, но не успел развернуться еще один горнопромышленный гигант – Общество южно-сибирских металлургических заводов (ЮСГИМЗ). Расширили масштабы производства Черемховский синдикат углепромышленников, Судженские копи Л.А. Михельсона. Усилилась экспансия в Сибирь уральских металлургических акционерных обществ. На реках господствовали крупные акционерные пароходные общества: в Обь-Иртышском бассейне - «Западно-Сибирское товарищество пароходства и торговли» с правлением в Тюмени, на Енисее - «Акционерное общество пароходства по реке Енисею», на Лене - «Восточно-Сибирское общество пароходства, торговли и промышленности», главным акционером которого было Лензото. «Сибирское акционерное общество пароходства, промышленности и торговли», организованное в 1916 г. в Петрограде норвежским капиталистом Йонасом Лидом, скупило в 1917 г. контрольные пакеты акций всех этих обществ. На Амуре монополистом было «Амурское общество пароходства и торговли». В Сибири осталась одна старопеческая монополия в судоходстве - «Товарищество Байкальского пароходства и торговли» М.А. Коковина (Рабинович 1975: 195-218).

Война стала мощным стимулом для ускорения процесса аграрной кооперации. В сельском хозяйстве на основе крестьянских кооперативов выросли две мощные монополии – Союз сибирских

маслодельческих артелей и Закупсбыт. Кооперацией было охвачено большинство крестьянских хозяйств региона. Кооперация стала основной формой модернизации аграрной сферы Сибири, как и России в целом, задолго до революции. Война не внесла серьезных корректив в объем продаж масла - изменились направления сбыта. Теперь оно направлялось в северные порты для реализации за границей, шло на нужды действующей армии. В 1914 г. вывоз масла из Сибири составил 53 865 т, в 1915 г. – 75 615 т, в 1916 г. – 52 039 т, в 1917 г. – 57 229 т. В 1915 г. государство в рамках формирования мобилизационной экономики установило предельные закупочные цены на масло и передало монопольные права на его закупку Союзу сибирских маслодельных артелей. В 1916 г. доля сибирской кооперации в сбыте масла достигла 92 %. Союз объединял теперь куда более значительную часть артелей. Это превратило его в сверхмонополию, контролировавшую более 90 % заготовительного рынка сибирского масла. Фиксированные цены к 1917 г. снизили заинтересованность крестьянства в маслоделии, расширении молочного стада и увеличении поставок молока (Ершов 1932: 310-323; Николаев 2009a: 132-139; Николаев 2009b: 325-327).

Иностранный капитал играл в экономике Сибири, вопреки господствовавшему в российской историографии XX в. мнению, не первые роли. В годы войны он был вытеснен из золотопромышленности и большинства горнопромышленных проектов. Имущество германских и австрийских предпринимателей было реквизировано, как, например, концессия князя Священной Римской империи германской нации Турн-и-Таксис на Алтае (Скучневский 2013: 338). Акционеры Ленского золотопромышленного товарищества ликвидировали в 1916 г. за ненадобностью общество «Лена Гольдфилдс» в Лондоне, через которое ранее получили средства, необходимые, чтобы избавиться от опеки Государственного банка (Рабинович 1975: 144-145). Французские банки продали в 1914 г. большую часть своих акций Акционерного общества Кузнецких каменно-угольных копей русским банкам (Баев 2004: 122). К 1917 г. в горной промышленности Сибири из 17 акционерных обществ, открытых там, действовало одно – «Русская горнопромышленная корпорация» в Рудном Алтае, заполучившая в (?) концессию «Турн-и-Таксис» (Разумов 1983: 107-116).

Если в 1914-1915 гг. военные заказы и хорошие урожаи хлеба развивали промышленность и транспорт Сибири, то в 1916 г. обнаружился дефицит отдельных товаров, а в 1917 г. рост цен, износ техники, транспортный кризис привели к падению промышленного производства, грузооборота железнодорожного и водного тран-

спорта. В середине 1916 г. обозначился 20-30-процентный износ вагонов и паровозов. Объем перевозок на железных дорогах сократился в 1917 г. на 20 % по сравнению с 1916 г. Грузооборот водного транспорта упал в период войны на 30-40 % (Рабочий класс: 367). С трудом заготовленные продукты портились и не доходили до гарнизонов и фронта.

Приведенные факты показывают, что в период Первой мировой войны Сибирь была серьезным стратегическим ресурсом России. Привлекался ее демографический, экономический, природный потенциал. Сибирские ресурсы не были использованы в период Первой мировой войны в полной мере из-за распада транспортной системы и организационной беспомощности властей.

*Работа выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ / Tomsk State University Competitiveness Improvement Program

ЛИТЕРАТУРА

Баев 2004 - *Баев О.В.* Иностраннный капитал в промышленности Кузнецкого бассейна (конец XIX – начало XX в.) Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. 176 с.

Джаксон, Флеров 1928 - *Джаксон М.Н., Флеров А.Н.* Сборник статистических сведений о горной и горнозаводской промышленности СССР за 1911–1924/25 гг. Л., 1928. 160 с.

Динамика 1929 - Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за 40 лет: 1887-1926. М.- Л., 1929. Т. 1. Ч. 1. 325 с.

Динамика 1930 - Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за 40 лет: 1887-1926. М., 1930. Т. 1. Ч. 3.

Еремин 2010 - *Еремин И.А.* Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.). Барнаул, 2010. 293 с.

Еремин 2006 - *Еремин И.А.* Западносибирский тыл России в годы первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.): дисс ... докт. ист. наук: 07.00.02. Барнаул, 2006. 618 с.

Ершов 1932 - *Ершов В.* Маслоделие // Сибирская советская энциклопедия. Т. III. Л.-Н. Новосибирск. М.: Западносибирское отделение ОГИЗ, 1932. С. 310-323.

Зиновьев 2009 - *Зиновьев В.П.* Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX - начало XX в. Томск: Издательство Томского университета, 2009. 335 с.

Зиновьев 1979 - *Зиновьев В.П.* Рабочие Сибири в 1907 – 1917 гг. // Рабочие Сибири в период капитализма. Томск: Издательство Томского университета, 1979. С. 3-37.

Зиновьев 2013 - *Зиновьев В.П.* Экономика Сибири в конце XIX - начале XX в.: промышленность, промыслы, торговля // Вопросы истории Сибири в новое время. Сборник научных статей. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2013. Вып. 3. С. 115-134.

Коновалов 1991 - *Коновалов П.С.* Грузооборот Сибирской железной дороги в 1895-1913 гг. // Хозяйственное освоение Сибири: история, историография, источники. Томск: Издательство Томского университета, 1991. С. 155-167.

Крестьянство 1983 - Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: Издательство «Наука». Сибирское отделение, 1983. 400 с.

Николаев 2009а - *Николаев А.А.* Кооперация // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. К-Р. Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. С. 132-139.

Николаев 2009б - *Николаев А.А.* Маслоделие // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. К-Р. Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. С. 325-327.

Рабинович 1975 - *Рабинович Г.Х.* Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX - начала XX вв. Томск: Издательство Томского университета, 1975. 329 с.

Рабочий класс 1982 - Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск: Издательство «Наука», Сибирское отделение, 1982. 459 с.

Разумов 1983 - *Разумов О.Н.* Иностранные акционерные общества в горной промышленности Сибири периода империализма // Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск: Издательство Томского университета, 1983. С. 107-116.

РГИА - Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1418. Оп. 1. Д. 298. Л. 1-13.

Сборник 2013 - Сборник тезисов сибирского исторического форума «Сибирь в войнах начала XX века». 3-6 декабря 2013 года. Красноярск, 2013. 232 с.

Сибирь и войны 2014 - Сибирь и войны XIX-XX веков. Тезисы Всероссийской (с международным участием) научной конференции (г. Новосибирск, 8-10 июня 2014 г.). Новосибирск, 2014. 169 с.

Скубневский 1991 - *Скубневский В.А.* Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири. Томск: Издательство Томского университета, 1991. 272 с.

Скубневский 2013 - *Скубневский В.А.* Турн-и-Таксис и доктор Жаннэ // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 2. М-Я. Новосибирск: Академическое издательство «ГЕО», 2013. С. 338.

Шиловский 2014 - *Шиловский М.В.* Первая мировая война 1914-1918 гг. и Сибирь. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2014.

Шиловский 2003 - *Шиловский М.В.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917-1920 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 428 с.

References

Baev 2004 - *Baev O.V.* Inostranniy kapital v promyshlennosti Kuznetskogo basseyna (konets XIX – nachalo XX v.) [Foreign capital in the industry of the Kuznetsk Basin (late 19th century to early 20th century)], Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2004, 176 p. [in Russian].

Dzhakson, Flerov 1928 - *Dzhakson M.N., Flerov A.N.* Sbornik statisticheskikh svedeniy o gornoy i gornozavodskoy promyshlennosti SSSR in 1911 – 1924/25 gg. [Collection of statistical data on the mining and metallurgical industries of the USSR for 1911 - 1924/25 years], Leningrad, 1928. 160 p. [in Russian].

Dinamika 1929 - *Dinamika rossiyskoy i sovetskoy promyshlennosti v svyazi s razvitiem narodnogo khozaystva za 40 let 1887-1926* [Dynamics of Russian and Soviet industry in connection with the development of the economy for 40 years: 1887-1926], Moscow-Leningrad, 1929, t. 1, ch.1, 325 p. [in Russian].

Dinamika 1930 - *Dinamika rossiyskoy i sovetskoy promyshlennosti v svyazi s razvitiem narodnogo khozaystva za 40 let 1887-1926* [Dynamics of Russian and Soviet industry in connection with the development of the economy for 40 years: 1887-1926], Moscow, 1930, t. 1, ch. 3 [in Russian].

Eremin 2010 - *Eremin I.A.* Zapadnaya Sibir v period pervoy mirovoy voyni (iyul 1914 – mart 1918 gg.) [West Siberia during the First World War (July 1914 – March 1918)], Barnaul, 2010, 293 p. [in Russian].

Eremin 2006 - *Eremin I.A.* Zapadnosibirskiy til Rossii v godi Pevoy mirovoy voyni (iyul 1914 – mart 1918 gg.): diss... dokt. ist. nauk [The West Siberian home front of Russia during the First World War (July 1914 – March 1918): diss. doctor of science (history)]: 07.00.02. Barnaul, 2006, 618 p. [in Russian].

Ershov 1932 - *Ershov V.* Maslodeliye, Sibirskaya sovetskaya ensiklopedia. T. III. L- N [Butter-making industry, Siberian Soviet Encyclopedia. Vol. 3. L-N], Novosibirsk - M.: Zapadno-sibirskoe otdeleniye OGIz, 1932, pp. 310-323 [in Russian].

Zinovyev 2009 - *Zinovyev V.P.* Ocherki sozialnoy istorii industrialnoy Sibiri. XIX – nachalo XX v. [Essays on the social history of industrial Siberia. The 19th – early 20th centuries], Tomsk, izdatelstvo Tomskogo universiteta, 2009, 335 s. [in Russian].

Zinovyev 1979 - *Zinovyev V.P.* Rabochie Sibiri v 1907 – 1917 gg., Rabochie Sibiri v period kapitalizma [Siberian workers in 1907 – 1917, Siberian workers in the period of capitalism], Tomsk, izdatelstvo Tomskogo universiteta, 1979, pp. 3-37 [in Russian].

Zinovyev 2013 - *Zinovyev V.P.* Ekonomika Sibiri v konce XIX – nachale XX v.: promyshlennost, promysli, trgovlya, Voprosy istorii Sibiri v novoe vremya. Sbornik nauchnih statey [Siberian economy in the late 19th – early 20th centuries: industry, fisheries, trade, Questions of Siberian history in the modern period. Collection of articles], Novosibirsk, Institut istorii SO RAN, 2013, vyp. 3, pp. 115-134 [in Russian].

Konovalov 1991 - *Konovalov P.S.* Gruzooborot Sibirskoy zsheleznoy dorogi v 1895-1913 gg., Khozaystvennoe osvoenie Sibiri: istoria, istoriografia, istochniki [The freight turnover of the Siberian railway, 1895-1913, The economic

development of Siberia: history, historiography, sources], Tomsk, izdatelstvo Tomskogo universiteta, 1991, pp. 155-167 [in Russian].

Krest'yanstvo 1983 - Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma [Siberian peasantry under capitalism], Novosibirsk, izdatelstvo "Nauka", Sibirskoe otdelenie, 1983, 400 s. [in Russian].

Nikolaev 2009a - Nikolaev A.A. Kooperatsiya, Istoricheskaya ensiklopedia Sibiri. T. II. K-R [Cooperatives, Historian encyclopaedia of Siberia], Novosibirsk, izdatelskiy dom "Istoricheskoe nasledie Sibiri", 2009, pp. 132-139 [in Russian].

Nikolaev 2009b - Nikolaev A.A. Maslodeliye, Istoricheskaya ensiklopedia Sibiri. T. II. K-R [Butter-making industry, Historian encyclopaedia of Siberia], Novosibirsk, izdatelskiy dom "Istoricheskoe nasledie Sibiri", 2009, pp. 325-327 [in Russian].

Rabinovich 1975 - Rabinovich G.H. Krupnaya burzhuaziya i monopolisticheskiy kapital v ekonomike Sibiri konca XIX – nachala XX v. [The big bourgeoisie and monopoly capital in Siberian economy, the late 19th and early 20th centuries], Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta, 1975, 329 p. [in Russian].

Rabochiy klass 1982 - Rabochiy klass Sibiri v dooktyabrskiy period [The working class of Siberia before the October Revolution], Novosibirsk, izdatelstvo "Nauka", Sibirskoe otdelenie, 1982, 459 s. [in Russian].

Razumov 1983 - Razumov O.N. Inostrannyye aktsionernyye obshchestva v gornoy promyshlennosti Sibiri perioda imperializma, Voprosy istorii dorevoluzionnoy Sibiri. [Foreign joint venture companies in the mining industry of Siberia in the period of imperialism, Questions of history of pre-revolutionary Siberia], Tomsk, izdatelstvo Tomskogo universiteta, 1983, pp. 107-116 [in Russian].

RGIA - Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)], f. 1418, op. 1, d. 298, pp. l. 1-13 [in Russian].

Sbornik 2013 - Sbornik tezisov sibirskogo istoricheskogo foruma "Sibir v voynakh nachala XX veka". 3-6 dekabrya 2013 goda. [Collection of abstracts of the Siberian Historical Forum "Siberia in the wars of the early 20th century", December 3-6, 2013], Krasnoyarsk, 2013, 232 p. [in Russian].

Sibir i voyny 2014 - Sibir i voyny XIX-XX vekov. Tezisy vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoy konferentsii (g. Novosibirsk, 8-10 iyunya 2014 g.) [Siberia and the wars of the 19th and 20th centuries. Abstracts of all-Russian (with international participation) research conference (Novosibirsk, June 8-10, 2014)], Novosibirsk, 2014, 169 p. [in Russian].

Skubnevskiy 1991 - Skubnevskiy V.A. Rabochie obrabatyvayushchey promyshlennosti Sibiri [Workers of the Siberian manufacturing industry], Tomsk, izdatelstvo Tomskogo universiteta, 1991, 272 p. [in Russian].

Skubnevskiy 2013 - Skubnevskiy V.A. Turn-i-Taksis i doctor Zchanne, Entsiklopedicheskiy slovar po istorii kupechestva i komertsii Sibiri. T. 2. M-Ya [Thurn and Taxis and Dr. Jeanne, Encyclopedic dictionary of the history of the merchants and commerce of Siberia], Novosibirsk, Akademicheskoe izdatelstvo "GEO", 2013, p. 338.

Shilovskiy 2014 - Shilovskiy M.V. Pervaya mirivaya vojna 1914-1918 gg. i Sibir [The First World War 1914-1918 and Siberia], Novosibirsk, izdatelstvo Sibirskogo otdeleniya RAN, 2014.

Shilovskiy 2003 - *Shilovskiy M.V. Politicheskie protsessy v Sibiri v period sotsialnykh kataklizmov 1917-1920 gg.* [The political processes in Siberia during the social upheavals of 1917-1920], Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 2003. 428 p.

Зиновьев Василий Павлович - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Zinovyev Vasily - Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of History of National Research Tomsk State University.

E-mail: vpz@tsu.ru

Фоминих Сергей Федорович - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой современной отечественной истории исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Fominykh Sergey - Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of department of Contemporary Russian History of the Faculty of History of National Research Tomsk State University.

E-mail: fsf@mail2000.ru

УДК 94(470)"1914/1917"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/37/5

УЧАСТИЕ 39-ГО ПЕХОТНОГО ТОМСКОГО ПОЛКА В БОЯХ И СРАЖЕНИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В.И. Голиков

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный
исследовательский Томский государственный университет»

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: admin@mf.tsu.ru

SPIN-код: 9437-8385

Авторское резюме

На основе различных исторических источников рассматривается боевой путь 39-го пехотного Томского полка на полях сражений Первой мировой войны. Полк, с честью прошедший в составе русской армии всю Первую мировую, принял участие в Галицийской битве, Лодзинской и Нарочской операциях, Брусиловском (Луцком) прорыве. Был расформирован в 1918 г., как и другие части царской армии.

Ключевые слова: Первая мировая война, полк, дивизия, армия, наступление, оборона, Россия, Австро-Венгрия, Германия.

The participation of the 39th Tomsk Infantry Regiment in battles and engagements of WWI

V.I. Golikov

Federal state autonomic educational institution of high education
"National research Tomsk state university"

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: admin@mf.tsu.ru

Abstract

On the basis of various historical sources the operational record of the 39th Tomsk Infantry Regiment on the battlefields of World War I is examined. The regiment fought with honor as part of the Russian Army throughout World War I, participated in the Battle of

Galicia, operations at Lodzi and Naroch as well as Brusilov's Breakthrough. The regiment was disbanded along with other units of the Czarist Army in 1918.

Keywords: World War I, regiment, division, army, offence, defence, Russia, Austria-Hungary, Germany.

Великая война (Вторая Отечественная, Германская) – беспрецедентный по масштабу вооруженный конфликт, в который были вовлечены 38 из 55 государств мира.

Объявление Германией войны население России встретило на высоком патриотическом подъеме. Во всех крупных городах прошли манифестации под лозунгом «За веру, царя и Отечество!». Добровольцев всех сословий было очень много. Добровольцами шли в армию интеллигенция, священники и их дети. Подростки массово бежали на фронт, в тылу многие старались быть полезными в уходе за ранеными. Люди активно жертвовали солдатам одежду, продукты, табак, деньги. Многоликое население России превратилось в единый и сплоченный народ. Даже политические страсти в этом единении сошли на нет.

В круговорот военных событий был вовлечен и 39-й пехотный Томский полк, сформированный в период царствования Павла I, который буквально с первых дней восхождения на престол с целью укрепления могущества государства начал военную реформу, предусматривавшую наряду с многими преобразованиями создание новых воинских формирований российской армии (Савинкин 1996: 110, 193). Так, в числе ряда формирувавшихся частей в соответствии с высочайшим повелением императора Павла I указом от 29 ноября 1796 г. на базе двух пехотных батальонов – Екатеринбургского и Семипалатинского, находившихся на территории Сибири (ГАОО: 65–68), усиленных личным составом расформированного Иркутского драгунского полка и рекрутами набора 1797 г., прибывшими в основном из Смоленской военной инспекции, был создан Томский мушкетерский полк.

После завершения этапа формирования полк, насчитывавший к 1 февраля 1797 г. 2 363 чел. и состоявший из двух батальонов по шесть рот (одной гренадерской и пяти мушкетерских) в каждом, вошел в состав 12-й Сибирской дивизии (РГАДА: 34, 41 об) с местом дислокации в Томской области, которая в год создания полка вместе с Тобольской областью слилась в единую Тобольскую губернию. Первым шефом Томского мушкетерского полка был назначен генерал-майор Д. Юргенц, штаб-квартира которого находилась в Колывани, а полковым командиром – полковник И.К. Винклер (Подмазо 1997).

В соответствии с царским указом, прибывшим в полк в августе 1808 г., томцы (так стали называть воинов Томского мушкетерского полка), оставив свои постоянные квартиры, вышли в поход к западным

границам Российской империи на помощь Франции, которая вела войну с Австрией. Поход сибирских полков продолжался ровно год. Из Житомира, куда прибыл после длительного марша Томский мушкетерский полк, начался его поход в Галицию в составе 24-й пехотной дивизии. После непродолжительного пребывания за границей полк к 9 декабря 1809 г. вернулся в Россию.

Принятие на вооружение российской армии новых образцов оружия повлекло за собой изменения организационно-штатной структуры воинских формирований, в результате чего в 1811 г. Томский мушкетерский полк был переименован в Томский пехотный полк (Голиков, Чернов 2012: 79).

С началом Отечественной войны 1812 г. полк принимал активное участие в сражении 5 августа под Смоленском. 26 августа он вел боевые действия при Бородино, а с 29-го, находясь в арьергарде, сдерживал атаки французского авангарда (Шелехов 1896: 75). После октябрьских боев за Малоярославец томцы участвовали в наступлении в направлении Красного, а затем преследовали отходящего противника до м. Ранская. С 1813 г. Томский пехотный полк в составе русских войск по решению Александра I участвовал в окончательном разгроме Наполеона за пределами Российской империи.

После 12 лет мирной жизни, начавшейся с 1816 г., полк принял участие в русско-турецкой войне 1828 – 1829 гг. (Шелехов 1896: 107).

В 1833 г. он был переименован в Томский егерский полк (Висковатов 1902: 25 – 26), который в 1849 г. выступил в Трансильванию с целью подавления восстания мадьяр, действовавших против австрийцев в Западной Венгрии.

В ходе Крымской войны Томский егерский полк с 22 октября 1854 г. по сентябрь 1855 г. участвовал в обороне Севастополя.

В 1856 г. Томский полк вновь стал пехотным с последующим переименованием в марте 1864 г. в 39-й пехотный Томский.

Весной 1911 г. полк, прибывший из Варшавского военного округа в Московский, разместился на постоянных квартирах в уездном г. Козлов (ныне – Мичуринск) Тамбовской губернии.

Борьба крупнейших держав за передел мира, сфер влияния, за захват новых рынков сбыта и источников сырья привела две противоборствующие группировки – Антанту и Тройственный союз – к развязыванию Первой мировой войны. Получив 13 июля 1914 г. известие об австрийском ультиматуме Сербии, Николай II повелел в этот же день привести армию в предмобилизационное состояние, а через четыре дня подписал указ о проведении частичной мобилизации против Австро-Венгрии, к которой привлекались войска четырёх округов: Киевского, Одесского, Московского и Казанского.

Летние лагерные сборы 1914 г., которыми руководил командир полка полковник М.Г. Пацевич, назначенный осенью 1913 г., для Томского полка, входившего организационно в состав 10-й пехотной дивизии, начались 18 мая и проходили недалеко от железнодорожной ст. Сейм (ныне – г. Володарск), где его и застало начало Первой мировой войны (РГВИА: 1–2).

Согласно боевому расписанию, 10-я пехотная дивизия выделяла свой кадровый состав для развёртывания второочередной 61-й пехотной дивизии (Керсновский 1994: 177–178), куда вошел и личный состав Томского пехотного полка – 20 офицеров и 200 унтер-офицеров и рядовых для развёртывания второочередного 243-го пехотного полка.

Группировку частей русской действующей армии с началом войны составили восемь армейских объединений, в том числе два – в составе Северо-Западного фронта (1-я и 2-я армии), четыре – в составе Юго-Западного фронта (3-я, 4-я, 5-я и 8-я армии), и два – «обсервационные» (6-я армия на побережье Балтийского моря и 7-я армия на румынской границе). Использование армейских управлений 6-й и 7-й армий на театре военных действий не предусматривалось, только живая сила, влитая по мобилизации в эти армии (как правило, второочередные дивизии), в случае необходимости должна была быть переброшена в действующие армии.

Боевой состав русской действующей армии с началом военных действий составил 30 армейских и 3 кавалерийских корпуса (кавказского в начале войны стали импровизацией, так как такая организация была ликвидирована еще в 1906 г.): 60 пехотных и 22 кавалерийские дивизии, 4 отдельные стрелковые бригады. Общая численность в августе 1914 г. – 2 700 000 штыков и сабель.

Верховным главнокомандующим русскими армиями был назначен дядя императора – генерал-адъютант великий князь Николай Николаевич (Оськин 2010: 63).

После завершения мероприятий по доукомплектованию, развёртыванию новых частей и боевой учебе 39-й пехотный Томский полк в составе 10-й пехотной дивизии убыл к месту назначения. Сосредоточивавшаяся в районе предстоящих боевых действий 5-я армия под командованием генерала П.А. Плеве развёртывалась в районе польского г. Холм, куда и выдвигалась 10-я пехотная дивизия 5-го корпуса, входившего в состав 5-й армии. По замыслу командования армия должна была выйти на фланг и тыл группировки австро-венгерских войск, концентрировавшихся в районе Львова.

В состав 10-й пехотной дивизии входили 37-й Екатеринбургский, 38-й Тобольский, 39-й Томский и 40-й Колыванский пехотные полки,

10-я артиллерийская бригада в составе двух дивизионов по три восьмиорудийных батареи каждый и конвойная полусотня. При дивизии находились приданные ей саперная рота 23-го саперного батальона и эскадрон 7-го гусарского Белорусского полка. Тыловые учреждения состояли из 10-й артиллерийской парковой бригады, дивизионного обоза, дивизионного лазарета и двух подвижных госпиталей. Боевой состав: 16 батальонов, 48 легких орудий, 1 саперная рота, 1 эскадрон и полусотня (всего в боевом составе около 14 тыс. штыков и 190 сабель). Общая численность дивизии и приданных ей частей насчитывала 18 500 человек (Надежный 1926а: 29).

С началом войны томцы переоделись в походную форму. Походная форма офицеров включала в себя фуражку защитного цвета с защитного же цвета кокардой (зимой - папаху образца 1910 г.) и малиновыми выпушками по верхнему краю околыша и на тулье, китель (зимой - походный мундир) с защитными погонами, укороченные защитные шаровары, походное снаряжение из коричневой кожи (поясной ремень с муфтами и наплечными ремнями, кобура, футляр с биноклем, полевая сумка и фляга), коричневые перчатки. Вооружение – шашка на ременной портупее и револьвер с походным шнуром (коричневой кожи). Нижним чинам полагались фуражка защитного цвета с малиновыми выпушками по верхнему краю околыша и на тулье (зимой - папаха), гимнастерка с двусторонними погонами – защитными с малиновой выпушкой, укороченные шаровары и высокие сапоги, поясной ремень с двумя подсумками и с малой лопатой в кожаном либо парусиновом чехле, вещевой мешок с водоносной баклагой на перевязи, парусиновый патронташ через левое плечо, поверх него – шинель-скатку с котелком (Висковатов 1902: 88–93).

Питание личного состава российской армии к началу Первой мировой войны базировалось на системе натурального нормирования, основу которого составлял определенный набор продуктов на одного человека в сутки. Его обоснованность соответствовала уровню развития физиологии питания того времени, экономического состояния государства, а также традициям русской национальной кухни. Так, норма выдачи мяса на одного человека в сутки в военное время составляла 1 фунт (409,5 г) или мясных консервов 79,25 золотника (337,6 г), что вдвое превышало предвоенную (Устрялов 1910: 70).

Свой первый бой 39-й пехотный Томский полк, находясь в составе 10-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса 5-й армии, принял 14 августа 1914 г. на русском Юго-Западном фронте. В ходе двухдневных наступательных боев против частей 15-й австрийской дивизии 4-й австро-венгерской армии в районе г. Лацова Томашевского уезда Люблинской губернии в Польше Томский полк разгромил 5-й пехотный полк австрийцев и захватил его знамя (Олейников 2012: 73).

За проведенный 15 августа бой 39-й пехотный Томский полк был назван в числе особо отличившихся (Керсновский 1994: 205–206). Однако этот успех достался дорогой ценой. Из 4 339 чел. личного состава полк за два дня боев потерял 84 чел. убитыми, 454 ранеными и 51 пропавшим без вести. К сожалению, на этом потери не закончились: в результате скоротечности боевых действий личный состав полка полностью остался без шинелей и вещевых мешков, которые солдаты сняли перед боем и не успели захватить во время смены позиций (Надежный 1926а: 24–25).

Говоря о вещевом имуществе, следует отметить, что с началом боевых действий военное ведомство, учтя опыт русско-японской войны, практически отказалось от цветных элементов в походной униформе. Приказом по военному ведомству № 535 от 21 августа 1914 г. «Об изменениях в форме на время военных действий» были введены одноцветные пристяжные погоны защитного цвета, поясные ремни кавалерийского образца, шинели без металлических пуговиц по борту, отменены выпушки на фуражках. Походная форма русской армии, в отличие от формы большинства других европейских армий, стала практичной и удобной. Об этом упоминалось даже в секретном аналитическом материале, составленном германским Генеральным штабом.

После Томашевского сражения и взятия г. Томашов войсками 5-го армейского корпуса, в составе которого был 39-й пехотный Томский полк, группировка австрийских войск генерала М. Ауффенберга прекратила сражение в Южной Польше и отошла к Карпатам. Лишь задержка с подходом кавалерийских частей позволила противнику избежать окружения и полного разгрома.

С 21 по 30 августа томцы участвовали в Городокском сражении, в результате которого австро-венгерская группировка прекратила боевые действия и отошла за р. Сан.

Овладев Галицией, русские войска создали угрозу вторжения в восточные области Германии, Венгрию и Силезию. Галицийская битва была выиграна русской армией. Потери противника составили 326 тыс. чел., русские войска потеряли более 230 тыс. человек (Вожякин 2008: 194).

В начале сентября 1914 г. Томский полк участвовал во взятии польского г. Ярослава, затем в составе 5-й армии был переброшен под Варшаву. В конце октября – начале ноября он принял участие в ожесточённом сражении в районе г. Лодзь, в котором обе воюющие стороны пытались решить свои задачи наступлением. В дальнейшем томцы в составе 5-го армейского корпуса с 18 по 21 ноября вели тяжёлые оборонительные бои и под угрозой окружения медленно

отходили к Варшаве. В ходе боев была оставлена и Лодзь, где томцы потеряли 8 орудий и половину пулеметных расчетов.

Восточный фронт зафиксировался в конце 1914 г. после ожесточенных боев. К концу года почти сплошная линия фронта протянулась от Восточной Пруссии до Карпатских гор на юге. Ключевым сражением была Лодзь (Виллмотт 2010: 66).

Лодзинская операция стала одной из самых сложных и напряженных в Первой мировой войне и характеризовалась маневренными действиями и большим количеством встречных сражений. Германскому командованию не удалось прорваться к Варшаве и окружить 2-ю и 5-ю русские армии в районе Лодзи. Русский замысел глубокого вторжения в Германию также не осуществился.

В начале января 1915 г. 39-й пехотный Томский полк, занимая позиции по р. Равка в Польше, составлял часть позиции обороны русских войск, проходившей по линии рек Нида-Пилица-Равка-Бзура. В середине января противоборствующие стороны перешли к боям местного значения. Так, прошедшие боевые столкновения войск у Сохачева, Болимова и Равы были неудачны для русских частей, среди которых был и Томский полк, ввиду больших потерь личного состава. Мало того, томцы попали в район массового применения байеровского химического оружия, впервые осуществленного немцами 30 января 1915 г. на р. Равка против русских войск. Было выпущено 18 тыс. снарядов со слезоточивым газом ксиллилбромидом. Только благодаря тому, что газ из-за низкой температуры просто замерз, солдаты Томского полка не пострадали.

В период с 11 февраля по 17 марта 39-й пехотный Томский полк, войдя в составе 10-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса в новую сформированную 12-ю армию под командованием генерала П.А. Плеве, в ходе оборонительных и наступательных действий участвовал в первой Праснышской операции по нанесению ущерба германской армейской группе генерала М. Гальвица вплоть до ее отступления в Восточную Пруссию (Строков 1963: 306). При этом были разгромлены и почти уничтожены два германских корпуса.

С конца марта на этом участке фронта обе стороны перешли к позиционной обороне. Томцам пришлось вновь вгрызаться в землю и постигать все «прелести» окопной жизни. Потери русских во второй Праснышской операции были значительны – до 40 тыс. чел.

Вследствие таких больших потерь среди личного состава и проблем с его восполнением весной 1915 г. изменились штаты пехотных полков. Они были приведены в трехбатальонный состав.

В ходе нового наступления противника с 30 июня по 4 июля 1915 г. Томский полк, по-прежнему находясь в составе 12-й ар-

мии во главе с новым командующим - генералом от инфантерии А.Е. Чуриным, вел оборонительные бои против германской 12-й армии, прикрывая тем самым отход главных сил русской армии из Польши.

После разделения Северо-Западного фронта на Северный и Западный 39-й пехотный Томский полк в составе 10-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса Северного фронта участвовал в ликвидации Свенцянского прорыва противника.

В начале нового 1916 г. Томский полк вел оборонительные бои под Вильно, находясь в составе 2-й армии Западного фронта (Подорожный 1938: 24–26).

В связи с гибелью 13 февраля 1916 г. командира полка полковника М.Г. Пацевича командование полка принял полковник Григорьев (Голиков, Чернов 2012: 338).

С утра 21 марта 1916 г. 39-й пехотный Томский полк принял участие в начавшемся Нарочском сражении. Ведя наступление в первой линии, он имел задачу в составе 10-й пехотной дивизии прорвать оборонительные позиции противника в направлении д. Занорочь и выйти в тыл противника. Из-за недостатка боеприпасов артиллерии и соответственно невыполнения должного обеспечения сопровождения атаки к концу дня наступление было остановлено, и томцы вернулись в исходное положение.

Последующие наступательные действия полка совместно с главными силами 5-го армейского корпуса с 21 по 29 марта успеха не имели (как, впрочем, и остальных соединений и корпусов 2-й армии), в результате чего ему было приказано 30 марта прочно закрепиться между оз. Нарочь и Вишневское (Подорожный 1938: 144–145).

Через три месяца после Нарочской неудачи 39-му пехотному Томскому полку довелось принять участие во втором этапе операции, которая прославила русское оружие и известна как Луцкий прорыв, названный в последующем Брусиловским. Так, в конце июня 1916 г. 5-й армейский корпус в своём неизменном составе – 7-я и 10-я пехотные дивизии и 10-я артиллерийская бригада – был переброшен на Юго-Западный фронт и вошел в состав 11-й армии, находившейся в центре боевых порядков Юго-Западного фронта (Ротмистров 1963: 320).

К 12 июня 1916 г. 5-й армейский корпус располагался на позиции в 25 км к юго-западу от г. Луцка. Все его полки – 37-й Екатеринбургский, 38-й Тобольский, 39-й Томский и 40-й Колыванский – после мартовских боев у оз. Нарочь были заново укомплектованы, получив в пополнение более чем 50 % нового личного состава (Надежный 1926b: 9). Из старого кадрового состава 10-й дивизии в частях оста-

валось не более 4 - 5 офицеров на полк, и только в артиллерийской бригаде, в которой потерь было немного, офицерский состав мало изменился.

С 13 июня 1916 г., после получения приказа от командующего 11-й армией о наступлении, 39-й пехотный Томский полк в течение нескольких дней вел тщательную подготовку к предстоящим боевым действиям. 16 июня в 2 часа 30 минут томцы под покровом темноты, усиливавшейся вследствие дождя, совместно с остальными частями 10-й пехотной дивизии перешли в наступление на позиции 48-й австрийской пехотной дивизии. После неудачных двух атак томцы по приказу начальника дивизии провели третью, которая увенчалась успехом.

Попытка австрийцев провести контратаку силами 100-го и 57-го пехотных полков и отбить селение Губин была остановлена огнём 2-го и 4-го батальонов Екатеринбургского полка и отброшена контратакой 1-го батальона Томского полка. При этом томцы еще и захватили в плен 608 чел. (Надежный 1926b: 19). Дальнейшее продвижение Томского и Екатеринбургского полков было остановлено сильным артиллерийским огнём противника. Новая фронтальная атака томцев, на которой главным образом начальник дивизии строил план наступления, не дала решительных результатов. Тем не менее, несмотря на шквальный огонь противника, пехотные полки боевую задачу командования выполнили, а понесенные при атаке 39-м Томским и 37-м Екатеринбургским полками потери свидетельствовали о доблести как офицерского состава, так и солдат, хотя в массе это была молодежь, недавно прибывшая на пополнение полков (Надежный 1926b: 30).

За день боя 39-й пехотный Томский полк потерял убитыми 4 офицеров и 292 нижних чина, ранеными - 15 офицеров и 795 нижних чинов, а всего - 1 087 чел., что составляло 30 % офицеров и 33 % нижних чинов от числа участвовавших в бою. В целом 10-я пехотная дивизия потеряла убитыми 8 офицеров и 369 нижних чинов, ранеными - 25 офицеров и 1 369 нижних чинов. На Томский полк приходилась почти половина потерь в 10-й пехотной дивизии за бой 15 - 16 июня 1916 г. у селения Губин (Надежный 1926b: 26).

В этих боях было захвачено в плен 45 офицеров и 3 132 рядовых противника, преимущественно из состава частей 48-й и 61-й австрийских дивизий, и небольшое число из состава 108-й германской дивизии, а также 8 пулеметов, 7 бомбометов и более 3000 ружей (Подорожный 1938: 27). Атаки Томского полка у селения Губин и продвижение Екатеринбургского полка значительно облегчили выполнение боевой задачи войскам 5-го Сибирского корпуса.

С утра 5 июля 39-й пехотный Томский полк вновь участвовал в наступательных действиях 10-й пехотной дивизии, закончившихся

весьма неудачной попыткой начать форсировать р. Стырь, которая была сорвана сильным артиллерийским и пулеметным огнем противника. Обескровленный 39-й пехотный Томский полк был выведен в корпусный резерв в д. Полевая и в последующих боях на р. Стырь участия не принимал.

К середине августа наступательные возможности Юго-Западного фронта иссякли, и 22 августа его войска прекратили наступление, перейдя к обороне на достигнутых рубежах.

И все же в 1916 г. австро-венгерская армия потерпела сокрушительное поражение, оправиться от которого в полной мере не смогла до конца войны. Потери австро-венгерских и германских войск на восточноевропейском театре военных действий составили 1,5 млн чел. Наступление оттянуло с Западного и Итальянского фронтов Первой мировой войны 34 германские и австро-венгерские дивизии, что существенно облегчило положение союзников. Оно внесло решающий вклад в достижение перелома в войне в пользу Антанты (Строков 1963: 306).

Создававшаяся к 1917 г. обстановка была тяжелой для германской коалиции и благоприятной для Антанты. Германия не могла вести решительные наступательные действия ни на Западе, ни на Востоке. Она перешла к стратегической обороне. План Антанты строился на использовании ее превосходства в силах и средствах, на возможности закончить войну в 1917 г. Главная роль отводилась англо-французским армиям.

Январь, февраль и частично март 1917 г. на фронте прошли в условиях относительного затишья. В конце февраля 1917 г. в России произошли события, коренным образом изменившие жизнь в стране и повернувшие ход мировой истории. После падения самодержавия фактически установилось двоевластие Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов. Хаос и разложение, царившие в русских войсках, сделали невозможным проведение готовившегося наступления Юго-Западного фронта в намеченные сроки. Оно было отложено на конец июня.

В предстоявшей операции войск Юго-Западного фронта основную роль играли 11-я и 7-я армии, наступавшие в направлении Львова, и 8-я армия, штурмовавшая Калуш. Наступавшая преимущественно на 2-ю австро-венгерскую армию 11-я армия для развития успеха трех армейских корпусов выделила 1-й гвардейский и 5-й армейский корпуса, в который по-прежнему входил 39-й пехотный Томский полк.

Начавшееся 18 июня 1917 г. наступление в направлении г. Злочув первоначально увенчалось успехом, однако ввиду того что наступательный порыв 11-й армии не был поддержан соседней 7-й армией из-за антивоенных настроений и массового неповиновения солдат,

наступление было приостановлено, а Германия, перебросив с запада к месту сражения 13 дивизий, 6 июля перешла в наступление, которое было невозможно сдержать силами оставшихся боеспособных частей русской армии.

После отхода 11-й армии в направлении Збоража и Тернополя с последующей переправой через р. Збруч, являвшейся пограничной рекой между Российской империей и Австро-Венгрией, попытки противника закрепиться на российской территории оказались тщетными. Несмотря на все революционные волнения, отпор наступавшим войскам был дан такой, что немецкое командование, испытывавшее трудности в снабжении и пополнении войск свежими силами, приняло решение не возобновлять наступательные операции на этом театре военных действий до осени.

Находясь в составе 10-й пехотной дивизии под командованием генерал-лейтенанта В.П. Гальфтера, 39-й пехотный Томский полк оставался на занимаемых позициях до начала Октябрьской революции 1917 г., пройдя через все завихрения революционных событий, происходивших в армии.

В течение января – марта 1918 г. все полки российской императорской армии, в т. ч. и 39-й пехотный Томский полк, просуществовавший более 121 года, были расформированы.

ЛИТЕРАТУРА

Виллмонт 2010 - *Виллмонт Г.П.* Первая мировая война. Москва: ООО «Ломоносовъ», 2010. 335 с.

Висковатов 1902 - *Висковатов А.В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. СПб.: В.С. Балашев и К^о, 1902. Ч. 19. 348 с.

Вожакин 2008 - *Вожакин М.Г.* Военная история / под ред. М.Г. Вожакина. М.: Воениздат, 2008. 472 с.

Голиков, Чернов 2012 - *Голиков В.И., Чернов К.А.* Томский пехотный полк в боях и сражениях в XVIII – XX веках. Томск: Изд-во НТЛ, 2012. 428 с.: ил.

ГАОО - Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 67. Оп. 1. Д. 10. Керсновский 1994 - *Керсновский А.А.* История русской армии: в 4 т. / под общ. ред. П.Ф. Алешкина. М.: Голос, 1994. Т. 3. 348 с.

Надежный 1926а - *Надежный Д.Н.* Бои 10-й пехотной дивизии под Луцком в июле 1916 года. М.: Военная типография упр. делами НКВМ и РВС СССР, 1926. 69 с.

Надежный 1926б - *Надежный Д.Н.* Бой у Лащова 27/14 и 28/15 августа 1914 г. М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1926. 30 с.

Олейников 2012 - *Олейников А.В.* Пленные стяги // Военно-исторический журнал. 2012. № 6. С. 72–74.

- Оськин 2010 - *Оськин М.А.* Первая мировая война. М.: Вече, 2010. 368 с.
- Подмазо 1997 - *Подмазо А.* Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796–1825). Справочное пособие / А. Подмазо. М.: Музей-панорама «Бородинская битва», 1997.
- Подорожный 1938 - *Подорожный Н.Е.* Нарочская операция в марте 1916 года на русском фронте мировой войны. Л.: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1938. 180 с.
- РГАДА - Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 20. Оп. 1. Д. 280.
- РГВИА - Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2340. Оп. 2. Д. 293.
- Ротмистров 1963 - *Ротмистров П.А.* История военного искусства / под ред. П.А. Ротмистрова. М.: Воениздат, 1963. Т. 1. 527 с.
- Савинкин 1996 - *Савинкин А.Е.* Российский военный сборник. Военное законодательство Российской империи (Кодекс русского военного права) / сост.: А.Е. Савинкин. М.: Военный университет, 1996. Вып. 10. 448 с.
- Строков 1963 - *Строков А.А.* История военного искусства / под ред. А.А. Строкова. М.: Воениздат, 1963. 932 с.
- Устрялов 1910 - *Устрялов Ф.Г.* Свод военных постановлений 1869 года. Военное хозяйство. Кн. 19. Довольствие войск: (Разделы 2–7). Санкт-Петербургская государственная типография, 1910. 270 с.
- Шелехов 1826 - *Шелехов Ф.П.* История 145-го пехотного Новочеркасского императора Александра III полка. 1786–1886 / сост. штабс-капитаном Шелеховым. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1896. 575 с.

References

- Villmott 2010 - *Villmott G.P.* Pervaja mirovaja vojna [World War I], Moscow, ООО "Lomonosov", 2010, 335 p. [in Russian].
- Viskovatov 1902 - *Viskovatov A.V.* Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzhenija Rossijskih i vojsk, s risunkami, sostavlennoe po Vysochajshemu poveleniju [A historical description of the clothing and weaponry of Russian troops, with drawings, compiled by the highest decree], Saint Petersburg, V.S. Balashev i Ko, 1902, ch. 19, 348 p. [in Russian].
- Vozhakin 2008 - *Vozhakin M.G.* Voennaja istorija [Military history], Moscow, Voennizdat, 2008, 472 p. [in Russian].
- Golikov, Chernov 2012 - *Golikov V.I., Chernov K.A.* Tomskij pehotnyj polk v bojah i srazhenijah v XVIII–XX vekah [The Tomsk Infantry Regiment in battles and engagements in the XVIII–XX centuries], Tomsk, Izd-vo NTL, 2012, 428 p. [in Russian].
- GAOO - Gosudarstvennyj arhiv Omskoj oblasti [State Archives of the Omsk region] (GAOO), f. 67, inv. 1, d. 10.
- Kersnovskiy 1994 - *Kersnovskij A.A.* Istorija russkoj armii: v 4 t. [A history of the Russian Army], Moscow, Golos, 1994, t. 3, 348 p. [in Russian].
- Nadezhnyy 1926a - *Nadezhnyj D.N.* Boi 10-j pehotnoj divizii pod Luckom v ijule 1916 goda [The battle of the 10th Infantry Division at Luts in July

1916], Moscow, Voennaja tipografija upr. delami NKVM i RVS SSSR, 1926, 69 p. [in Russian].

Nadezhnyy 1926b - *Nadjozhnyj D.N.* Boj u Lashhova 27/14 i 28/15 avgusta 1914 g. [The battle at Laschov on 27/14 and 28/15 August 1914], Moscow, Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo Narkomata oborony Sojuza SSR, 1926, 30 p. [in Russian].

Oleynikov 2012 - *Olejnikov A.V.* Plenennye stjagi [Captured banners], Voenno-istoricheskij zhurnal, 2012, Nr 6, pp. 72-74 [in Russian],

Os'kin 2010 - *Os'kin M.A.* Pervaja mirovaja vojna [World War I], Moscow, Veche, 2010, 368 p. [in Russian].

Podmazo 1997 - *Podmazo A.* Shefy i komandiry reguljarnyh polkov russkoj armii (1796–1825). Spravochnoe posobie [Heads and commanders of regular regiments in the Russian Army (1796-1825). A reference aid], Moscow, Muzej-panorama "Borodinskaja bitva", 1997 [in Russian].

Podorozhnyy 1938 - *Podorozhnyj N.E.* Narochskaja operacija v marte 1916 goda na russkom fronte mirovoj vojny [The Naroch operation in March 1916 on the Russian front of the world war], Leningrad, Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo Narkomata oborony Sojuza SSR, 1938, 180 p. [in Russian].

RGADA - Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts] (RGADA), f. 20, inv. 1, d. 280 [in Russian].

RGVIA - Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Military Historical Archive] (RGVIA), f. 2340, inv. 2, d. 293.

Rotmistrov 1963 - *Rotmistrov P.A.* Istorija voennogo iskusstva [A history of the art of war], Moscow, Voenizdat, 1963, t. 1, 527 p. [in Russian].

Savinkin 1996 - *Savinkin A.E.* Rossijskij voennyj sbornik. Voennoe zakonodatel'stvo Rossijskoj imperii (Kodeks russkogo voennogo prava), sost. A.E. Savinkin, Moscow, Voennyj universitet, 1996, vyp. 10, 448 p. [in Russian].

Strokov A.A. Istorija voennogo iskusstva [A history of the art of war], Moscow, Voenizdat, 1963, 932 p. [in Russian].

Ustryalov 1910 - *Ustrjalov F.G.* Svod voennyh postanovlenij 1869 goda. Voennoe hozjajstvo. Kn. 19. Dovol'stvie vojsk: (Razdely 2–7) [Martial law of 1869. Military economy. Book 19. Troop allowances: (Sections 2–7)], Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskaja gosudarstvennaja tipografija, 1910, 270 p. [in Russian].

Shelekhov 1826 - *Shelehov F.P.* Istorija 145-go pehotnogo Novoherkasskogo imperatora Aleksandra III polka. 1786–1886 [The history of the 145th Infantry Novoherkasskij Emperor Alexander III Regiment. 1786–1886], Saint Petersburg, tip. E. Evdokimova, 1896, 575 p. [in Russian].

Голиков Валерий Иванович - кандидат исторических наук, профессор Академии военных наук, директор Института военного образования Национального исследовательского Томского государственного университета, полковник в отставке.

Golikov Valerij - Candidate of Historical Sciences, Professor of the Academy of Military Sciences, Director of the Institute of Military Education of National Research Tomsk State University, Colonel (retd.).

E-mail: admin@mf.tsu.ru

УДК 94(47)"1917/1918"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/37/6

173-Й КАМЕНЕЦКИЙ И 174-Й РОМЕНСКИЙ ПЕХОТНЫЕ ПОЛКИ В ПЕРВЫЙ ГОД ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

В.В. КоровинЮго-Западный государственный университет
Россия, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

E-mail: vlavikor@yandex.ru

SPIN-код: 1604-2164

Авторское резюме

Одной из актуальных научных задач, стоящих перед историками, можно считать восстановление деталей участия в боевых действиях отдельных войсковых частей. Публикация подготовлена на основе впервые вводимых в научный оборот источников из фондов Российского государственного военно-исторического архива и Государственного архива Курской области. В статье раскрываются особенности комплектования и основные этапы боевой деятельности частей 44-й пехотной дивизии Русской императорской армии, принявших активное участие в операциях против австрийских войск на юго-западном направлении в 1914 г.

Ключевые слова: Первая мировая война, 173-й Каменецкий пехотный полк, 174-й Роменский пехотный полк, мобилизация, Курская губерния, позиция, окоп, противник, Галиция, армия.

The 173rd and 174th Regiments of Kamenets and Romen in the First Year of the Great War

V.V. Korovin

Southwest State University

94, 50 years of October str., Kursk, 305040, Russia

E-mail: vlavikor@yandex.ru

Abstract

The reconstruction of the details of the participation in the military involvement of the separate military divisions is one of the first actual scholarly tasks which stands before historians. A publication has been prepared on the basis of the first resources

of the Russian State Military Historical Archives and State Archives of the Province of Kursk which have come to the forefront. The complete particulars and basic stages of the military actions of the 44th Infantry Division of the Russian Imperial Army, which took an active part in the operations against the Austrian forces on the South-West in 1914, have been uncovered.

Keywords: WWI, 173rd Infantry Regiment of Kamenets, 174th Infantry Regiment of Romen, Mobilization, Province of Kursk, Position, Trench, Enemy, Galicia, Army.

В текущем году отмечается 100-летие начала Первой мировой войны, и внимание исследователей привлекают ранее неизвестные или забытые страницы ее истории. Одной из актуальных научных задач, стоящих перед учеными, можно считать восстановление деталей участия в боевых действиях отдельных войсковых частей.

В статье раскрываются особенности комплектования и основные этапы боевой деятельности частей 44-й пехотной дивизии Русской императорской армии, принявших активное участие в операциях против австрийских войск на юго-западном направлении в 1914 г. Основными источниками для подготовки данной публикации стали материалы, выявленные автором в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Государственного архива Курской области (ГАКО). Дополнительная информация об описываемых событиях получена из периодической печати.

Комплектование русской армии в Первую мировую войну происходило путем призыва резервистов – ратников 1-го разряда. Тогда количество грамотных рядовых, то есть умевших писать и читать, достигло почти 100 % (Cherkasov 2011: 138-149). Война началась с патриотических манифестаций русского общества (Черкасов 2009: 4-12), однако из-за понесенных потерь и усталости от войны (Сенявская 2012: 30-41) общественное сознание, в особенности сражавшихся на передовой, начало меняться. В результате появились случаи симуляции болезни и членовредительства среди солдат (Асташов 2012: 6-18). В данной статье нам бы хотелось уделить внимание только начальному периоду войны.

Фронтовая биография 173-го Каменецкого и 174-го Роменского пехотных полков, принимавших участие в Первой мировой войне с 1914 по 1918 г., нашла отражение в фондах Российского государственного военно-исторического архива. Документация представлена не только журналами военных действий, но и полевыми книжками командного состава, приказами и распоряжениями по служебной деятельности, наградными материалами на отличившихся в боях военнослужащих. Накануне войны эти войсковые части дислоцировались в Курске. В Государственном архиве Курской области со-

хранились дела об отпуске средств городским управам на расквартирование войск, об отводе, ремонте и строительстве помещений, о выделении земли под стрельбища и военные лагеря.

Как следует из документов губернского распорядительного комитета, в апреле 1909 г. стало известно о новой дислокации сухопутных войск (ГАКО 1: 6-6 об.). По получении ее в штабе Киевского военного округа, в состав которого входила и Курская губерния, командующий войсками округа генерал Н.И. Иванов должен был организовать на подведомственных территориях работы по подготовке к расквартированию войск и обустройству быта.

11 ноября 1909 г. секретным отношением, направленным курскому губернатору М.Э. Гильхену из штаба Киевского военного округа, сообщалось об изменениях в дислокации войск на территории губернии (ГАКО 1: 1-2). К документу прилагалась ведомость вновь прибывавших в губернский гарнизон частей: штаб 44-й пехотной дивизии, управление 1-й бригады 44-й пехотной дивизии, два пехотных полка 1-й бригады – 173-й Каменецкий и 174-й Роменский со своими штабами и вспомогательными службами, а также 21-й мортирный артиллерийский дивизион и 21-й мортирный артиллерийский парк.

Осенью 1910 г. эти войсковые части на постоянной основе расположились в Курске. К 30 июня 1914 г. их подразделения размещались в казармах и городских зданиях губернского центра. Согласно отчетным листам по квартирному довольствию 173-го и 174-го пехотных полков, к указанному времени в них состояло на службе в нижних чинах 2 171 и 19 86 чел. соответственно (ГАКО 2: 33 об.).

Журнал военных действий 174-го пехотного Роменского полка сообщает о том, что 17 июля 1914 г. в 7 часов утра из штаба 44-й пехотной дивизии было получено распоряжение об объявлении мобилизации. Работа первого дня проводилась по плану мобилизационных мероприятий. Из личного состава были выделены на формирование 314-го пехотного Новооскольского полка 25 офицеров и 262 нижних чина, 21-го запасного батальона – 9 офицеров и 39 нижних чинов, этапной полуроты – 1 офицер и 3 нижних чина (РГВИА 1: 109).

19 июля началось комплектование 173-го пехотного Каменецкого полка пополнением из числа мобилизованных жителей Курской губернии. Партии новобранцев прибывали с Курского сборного пункта без именных списков и сведений о численном составе, что вызывало определенные организационные трудности. За день в полк прибыли 732 человека и поступила 161 лошадь, которые были распределены по ротам, командам и в первый взвод дивизионного обоза (РГВИА 2: 206).

20 июля две партии запасных из Щигровского уезда пополнили 174-й полк, в результате чего его численность увеличилась на 638 чел. и 336 лошадей. Мобилизационная работа проходила без замечаний. В последующие дни полк доукомплектовывался запасными из Щигровского, Тимского, Новооскольского и Старооскольского уездов. Но по прибытии последней партии некомплект составил 150 чел. (РГВИА 1: 109 об.).

Проблемы с комплектованием испытывал 173-й полк. Прибывавшие одновременно партии имели недокомплект в несколько сот чел. Многие новобранцы не были готовы к прохождению строевой службы. Недостававших по нарядам от Фатежского уезда 623 человек пришлось набирать в 20-м запасном батальоне Обоянского уезда. К 22 июля 1914 г. комплектование полка завершилось, но хозяйственные работы продолжались (РГВИА 2: 206 об. - 207).

В течение нескольких дней велась подготовка обоза к отправке на фронт, а с прибывшим пополнением проводились занятия по стрельбе. 25 июля в помещении общественного клуба куряне устроили торжественный прощальный ужин для частей гарнизона. На следующий день в полковые лагеря прибыл крестный ход с архиепископом Курским Феофаном, привезли и чудотворную икону «Знамение Божией Матери Курской Коренной». Был отслужен напутственный молебен, солдаты и офицеры получили благословение.

27 июля 1914 г. в 6 часов утра на фронт выдвинулся первый эшелон с военнотружущими 173-го полка. Всего для их переброски потребовалось пять железнодорожных составов, отправлявшихся со станции Курск через каждые два часа. В тот же день в 8 часов утра командир 44-й пехотной дивизии генерал-лейтенант С.Ф. Добротин произвел смотр 174-го пехотного полка. А вечером на лагерном плацу полковой священник отслужил молебен, после чего всем чинам были розданы нательные крестики и образки. Полк выдвигался на фронт шестью эшелонами, первый из которых отправился со станции Курск 28 июля ночью - в 3 часа 40 минут (РГВИА 1: 207; РГВИА 2: 110).

29-30 июля 1914 г. части 44-й пехотной дивизии из Курска прибыли в Луцк. Об атмосфере этих дней сохранились воспоминания М.Д. Бонч-Бруевича, бывшего командира 176-го Переволоченского полка, входившего в состав той же дивизии: «В противоположность бурливому киевскому вокзалу на станции Луцк стояла мертвящая тишина, даже железнодорожный буфет и тот был закрыт. Чувствовалась близость если и не фронта, то прифронтовой полосы, в городе было полно офицеров в походной форме, перетянутых портупеей с непонятным обилием столь полюбившихся в первые месяцы войны

никому не нужных ремней и ремешков, с кожаными футлярами для биноклей, папирос и еще чего-то, словом, обвешанных до такой степени, что затруднялось даже движение.

По мостовой маршировали отправлявшиеся на фронт роты; солдаты изнемогали под тяжестью "полной выкладки", стояла жара, и, конечно, куда разумнее было бы, сдав в обоз ненужные шинели и ранцы, налегке выступить в трудный поход по скверным и пыльным дорогам Галиции; но никто до этого не додумывался, и чрезмерно нагруженные солдаты с тяжелыми винтовками на натруженных плечах "печатали шаг" и делали это с такой же покорностью, с какой в половине прошлого века отправлялся в поход "вечный" николаевский солдат в немыслимо узких брюках, начищенном мелом нелепом снаряжении и тяжелом и ненужном кивере» (Бонч-Бруевич 1957).

Здесь им предстояло приступить к выполнению боевых задач, поставленных штабом 3-й армии перед 21-м армейским корпусом (в состав которого входила дивизия). Согласно полученным распоряжениям, основная задача его войск заключалась в удержании речных переправ у Луцка, Торговице и Рожище. Самой армии было приказано «замедлить, насколько возможно, движение австро-венгерских армий при вторжении в наши пределы, а затем наступать в Галицию с общим направлением на Львов» (РГВИА 3: 31).

В то же время армейское командование признавало: «Недостаток инженерной подготовки и тяжелые местные условия делают трудно-разрешимым вопрос об их активной обороне... Поэтому переправы эти следует отстаивать по возможности. От захвата кавалерии они должны быть предохранены, безусловно. В случае же направления на них противником значительных сил оборона их должна быть по преимуществу сосредоточена на правом берегу р. Иквы и Стири, а сами переправы подготовлены к разрушению» (РГВИА 3: 19).

Согласно боевому расписанию, оборона переправ у названных населенных пунктов поручалась Рожищенскому отряду (в составе четверти батальона 173-го пехотного полка и 2 пулеметов), Луцкому отряду (3 и $\frac{3}{4}$ батальона, 6 пулеметов 173-го пехотного полка; 2 батальона, 4 пулемета 174-го пехотного полка; 16 легких орудий 44-й артиллерийской бригады), Торговицкому отряду (2 батальона, 4 пулемета 174-го пехотного полка; 8 легких орудий 44-й артиллерийской бригады) (РГВИА 3: 42).

К 1 августа 1914 г. личный состав 173-го пехотного полка вошел в состав Луцкого отряда, сменив на занимаемых позициях 44-й пехотный Камчатский полк, занял четыре форта к западу от Луцка и принял охрану моста через реку Стирь. 1-я рота полка передана

Рожищенскому отряду для обороны переправ. Одновременно был сформирован Торговицкий отряд, который возглавил командир 174-го пехотного полка полковник В.Г. Владимиров. Отряд был распределен по участкам и приступил к укреплению позиций для активной и пассивной обороны (РГВИА 4: 230; РГВИА 2: 110 об.).

В течение нескольких дней продолжались работы по дальнейшему укреплению позиций. У местечка Торговицы возводились окопы. На правых берегах Стири и Иквы сооружались укрытия для упорной обороны. На левых берегах этих рек, перед деревнями Подлосцы, Перекладовичи, Лихачевка, Волнич, создавались искусственные препятствия на случай наступления неприятельской кавалерии и мелких частей пехоты.

В отданном 4 августа 1914 г. приказе по войскам 3-й армии отмечалось: «По прежним сведениям противник разворачивается на линии Красное-Золочев-Зборов. До реки Серет крупных частей противника не обнаружено. Тернополь занят противником. Наша конница не могла проникнуть за линию Стоянов-Родзихов и к Топорову. 3-я армия развернулась в районах Дубно-Ровенском и Горынском» (РГВИА 3: 79).

В связи с переходом 6 августа 3-й армии в наступление частям 21-го корпуса предстояло выдвинуться по обоим берегам реки Стири к Берестечко и Острову, 7 августа – выйти на линию реки Пляшевки, к вечеру 10 августа – утвердиться на линии Стоянов - Станиславчик - Пониковице - Пеняки - Заложцы, а 11 августа – продолжить наступление в пределы Галиции и утвердиться на линии Топоров-Переволочно. В приказе по 3-й армии за этот день отмечалось, что противник, не принимая боя, отступает к Львову. 21-му корпусу предписывалось закрепиться на линии Остапковцы-Буск. К 14 августа – занять район Каменка-Струмилово и Мосты Вельки (РГВИА 3: 80, 112, 118-119, 122).

Наступление 3-й армии, начавшееся 6 августа, развивалось почти беспрепятственно. Слабые части войск прикрытия противника поспешно отходили, боевые столкновения были редкими. За шесть дней армия продвинулась на 90-100 км. Отдельные детали наступательного марша сохранились в полковых журналах военных действий: «10 августа. Полк (174-й пехотный. – В.К.) в составе главных сил правой колонны 44-й пехотной дивизии выступил из д. Джиковичи в 6.30 утра для следования через Мервь в пределы Австро-Венгрии. В с. Мервь к полку присоединились 2 батальона Каменецкого полка. Вместе с ними в 9.45 утра у селения Мервь полк перешел границу и выступил в пределы Австро-Венгрии...» (РГВИА 1: 110; РГВИА 2: 207).

13 августа 1914 г. 173-й пехотный полк в составе авангарда ле-

вой колонны выступил из Топорова, сразившись с противником у д. Деревляны на реке Западный Буг. Переправ не было, поэтому головные части, перейдя реку в брод, вступили в бой. К вечеру неприятель отступил, а темнота не позволила продолжить его преследование. В этот день полк понес первые потери: погибли штабс-капитан Н.Ф. Войнов, подпоручик С.П. Кузнецов и 20 нижних чинов, были ранены штабс-капитаны А.Е. Лайков и В.Я. Тищенко, прапорщик Битешко и 63 нижних чина, контужен подпрапорщик Л.Г. Леонтьев (РГВИА 26: 210 об.).

В августовские дни 1914 г. появились первые потери среди курян, служивших в частях 44-й пехотной дивизии. Так, 25 августа в бою с австрийцами у деревни Радосто погиб рядовой 173-го пехотного полка Федор Осипович Чаплыгин. Он был мобилизован из д. Канониного Фатежского уезда Курской губернии. После гибели мужа у вдовы Татьяны Александровны остались на иждивении двое малолетних детей (ГАКО 3: 222). В том же бою погиб участник русско-японской войны, рядовой 174-го пехотного полка Петр Андреевич Сергеев из с. Верхняя Озерна Щигровского уезда. У него остались вдова Мария Афанасьевна и трехлетний сын Алексей (ГАКО 3: 378-380). Рядовой Никифор Федотович Дюканов из с. Второе Рождественское Курского уезда служил в 173-м пехотном Каменецком полку и был убит в бою с австрийцами 29 августа 1914 г. У него остались вдова Степанида Ивановна, дочь Евдокия 6 лет и сын Иван 6 месяцев (ГАКО 4: 239).

С сентября 1914 г. подразделения 173-го и 174-го пехотных полков занимали оборону на реке Сан. Фронт 3-й армии в составе восьми пехотных дивизий растянулся на 150 км. Против них на левом берегу Сана находились девять австрийских дивизий. Оборонительные бои здесь приняли затяжной характер. Наступление с целью форсировать Сан было назначено на 5 октября. Но к этому времени только части 21-го армейского корпуса оказались готовы к выполнению поставленной задачи.

В ночь с 4 на 5 октября авангарды 44-й и 33-й пехотных дивизий перешли Сан в районе Ниско и Рудника. 44-я дивизия заняла и укрепила позицию по линии Рацлавице-Волино-Новавесь, а 33-я дивизия – у Халупки. У Заржыче и Белина удалось навести мосты. Артиллерия осталась на правом берегу и содействовала обороне позиции. Журнал военных действий 173-го полка конкретизирует ситуацию: «3-й батальон с частями 175-го и 176-го полков переправился на тот берег Сана. В 12 час. дают знать, что на левом фланге собираются силы противника. Около 1 часа дня передают по телефону, что на правом фланге наших переброшенных частей собирается

пехота противника... Начальник дивизии приказал перевести еще 2 роты 4-го батальона и 1 роту 2-го батальона, что было исполнено. К 6 часам дня за рекой было уже 7 наших рот» (РГВИА 2: 235-236).

Желая сбросить русских обратно, к Ниско направили резерв X корпуса из 1-й австрийской армии и дивизию VI корпуса из района Пржеворска. Атаки австрийцев были отбиты при помощи артиллерии с правого берега. Содействуя обороне, эта артиллерия не могла поддержать наступление своих войск. Поэтому все попытки продвинуться вперед, чтобы расширить плацдарм, заканчивались неудачей.

Ввиду принятия нового плана действий главное австрийское командование по соглашению с германским командованием дает указание 4-й австрийской армии подготовиться к отходу и одновременно выделить из состава армии дивизию на усиление 1-й армии. Эту дивизию должны были перевезти по железной дороге от Пржеворска в Краков. Такое распоряжение ухудшило положение армии: на участке в 150 км остались 7-я пехотная и 4-я кавалерийская дивизии. Равновесие сил на Сане нарушилось. 21-й армейский корпус предпринял попытку ночной атакой 16 октября расширить плацдарм в районе Рацлавице и создать базу для дальнейшего наступления (Русская армия).

В ночь с 18 на 19 октября части 21-го корпуса провели одновременную атаку на Ниско и Рудник. Удалось занять Ниско, захватить до 200 пленных и овладеть замком у Рудника. Со стороны противника днем последовало несколько контратак, но все они были отбиты. И вновь журнальные записи 173-го пехотного полка дополняют картину происходившего драматическими деталями: «В 5 час. утра колонны двинулись для атаки д. Рацлавице. Одновременно с этим полк 33-й пехотной дивизии, атакуя Ниско, поджег его, осветив местность. Атакующие наши колонны были обнаружены противником, который открыл по ним сильный ружейный и пулеметный огонь. Деревня Ниско была взята сводным полком...» (РГВИА 2: 245 об.).

Таковы лишь отдельные эпизоды боевого пути 173-го Каменецкого и 174-го Роменского пехотных полков в 1914 г. Их фронтовые дороги начинались из пункта постоянной дислокации Курска, туда же они прибыли на расформирование в начале 1918 г. По-разному сложились судьбы офицеров и нижних чинов этих полков. Сотни погибли на фронте, десятки были награждены. Многие из горнила Первой мировой войны попали на братоубийственную гражданскую. История полков и дивизий, участвовавших в Великой и Забытой, требует еще немалых усилий исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

Асташов 2012 - *Асташов А.Б.* Членовредительство и симуляция болезней в Русской армии во время Первой мировой войны // Новый исторический вестник / Главный редактор С.В. Карпенко. 2012. № 4 (34). С. 6-18.

Бонч-Бруевич 1957 - *Бонч-Бруевич М.* Вся власть Советам. М.: Воениздат, 1957 [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/bonchbruevich_mihail/vsya_vlast_sovetam/read_1 (дата обращения: 02.08.2014).

ГАКО 1 - Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 157. Оп. 1. Д. 1293.

ГАКО 2 - ГАКО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 1474.

ГАКО 3 - ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 13069.

ГАКО 4 - ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 13060.

РГВИА 1 - Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2788. Оп. 1. Д. 63.

РГВИА 2 - РГВИА. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 26.

РГВИА 3 - РГВИА. Ф. 2220. Оп. 1. Д. 3. Л. 31.

РГВИА 4 - РГВИА. Ф. 2787. Оп. 1. Д. 46.

Русская армия - Русская армия в Великой войне: Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.grwar.ru/library/Strateg_Essay_2/SE_02_05.html (дата обращения: 02.08.2014).

Сенявская 2012 - *Сенявская Е.С.* Отношение к жизни и смерти участников Первой мировой войны: очерк фронтовой повседневности // Былые годы. Российский исторический журнал / Главный редактор А.А. Черкасов. 2012. № 3 (25). С. 30-41.

Черкасов 2009 - *Черкасов А.А.* Центр и окраины: патриотизм в годы Первой мировой войны // Былые годы. Российский исторический журнал / главный редактор А.А. Черкасов. 2009. № 2. С. 4–12.

Cherkasov 2011 - *Cherkasov A.A.* All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones // Social Evolution and history. 2011. Nr 2 (10). pp. 138-149.

References

Astashov 2012 - *Astashov A.B.* Chlenovreditel'stvo i simulyatsiya boleznei v Russkoi armii vo vremya Pervoi mirovoi voiny [Self-mutilation and Sham Illnesses in the Russian Army during the World War I], *Novyj istoriceskij vestnik*, 2012, Nr 4 (34), pp. 6-18 [in Russian].

Bonch-Bruevich 1957 - *Bonch-Bruevich M.* Vsya vlast' Sovetam [All Power to the Soviets] [Electronic resource]. URL: http://modernlib.ru/books/bonchbruevich_mihail/vsya_vlast_sovetam/read_1 (accessed: 02.08.2014) [in Russian].

ГАКО 1 - Gosudarstvennyi arkhiv Kurskoi oblasti [State Archives of the Kursk region] (hereinafter - GAKO), f. 157, inv. 1, d. 1293 [in Russian].

- GAKO 2 - GAKO, f. 157, inv. 1, d. 1474 [in Russian].
GAKO 3 - GAKO, f. 184, inv. 1, d. 13060 [in Russian].
GAKO 4 - GAKO, f. 184, inv. 1, d. 13069 [in Russian].
RGVIA 1 - Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive (hereinafter - RGVIA)], f. 2788, inv. 1, d. 63 [in Russian].
RGVIA 2 - RGVIA, f. 2787, Inv. 1, d. 26 [in Russian].
RGVIA 3 - RGVIA, f. 2220, Inv. 1, d. 3 [in Russian].
RGVIA 4 - RGVIA, f. 2787, Inv. 1, d. 46 [in Russian].
Russkaya armiya - Russkaya armiya v Velikoi voine: Strategicheskii ocherk voiny 1914–1918 gg. [Russian army in the Great War: Strategic essay War of 1914-1918] [Electronic resource]. URL: http://www.grwar.ru/library/Strateg_Essay_2/SE_02_05.html (accessed: 02.08.2014) [in Russian].
Senyavskaya 2012 - *Senyavskaya E.S.* Otnoshenie k zhizni i smerti uchastnikov Pervoi mirovoi voiny: ocherk frontovoi povsednevnosti [The Attitude towards Life and Death of the Participants in the First World War: Frontline Routine Sketch], Bylye Gody, 2012, Nr 3 (25), pp. 30-41 [in Russian].
Cherkasov 2009 - *Cherkasov A.A.* Tsentr i okrainy: patriotizm v gody Pervoi mirovoi voiny [Centre and Outskirts: Patriotism in World War I], Bylye Gody, 2009, Nr 2, pp. 4–12 [in Russian].
Cherkasov 2011 - *Cherkasov A.A.* All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones, Social Evolution and history, 2011, Nr 2 (10), pp. 138-149 [in English].

Коровин Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор Юго-Западного государственного университета.

Korovin Vladimir – Doctor of Historical Sciences, Professor of Southwest State University.

E-mail: vlavikor@yandex.ru

УДК 94(477.85)“1914/1918”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/37/7

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА БУКОВИНЕ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (I)

М.К. Чучко

Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича
Украина, 58012, г. Черновцы, ул. Коцюбинского, 2

E-mail: mychailo_chuchko@rambler.ru

Scopus Author ID: 55358825100

Авторское резюме

В статье освещено положение православной церкви Буковины в годы Первой мировой войны. Рассказывается о лояльном отношении большинства клириков Буковинской митрополии к политике Габсбургов в начале войны. Показана репрессивная политика австрийских властей по отношению к священникам-русофилам, а также к духовникам-румынам – пропагандистам великорумынской идеи. Раскрыто бедственное положение клириков во время войны, их ограбление и разорение войсками воюющих сторон в ходе военных действий.

Отдельное внимание уделено изучению вопроса национально-государственных ориентиров русинского (украинского) и румынского православного духовенства края в период войны.

Ключевые слова: православная церковь, Буковина, Буковинская митрополия, Первая мировая война, православное духовенство, национальные ориентиры, русофилы, Румынское королевство, Габсбурги.

ORTHODOX CHURCH IN BUKOVINA DURING THE WWI (I)

M.K. Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University

2 Kotsjubynskyi Str., Chernivtsi, 58012, Ukraine

E-mail: mychailo_chuchko@rambler.ru

Abstract

The article highlights the position of the Orthodox Church of Bukovina during the First World War. Indicated on the loyalty of the majority of the clergy in politics Bukovinian archdiocese of Habsburgs at the beginning of the war. Displaying the

repressive policies of the Austrian authorities in relation to the priests-russophiles, as well as the supporters of the Romanian kingdom. Revealed the plight of the clergy during the war, their robbery and destruction forces of the warring parties in the course of hostilities.

Special attention is paid to the issue of national and state guidelines Rusin (Ukrainian) and Romanian Orthodox clergy edge in time of war.

Keywords: Orthodox church, Bukovina, Bukovinian archdiocese, the First world war, the orthodox clergy, national landmarks, russophile, Romanian kingdom, the Habsburgs.

100 лет назад началась Первая мировая война – самый масштабный вооруженный конфликт начала XX в., унесший жизни 10 млн военных и около 12 млн мирных жителей. Подход к освещению истории Великой войны, в том числе военных действий на Буковине, входившей в состав Австро-Венгерской империи и ставшей местом противостояния австро-венгерской и германской армий с одной стороны, и русской, а с конца августа 1916 г. еще и румынской армий – с другой, не является новым. Эта война подробно исследовалась отечественными и зарубежными историками. Однако отдельные вопросы, к примеру, позиция православной церкви Буковины в вооруженном конфликте или положение и государственно-политические ориентиры ее клириков в годы войны, изучены фрагментарно (Богатырец б/г; Буковина 1998; Гедеон (Губка) 1992; Жуковский 1956; Мирович 2009; Можарівський 2006; Прокопович 2003; Старик 2009; Степанюк 1971; Ткачук 1956; Чучко 2008; Чучко, Суляк 2014; Яремчук 2003; Bălan 1929; Cuțui 2011; Diacon 2005; Gheorghiu 1927; Morariu 1922; Nistor 1928; Nistor 1938; Păcurariu 1991). Поэтому комплексное исследование этих проблем остается актуальным. Исходя из вышесказанного, автор ставит целью подробнее рассмотреть их в предлагаемой статье.

Известно, что к Первой мировой войне привело обострение экономических и политических противоречий между Центральными державами (Германия, Австро-Венгрия) и странами Антанты (Великобритания, Франция, Россия), а поводом к конфликту послужило убийство в Сараево (Босния) 28 июня 1914 г. сербским террористом Г. Принципом наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его жены герцогини Софии Гогенберг. После этого теракта Австро-Венгрия 23 июля выдвинула Сербии ультиматум, а после его отклонения 28 июля объявила ей войну. В защиту Сербии встала Россия, а империю Габсбургов поддержала Германия, которая 1 августа объявила войну Российской империи. 6 августа Австро-Венгрия также вступила в войну с Россией (Миронов 2014: 6-81; Бажанський 2006: 31-32).

В первые дни войны по всей Габсбургской империи наблюдался патриотический подъем. В частности, в Черновцах - краевой столице австрийской Буковины органы власти, политические партии, общественные организации, причем не только немецкие, но и украинские, румынские, польские, еврейские, и масса урапатриотически настроенных горожан демонстрировали свою преданность императору. 29 июля состоялось тысячное шествие по улицам города под патриотическими лозунгами поддержки действий Габсбургов в отношении Сербии. 30 августа в Черновицком магистрате прошло внеочередное заседание, на котором высказались в поддержку императора Франца Иосифа I и Австрии в войне, затем состоялось шествие от краевого управления и памятника Австрии на одноименной площади города (Ботушанський 2009: 148-149).

Демонстрировали патриотические чувства к императору и Австрии в эти дни и представители православной церкви Буковины. Так, утром 18 августа 1914 г., в день рождения императора Франца Иосифа I, в православной кафедральной церкви Сошествия св. Духа в Черновцах митрополит Буковины и Далмации Владимир (Репта) в сослужении духовенства совершил праздничное богослужение, на которое после посещения праздничной мессы в иезуитском костеле прибыли представители светской власти края во главе с президентом графом Г. фон Мераном. Литургия завершилась в 11 часов пополудни (Die Feier 1914: 5). Через несколько дней, 21 августа, митрополит Владимир выступил с полным патриотизмом обращением к верующим Буковинской архиепархии, чтобы они всеми силами поддерживали австрийское войско и выполняли все распоряжения власти (Ботушанський 2009: 150).

Еще 31 июля власти объявили мобилизацию в армию мужчин 1878-1890 гг. рождения. Одновременно шел набор в ополчение (Landsturm). Уже в первых числах августа 4000 ополченцев (Landsturmmänner) разного социального положения, национальной и религиозной принадлежности около казарм в черновицком пригороде Роша присягнули на верность императору в присутствии президента Буковины графа Г. фон Мерана, командования и духовенства разных конфессий. После присяги с речами к ополченцам на их родных языках обратились римо-католический прелат, греко-католический каноник, православный военный румынский курат (Feldkurat), армянский каноник и военный раввин из Вены (Добржанський, Старик 2008: 59). Православным румынским военным капелланом (Feldkurat) в 22-м пехотном полку ландштурма, который базировался в Черновцах, с февраля 1914 г. служил о. Виктор, граф Василько фон Сиретский. В 1891-1892 гг. он прошел военную службу как кавалерийский офицер

в 9-м драгунском полку «Эрцгерцог Альбрехт» и 3-м полку улан «Эрцгерцог Карл», а после окончания богословского факультета Черновицкого университета в 1912 г. был рукоположен в священники (Sematismul 1921: 8). За безупречную службу награжден Духовным крестом заслуги 2-го класса на белой ленте. В православной часовне Св. Георгия при военном госпитале в Черновцах также служил отдельный военный духовник. Всего во время Первой мировой войны полевыми куратами в австро-венгерской армии служило 30-40 православных священников из Буковины (Cuțui 2011: 53).

С началом вооруженного конфликта на Буковине начался рост цен, была введена цензура, а также отменялись выходные дни на производстве (Ботушанский 2009: 149). В частности, 31 июля 1914 г. президиум краевого управления Буковины обратился ко всем уездным и городским органам власти с распоряжением об отмене воскресных и праздничных дней для рабочих промышленных предприятий на основании императорского указа и распоряжения Министерства внутренних дел от того же числа (Буковина 2014: 25). В банках не хватало наличности. Появились отдельные факты уклонения от мобилизации. Начались аресты «шпионов» (Ботушанский 2009: 149).

Выявление жандармерией и полицией «шпионов» среди австрийских подданных особенно коснулось буковинского православного духовенства, в рядах которого вместе со сторонниками проукраинской и прорумынской ориентации было немало сторонников «Народной русской партии», которая ориентировалась на Россию. По словам современника событий отца К. Богатырца, настало время, когда «церкви остались без служителей, паства - без душпастырей, наступили порядки, когда австрийская власть передала обычным жандармам власть над жизнью и смертью своих сограждан; жандармы получили право всякого заподозренного в измене государству без суда повесить или застрелить» (Богатырец б/г: 163).

Руководством для жандармерии, как вспоминал экзарх из Садогуры Д. Кисель-Кисиливский, было «разрешение проводить обыски и аресты без предварительного судебного приказа». Он утверждал: «Министерские распоряжения были усугублены еще дополнительными приказами военных команд и жандармерии, так что вскоре краем завладел неслыханный террор. Упомянутые команды приказали своим подведомственным органам безжалостно относиться «ко всем заподозренным и неблагонадежным элементам и в выборе причин к аресту не быть малодушными, потому лучше прежде поспешить, чем когда-либо опоздать (как отмечалось в приказе краевой Жандармской команде № 13 (№ 299) от 27

июля 1914 г.. Подобные приказы давали, особенно жандармерии, широкое поле для «успешной деятельности», к чему ее еще побудили поощрениями и денежными премиями» (Добержанский, Старик 2008: 622).

На основании упомянутых приказов в начале августа 1914 г. жандармерия и полиция арестовали в Буковинской архиепархии многих православных священников, членов «Руськой народной партии» (Богатырец, б/г: 161). В частности, 1 августа 1914 г. в Веренчанке был арестован священник - экзарх д-р К. Богатырец, которого вывезли в Вену, где поместили в тюрьму и начали по его делу следствие по обвинению в государственной измене. В 1917 г. он был приговорен к смертной казни, но благодаря апелляции помилован (Богатырец б/г: 607; Мирович 2009: 91-93; Чучко, Суляк 2014: 148). 2 августа 1914 г., в 6:00, в Садогуре был арестован священник Д. Кисель-Кисиливский, 3 августа - священник С. Волошук из с. Васлововцы (умер 12 октября 1914 г. от туберкулеза в лагере Талергоф в Штирии), 4 августа - священник Д. Дробот из Задубровки (умер 22 марта 1915 г. в Талергофе), 5 августа - священник А. Маковиевич из Чорнивки, 11 августа - священник Е. Гнедой из Луки (по политическим взглядам принадлежал к украинофильскому направлению), 12 августа - священник Г. Драчинский из Товтров, 22 августа - священники И. Шорш и В. Арийчук из Топоровцев, 27 августа - священник И. Иванович из Кадобивцев, 6 октября - священник С. Галип из Бергомета над Прутом. Затем были арестованы священники Г. Калинюк из Прелипча, А. Тофан из Плоской, монах Кирилл (Козаркевич) из монастыря Драгомирна (умер 24 мая 1917 г. в Шванберге (Штирия), Ф. Гливка из Старой Жучки, монах Герман (Ганяк) из Свято-Пантелеймонова монастыря на Афоне (затем служил рядовым в австрийской армии в 1918 г.), Н. Журумия (румын) из Боривцов, И. Прелич (румын) из Раранчи. Всех их после долгих мытарств отправили в лагерь Талергоф. По дороге они как русофилы подвергались издевательствам и побоям со стороны военных и гражданских - австрийских патриотов.

В Талергоф были отправлены также пять слушателей богословского факультета Черновицкого университета - Г. Василович, П. Мойсюк, С. Фотий, А. Сопюк и А. Тарновецкий, а также православные псаломщики - М. Рахмистрюк, Л. Кейвана, Я. Бульбук, Я. Богдан (умер в 1915 г. в Талергофе), Парфений и Александр Маковиевичи, Е. Лупашко, М. Тарновецкий, И. Реуцкий, А. Никорович, М. Непот (умер в 1915 г. в Талергофе), В. Галип, А. Дияконович, А. Лемный, П. Драбик, А. Драгавуш (румын), Е. Бачинский (румын) и И. Бошняк (румын).

Профессора богословского факультета д-ра Е. Козака вместе с семьей переселили из Черновцов в Зальцбург, священника

К. Томовича из Звинячки поселили в Граце (умер 16 ноября 1918 г. в больнице в Дрогобыче), священников В. Яворовского из Сергиева и А. Кибидевича из с. Стебни освободили военные суды, священника Д. Лагадина из Бергомета над Серетом освободил после многодневного ареста полковник Э. Фишер по ходатайству тайного советника и краевого маршалка графа Г. Василька, священник Г. Калынюк из Прелипча также вскоре был отпущен на свободу.

Арестовали также нескольких румынских священников, которые затем были освобождены военным судом и отпущены домой. Также из Талергофа после нескольких месяцев ареста были выпущены украинские и румынские священники по ходатайству их послов. Священникам М. Григорию, Е. Мачушаку, В. Велигорскому, Г. Лазе, К. Васильовичу и Е. Цуркановичу удалось заблаговременно бежать в Россию. Лишь первые трое вернулись на Буковину, остальные умерли в чужих краях.

Так что северная часть Буковины осталась почти без клириков. Из священников-русофилов не тронули лишь О. Козака, д-р В. Антимовича, А. Тотоескула, И. Кадищука и почти всех принадлежавших к «украинской партии» (Добержанский, Старик 2008: 622-624, 628-629).

В начале ноября 1914 г. военная управа г. Грац информировала президиум краевого управления Буковины о побеге из Талергофа священников Д. Дробота из Садогуры, А. Маковиевича из Черновки, а также Г. Васильовича из Испаса. Требуя доставить указанных лиц под стражей в военный суд в Станиславе, руководство лагерей для интернированных просило уточнить причину их заключения в Талергоф (русофильские настроения, политическая неблагонадежность) (Буковина 2014: 59). В ответе Черновицкого уездного управления краевому управлению Буковины сообщалось, что «указанные священники были эвакуированы за свои русофильские интриги». В дополнение было отмечено, что за русофильские взгляды были также интернированы политически ненадежные священники П. Мойсюк из Репуженцев, А. Тарновецкий и упомянутый Г. Васильович (Буковина 2014: 66).

В конце августа боевые действия, происходившие у австрийско-русской границы, стремительно приближались к Черновцам. Чтобы предотвратить дезертирство, массовые выступления и самосуды, краевой президент Р. фон Меран 5 августа 1914 г. распорядился создать в Черновцах и Радовцах военно-полевые суды (Буковина, 2014: 25). 23 августа австрийское военное командование во Львове обратилось к краевому управлению Буковины с распоряжением, чтобы оно для предотвращения грабежей и поджогов оповестило

местное население о суровой судебной ответственности за совершение таких поступков (Буковина 2014: 29).

27 августа в краевой столице прошел первый военно-полевой суд над восьмью жителями с. Раранча, которые приветствовали русских солдат, когда те вошли в село в ходе боя 23 августа (Ботушанский, 2009: 150). После этого, как отмечал в «Черновицкой хронике 1914 г.» греко-католический священник К. Балицкий, «в городе, как и везде, стали говорить громко об измене в Раранче. Общую опинию жида производят, что это русины и их попы [...]. Случилось такое уже, что собственные люди своих священников стали подозревать в измене. А это так скоро и легковерно принималось, что доходило до комического [...]. Возле нашей церкви в полдень встретил румынский батюшка [Димитрий] Цопа (катехит с реалки) мужиков. Стал их спрашивать, откуда они. Сейчас пристал со стороны жидок (ведь где всего два человека стало себе, сей час со всех сторон наостряли уши жида и доискивались шпионов, вылезая так в патриоты, герои дня). Люди сказали, что из-под Раранчи бежали от огня, потому что можно было лишиться жизни. Все оставили там, а лишь с жизнью бежали перед врагами. Этого и хватило жидку. Раранча! Зовет «поста» и говорит арестовать катехита, поскольку это шпион и говорит порусски с мужиками из Раранчи! Сборище сделалось, жида стали палками невинного облагать, плевать, кричать, завезли в полицию, и прояснилось сей час дело. Жида заперли, но скандал был, и для уличной черни было достаточное доказательство – попы предатели!» (Добржанский, Старик 2008: 560-562).

Еще один пример недоверия австрийских военных к православным священно- и церковнослужителям приводит директор школы в Вашковцах над Черемошем И. Бажанский, который описал в своем «Дневнике-хронике» происшествие, случившееся с местным православным священником М. Купчанко, даскалом и пономарем, в четверг, 24 сентября 1914 г.: «Большая паника в Вашковцах, а собственно на Вашковском базаре. Здесь сегодня торг, и сегодня прибыли и остатки нашей ляндрштурмы с надднестрянских окрестностей. Одна часть с обозом шла сюда через Неполоковцы, и уже на сей стороне Черемоша на дороге возле Чертории углядел неприятель наше войско, идущее с телегами, и давай палить в него из-за Черемоша из пушек. Уже эта стрельба принесла достаточно страха, а тут еще кто-то крикнул: «Москали уже на мосту». И действительно, на мосту, ведущему через Черемош из Залучья в Вашковцы, показался длинный ряд телег. Все думали: москали идут. «Казаки, казаки!» - начали люди кричать, и все, что было на базаре, разлетелось во все стороны, оставляя на месте телеги и скот, и все, что имели. Разбивались

горшки, яйца, разливалось молоко, вынесенное на продажу, – суета не до описания.

А тут еще и с колокольни, что таки возле базара, начали звонить. Еще больший страх, говорят, на гвалт звонят. Уже и войско здешнее промаршировало к Черемошу и залегло в канавах у дороги, ожидая врага... Но оказалось, что мостом ехал не кто иной, как лишь наш лянштурм, ибо одна часть двинулась на мост. Пушки московские нашим ничего не сделали, а наше войско же не стреляло вообще. За тот набат при этой панике арестовали пономаря, псаломщика отца Купчанко и его сына, и в конце выяснилось, что никто здесь не был виноват, потому что пономарь звонил тогда по душе, и то лишь такое совпадение было, что именно в то время звонил бедный пономарь. Все же долго арестованные мучились, прежде чем их отпустили домой» (Бажанський 2006: 34). В приходской хронике с. Негриляса под 1914 г. есть запись об аресте австрийскими жандармами местного православного приходского экспозита о. д-ра Илие Песеиле, которому вменили в вину то, что он стоит на антиавстрийских позициях и имеет договоренности с румынскими офицерами (Diacon 2005: 88).

В конце августа 1914 г. после боев у Новоселицы, Боян и Раранчи русские войска заняли целую северную часть Буковины (Бажанський 2006: 32). 31 августа австрийские войска и краевое управление оставили Черновцы. 2 сентября бургомистр С. Вайсельбергер с членами магистрата в сопровождении митрополита Буковины и Далмации Владимира (Репты) и римо-католического каноника И. Шмида передал русскому командованию у сахарного завода на Жучке ключи от города. Вечером возле ратуши русских генералов А. Павлова и Т. Арютинова и их офицеров встречали городское руководство, митрополит Владимир (Репта) в полном облачении, консисторский советник, клирики других вероисповеданий. Казачий генерал-майор Т. Арютинов на лестнице магистрата объявил Черновцы российским городом и потребовал с горожан внесения контрибуции в размере 600 тыс. руб. золотом и серебром. По просьбе митрополита Владимира эта сумма была снижена до 300 тыс. руб. (Ботушанський 2009: 150). До 5 часов 3 сентября жители города собрали 250 000 руб. Но не хватало еще 50 000 руб. (Добржанський, Старик 2008: 64-65). Эти средства внес золотом и серебром митрополит Владимир, проявив свое благородство. Горожанам, которые не хотели от него принять такую большую жертву, владыка, по словам К. Балицкого, заявил: «Где речь идет о жизни и об общем благе, кладу все это в жертву» (Добржанський, Старик 2008: 573). Когда необходимая контрибуция была собрана, генерал-майор от кавалерии А. Павлов в последний момент отказался ее принять, удовлетворившись тем, что напустил на горожан страха (Добржанський, Старик 2008: 65-66).

15 сентября 1914 г. новый российский гражданский черновицкий губернатор коллежский советник С. Евреинов после встречи с бургомистром и представителями магистрата Черновцов, по наущению А. Геровского – известного русофила, который вместе с братом бежал перед войной из черновицкой тюрьмы в Россию, а затем стал при губернаторе чиновником по особым поручениям, приказал той же ночью арестовать бургомистра Вайсельбергера, прокурора Лазаруса, адвоката д-ра Менчеля, надворного советника Дузинкевича и депутата парламента Н. Спинула.

На следующий день состоялась встреча представителей православного, латинского и армянского духовенства с губернатором. Православный митрополит Владимир, прибывший представиться вместе с консисторскими советниками, стал просить С. Евреинова о заключенном бургомистре и его товарищах. Губернатор ему отказал в довольно резкой форме и в свою очередь потребовал от владыки, чтобы тот в сослужении с духовенством отправил 18 сентября в кафедральной церкви благодарственное богослужение за царя. Митрополит заявил, что не может этого сделать, поскольку является австрийским подданным и имеет ранг тайного советника императорского двора. Евреинов эти возражения во внимание не принимал, отметив, что «теперь Черновцы считаются российским городом под управлением его милости государя Николая, поэтому все должны подчиняться повелению его наместника». Владыка продолжал отказываться, но под давлением губернатора, потребовав предварительно на отправление такой службы письменного распоряжения, вынужден был подчиниться (Добржанский, Старик 2008: 71, 582-584; Попович 1992: 174). Итак, 19 сентября (2 октября) 1914 г. по распоряжению буковинского архиерея в «Листке распоряжений архиепископской консистории православной Буковинской архиепархии» вышел циркуляр за № 7941, в котором указывалось: «По соглашенію съ господиномъ русскимъ губернаторомъ въ Черновцахъ, я, митрополить Буковины и Далмаціи, сделаль по консисторіи следующее распоряженіе приходскимъ священникамъ и предлагаю его вамъ къ точному исполненію:

Священнику.....

Прихода.....

Предлагаю вамъ въ время совершенія церковныхъ богослуженій возносить молитви о здравіи и благоденствіи благочестивѣйшаго и самодержавнѣйшаго великаго государя Императора Николая Александровича всея Россіи, матери его благочестивѣйшей государыни Императрицы Александры Феодоровны, наследника его благовѣрнаго государя цесаревича и великаго князя Алексія Николаевича и о дарованіи победы всероссійскому православному христіолюбивому

воинству, а в проповедях приглашать население принимать русское войско и русских людей как братьев, пришедших освободить их от иноверного гнета и насилия, с тем, чтобы они под державой русского царя слились воедино с Великой Россией» (Добрянский, Старик 2009: 24-25; Прокопович 2003: 13-14). Составил это распоряжение профессор теологии архимандрит-викарий Евсений (Попович), а подписали митрополит Владимир (Репта) и викарный архимандрит Артемон (Манастырский) (Попович 1992: 174).

Несмотря на уступчивость владыки на требования оккупационных властей, руководители российской администрации края осознали, что буковинский архиерей согласился на их требования отнюдь из искренних чувств, а лишь под давлением обстоятельств, поэтому относились к нему с недоверием. В письме временного генерал-губернатора Галиции графа Г. Бобринского к черновицкому губернатору С. Евреинову от 1 октября (18 сентября) 1914 г. относительно владыки Буковины Владимира (Репты) указывалось: «К митрополиту предлагается относиться с определенной осторожностью, потому как в будущем Галиция и Буковина будут подчинены одному православному архиепископу, Репту тогда можно будет отстранить от дел» (Буковина 2014: 45). В то же время русская администрация решила уплотнить митрополита в его роскошных палатах: в резиденции устроили госпиталь под эгидой Красного Креста, где лечились 200 российских солдат, больных сифилисом (Буковина 2014: 57). Но это не помешало буковинскому православному владыке всеми средствами помогать своим землякам, невзирая на конфессиональную и национальную принадлежность, в сложных обстоятельствах войны. Современник событий черновчанин И. Гроних позже так вспоминал эту бескорыстную деятельность архипастыря в пользу черновицкой общины: «При первой оккупации Черновцов 1914 г. беззаветно служил народу митрополит Владимир Репта. Этот князь церкви, будучи очень сердобольным человеком, который исполнял, как и многие другие, свои обязанности, стал великим защитником бесчисленного числа людей во время российской оккупации. Он не спрашивал, какой веры человек, какой он национальности; всякий, кто был в опасности, всякий, кого притесняли, спешил во дворец резиденции и находил здесь верную защиту. Как отец о своих детях, так митрополит заботился о населении города, и многие события могли бы получить гораздо более угрожающее развитие, если бы своевременно этот князь церкви не подал свой голос» (Gronih 1925: 18).

Когда в Черновцах не хватило наличности и без пенсий и жалованья оказались австрийские чиновники, профессора, пенсионеры, а также клирики всех конфессий, что остались на занятой

русскими территории, проблема была решена с помощью румынского консульства. Усилиями митрополита Буковины и Далмации Владимира и председателя суда Якубовича удалось упротить губернатора С. Евреинова, чтобы он позволил буковинцам получить причитающиеся суммы от австрийских властей. С разрешения военного генерал-губернатора Галичины Бобринского и черновицкого губернатора Евреинова и при содействии секретаря румынского консульства Г. Галлина секретарь Буковинской консистории Е. Нещук смог добраться через Румынию в г. Ватра Дорней, где находилось Буковинское краевое управление, и получил от краевого президента графа Р. фон Мерана 500 000 кр., которые затем русская администрация передала черновчанам по соответствующим спискам (Добржанский, Старик 2008: 590; Заполовский 2009: 77).

Стоит отметить, что население, которое находилось на занятой русскими войсками территории, подвергалось со стороны солдат насилию и грабегам. Православные священники также страдали от солдат и казаков: их оскорбляли, грабили и повреждали их имущество. Так, в с. Топоровцы к священнику Д. Митрофановичу в дом зашли казаки и потребовали от него денег. Не получив их, они повалили священника на землю, били нагайками и ногами. Забрали часы, золотые очки и другие ценные вещи. Дом разрушили, а имущество, которое не смогли захватить с собой, уничтожили (Буковина 2014: 65; Bălan 1929: 64). У священника в Магале русские солдаты также все поломали, мебель уничтожили (Буковина 2014: 57). В Лужанах был опустошен дом местного священника (Буковина, 2014: 62). Разграбили даже дом в Садигуре священника-русофила Д. Кисель-Кисиливского, интернированного австрийскими властями в Талергоф (Добржанский, Старик 2008: 627).

Но вскоре обстановка на Буковине изменилась. Воспользовавшись временной пассивностью русского войска в крае, 19 октября пять австрийских батальонов выдвинулись к р. Прут и вечером 20 октября вошли в Черновцы.

После поспешного отъезда российского губернатора С. Евреинова краевая столица вновь стала австрийской. Первый австрийский флаг в Черновцах взвился на здании Дирекции имущества Буковинского православного религиозного фонда по ул. Панской, 30. Его вывесил служащий упомянутого учреждения В. Домитрашук (Заполовский 2009: 78). Из г. Ватра Дорней, что в Южной Буковине, вернулся краевой президент граф Г. фон Меран, который привез деньги для выплаты задолженности по жалованию для чиновников и духовенства всех вероисповеданий. Его посетили с поздравлениями представители города и клир всех конфессий (Добржанский, Старик 2008: 79).

Австрийская жандармерия, которой руководил полковник Е. Фишер, начала аресты тех, кто сотрудничал с русскими и вел антиавстрийскую агитацию. В этом обвинили немало руснаков-украинцев и румын, но на защиту последних стало румынское иностранное ведомство (Австро-Венгрия в то время не хотела конфронтации с Румынией, надеясь на ее последующее вступление в войну на стороне Центральных держав). Поэтому буковинских румын, которые занимались великорумынской пропагандой (а среди них были и священники Буковинской митрополии), как правило, арестовывали на короткий срок, а потом отпускали. Депортация в глубь Австрии в таких делах была исключением. По сообщению представителя Министерства иностранных дел при Верховном командовании и. к. войск В. Гизля от 28 октября 1914 г. Министерству двора и МИД, которое основывалось на информации начальника краевой жандармерии в Черновцах Э. Фишера, священник А. Андроник, арестованный за шпионаж, был выпущен на свободу, так же как священник Иллиуц, глава общественной управы Луизенталь, священник А. Ланевский из Радовецкого уезда и многие другие (Буковина 2014: 55). Инспектор верховного командования и. к. армии майор М. Ронге сообщал 2 ноября 1914 г., что «румынский шовинист, священник Андроник в с. Луковица был арестован и доставлен в Черновцы. Но по приказу полковника Фишера был немедленно освобожден, и ему еще дали 20 крон. Всех арестованных румынской национальности в Черновцах освободили» (Буковина 2014: 58). Упомянул в своем докладе М. Ронге и о том, что «российские власти заставили митрополита Репту выступить в русофильском духе» (Буковина, 2014: 57). О циркуляре владыки с указанием духовенству молиться за русского царя и победу российского войска хорошо знали и в Ватра Дорней, и в Вене. Для разъяснения обстоятельств издания этого документа 18 (31) октября 1914 г. митрополит Буковины и Далмации Владимир направил краевому управлению Буковины телеграмму, в которой сообщал, что «20 августа (2 сентября ст. ст.) в Черновцы прибыл русский генерал, а 2 (15) сентября российский губернатор приказал поснимать все портреты императора и признавать только русского царя. Из зала магистрата по его приказу вынесли портрет императора Франца Иосифа.

Как митрополит [я] просил снизить сумму, наложенную на город российским командованием [600 тыс. к.], ибо население бедное. Неудобных лиц арестовывали и высылали. Высылка угрожала многим. Митрополит семь недель оставался в городе, чтобы защищать население.

Когда меня заставили служить литургию в честь русского царя, то мы молились каждый за своего царя: мы – за своего, русские – за своего.

Служил службу по убиенным российским солдатам по принуждению, но одновременно служил и за победу Германии и Австрии» (Буковина 2014: 56-57). Австрийские власти не трогали пока буковинского православного архиерея за выданный им циркуляр, поскольку не желали вызвать негативную реакцию Румынии.

Между тем митрополит Владимир (Репта) пытался помочь арестованным и интернированным австрийской властью буковинским священникам как румынской, так и украинской национальности (Diacon 2005: 88). В частности, когда 22 октября 1914 г. интернированные в Талергоф православные священники из Буковины И. Прелич, Н. Журумия, Д. Драбик, Е. Маковиевич, Д. Кисиливский, А. Тофан и К. Козаркевич обратились с письмом к надворному советнику д-ру Э. Воюцкому, который находился в Вене, с просьбой посодействовать облегчению их тяжелого положения, и тот переслал это письмо в консисторию Черновцов, православный владыка Буковины 24 октября (6 ноября) направил соответствующее ходатайство в президиум и. к. краевого управления. В нем архиерей извещал президиум, что консистория получила от университетского профессора, почетного консисторского советника, надворного советника о. д-ра Э. Воюцкого из Вены петицию буковинских православных священников, интернированных в Талергоф у Граца, в которой они заявили о том, что им до сих пор никто не сообщил причины их интернирования и они чувствуют себя невиновными и лояльными, поскольку никто из них не занимался политикой, а их участие в обществах не носило подрывного характера, и они всегда проявляли свой патриотизм и лояльность династии. Священники жаловались, что, поскольку их арестовали в летней одежде, они не имеют ни зимней одежды, ни постельных принадлежностей. Вынуждены они спать на соломе, а потому могут простудиться и умереть, как это произошло с их коллегой о. Симеоном Волощуком, который скончался от простуды 12 октября. Будучи отправлены в и. к. суды в Черновцах и Станиславе без денег, теперь они страдают от нищеты. Поэтому священники просят сделать запрос у компетентных властей об их освобождении или предоставлении возможности свободно использовать на содержание средства из жалованья. В конце письма, подписанного митрополитом Владимиром и о. д-ром К. Бриндзаном, указывается, что консистория ходатайствует перед достопочтенным президиумом и. к. краевого управления в деле интернированных священников из сострадания к их положению (ДАЧО: 1-2, 3-4).

Успех немногочисленного австрийского войска, которое заняло Черновцы и закрепилось на правом берегу Прута в середине октября, оказался кратковременным. У австрийцев не было сил долго удерживать буковинскую столицу (Добержанський, Старик, 2008: 79).

26 октября в 11 часов русский генерал Т. Арютинов, войска которого расположились на левом берегу Прута, предъявил коменданту Черновцов ротмистру Яскевичу требование сдать город до 8 часов утра следующего дня, в ином случае обещая начать его бомбардировку. Комендант ответил отказом, и по приказу Арютинова русская артиллерия в 8 часов 30 минут начала обстрел Черновцов. Пушечные гранаты попали в стену пивоварни, разрушили несколько домов, народную школу и т. д. Была повреждена обстрелом домовая часовня митрополичьей резиденции. В целом по городу было сделано около 30 выстрелов, направленных преимущественно в район резиденции митрополита Буковины и Далмации. Очевидно, ориентиром для россиян служила башня митрополичьей часовни. Относительно обстрела резиденции староста парламентского Румынского клуба Т. Симионович, председатель Буковинского сейма барон А. фон Гормузаки и депутат австрийского парламента Н. фон Василько от имени парламентариев и депутатов Буковинского сейма сделали официальный протест-заявление, отметив, что в обстреле митрополичьей резиденции не было никакой военной необходимости, и что «этот варварский поступок глубоко задел религиозные и национальные чувства румынского народа, и румынский народ отныне должен четко себе осознавать, что декларируемые российскими правителями уважение к традициям и доброжелательность к румынскому народу являются сплошной ложью» (Заполовский 2009: 79).

Поскольку помощь подразделениям, оборонявшим Черновцы, не поступила, ночью 26 ноября 1914 г. австрийцы покинули город и отошли на юг. Оставили город также представители интеллигенции и богатые евреи.

По указанию австрийской администрации вынужден был покинуть Черновцы и перебраться в Ватра Дорней и митрополит Буковинский Владимир со всеми членами консистории (Добржанський, Старик 2008: 79; Попович 1992: 174).

По словам К. Костецкого, «митрополит из Дорны ездил в Вену и просил у императора аудиенцию, чтобы свой циркуляр оправдать, но император его не хотел принять, и теперь сидит он постоянно в Дорна Ватре, потому как ему не вольно в Черновцы вернуться. Там же находятся все члены консистории и оттуда управляют дицезией. Молва ходит, что уже после войны ни митрополит, ни члены консистории не вернутся на свои давние должности» (Добржанський, Старик 2008: 79).

27 ноября 1914 г. русские войска вторично вступили в Черновцы (Миронов 2014: 124). Учитывая, что черновицкий магистрат во главе

с Барлеоном выехал в Вену, городские представители, в числе которых были также православный священник Г. Шандру из церкви Св. Параскевы, о. И. Бежан из церкви Св. Николая и д-р Тарнавски, профессор теологии, на собрании в ратуше выбрали из своей среды временным главой города бывшего городского советника д-ра К. Гостюка. Именно ему и отцам И. Бежану и Г. Шандру было поручено дело передачи Черновцов командованию российских войск.

В первые дни казаки и солдаты прибегли к разграблению брошенных городских помещений. 1 декабря в Черновцы вернулся губернатор С. Евреинов со своим секретарем д-ром Геровским. Он распорядился, чтобы в день именин царя Николая II, 19 декабря, во всех церквях состоялось праздничное богослужение. В православной кафедральной церкви отправлялась праздничная литургия в служении многочисленного клира, но без участия митрополита, который вместе с советниками был интернирован в Ватра Дорней. После богослужения войско выстроилось на плацу перед кафедрой, и командир корпуса Вебель наградил многих офицеров и солдат орденами. Потом состоялся обед у губернатора Евреинова на 120 персон. Среди приглашенных были также новый бургомистр Боканча и православные священники Г. Шандру, И. Бежан и д-р И. Тарнавски как управитель кафедральной церкви.

24 января 1915 г. Черновцы посетил генерал-губернатор Галиции граф Г. Бобринский. В этот день он побывал в кафедральной церкви, где был отправлен молебен. На второй день, в полдень, граф провел смотр войск и встретился с духовенством, которое было разделено на три группы: православное, униатское и латинское. Встреча закончилась выступлением графа Бобринского перед собранием, к которому он обратился с призывом «держаться России и царя» (Заполовський 2009: 79; Добржанський, Старик 2008: 81-84, 86; Ботушанський 2009: 151).

Во второй половине января русские войска продвинулись на юг Буковины, к Кирлибабе. На занятых территориях, разоренных войной, остро встала продовольственная проблема. Представители местных общин обращались к российской администрации с просьбами о помощи населению продовольствием. Так, священник села Усть-Путилов Вижицкого уезда в феврале 1915 г. сообщал в генерал-губернаторство, что его прихожане терпят крайнюю нужду в продовольствии. Священник просил доставить в деревню кукурузу (Буковина 2014: 92). Русская администрация, пытаясь завоевать симпатии местного населения, потратила несколько сотен тысяч рублей на закупку муки для голодающих в районах действия 8-й и 9-й армий. Ей занимались киевский филиал и Киевское Свято-

Вознесенское братство (Буковина 2014: 91). По большей части попытки российских властей преодолеть продовольственный кризис и организовать хозяйственную жизнь Буковины носили ocasionальный характер.

На территории занятых уездов края русские солдаты продолжали совершать насилие, грабежи и поджоги имений. В частности, из отчетов Кицманского уездного управления краевому управлению в Ватра Дорней от 1 и 21 июля 1915 г. о последствиях второй российской оккупации узнаем, что в с. Берегомет-над-Прутом был поврежден дом священника. В Шипинцах приходской дом и три дома при нем сожжены. В Кицмане солдаты сожгли имение Буковинского православного фонда Загробы. Зерно и и скот забрали. Хозяйственные машины сожжены. Лес вырублен для перекрытия. Пруды религиозного фонда ограблены (Буковина 2014: 160-162, 165). В с. Чуньков российские военные забрали у крестьян скот, а местный священник И. Жулинский едва спас жизнь (Bălan 1929: 64).

Успешное продвижение австрийской армии в юго-восточной части Галиции привело к изменению ситуации на буковинском участке фронта. Русские войска начали отступление на восток. При этом россияне забрали с собой несколько сотен жителей иудейского вероисповедания и по несколько десятков греко- и римо-католиков, а также и православных. Некоторые православные жители Буковины ушли с русскими добровольно. Среди них было и несколько буковинских православных священников прорусской ориентации. К примеру, добровольно отправились в Россию священники Влад из Неполоковцев и В. Велигорский из Валявы (Буковина 2014: 160-162, 164, 165).

Вечером 17 февраля 1915 г. русские без сопротивления сдали Черновцы. В город вошел передовой эскадрон австрийских гусар. Позже российские войска, стоявшие за Прутом и бомбардировавшие Черновцы, были оттеснены австрийцами к Боянам. Городское руководство возглавил учитель рисования Рафаил Кайндль, брат известного историка Раймунда Фридриха Кайндля. Ему помогали Шваб и священник церкви Св. Параскевы Г. Шандру, а также несколько советников. Из Ватра Дорней в Черновцы прибыл президент края Р. фон Меран, а 21 февраля представительство города были распущено и во главе Черновцов стал советник краевого правительства М. Краль. (Заполовський 2009: 80; Добржанський, Старик 2008: 88-89). В середине июня 1915 г. австро-венгерские войска снова смогли выйти на буковинско-бессарабское приграничье, где вплоть до начала лета 1916 г. стабилизировалась линия фронта (Жуковский 1956: 297; Заполовський 2009: 82).

Между тем австрийские власти получили возможность подробнее взяться за расследование дела митрополита Владимира (Репты) и членов консистории, которые во время первой оккупации Буковины русскими подписали распоряжение духовенству отправлять богослужения за царя и победу российского воинства. В телеграмме от 4 мая 1915 г. император Франц Иосиф I отстранил буковинского архиерея от должности и распорядился расследовать его дело, но «деликатно». Краевой президент Р. фон Меран предлагал перевести митрополита с должности, отправить в г. Быстрица (Трансильвания) и начать расследование. Начальник краевой жандармерии Э. Фишер тоже рекомендовал перевести владыку из Черновцов в Быстрицу, но предостерегал, что в случае войны Румынии против Австро-Венгрии он может выступить за победу румынских вооруженных сил. На митрополита Владимира и многих священников были заведены уголовные дела за государственную измену, в частности на викария Манастирского и священника И. Кадешука из Дубивцев Кицманского уезда (Буковина 2014: 125-126).

Через три месяца правительство перевело руководство Буковинской митрополии из Ватра Дорней через Клуж в Вену, а затем в Прагу. Местом пребывания митрополита Владимира в Праге был определен отель «Синяя звезда». Оттуда буковинский архиерей управлял своей архиепархией почти до конца войны. Только в первой половине 1918 г. он переехал с консисторией в Вену (Попович 1992: 174; Gheorghiu 1927: 50; Racurariu 1994: 190; Богатырец 6/г: 163-164).

По утверждению К. Богатырца, «австрийские власти не расправлялись с владыкой Владимиром сразу и не решили принять против него обычные меры только потому, что митрополит был им нужен еще для подписки военных займов из средств Православного религиозного фонда, которые банки финансировали только тогда, когда под декларацией займа была подпись действующего митрополита. Австрийское правительство широко пользовалось средствами Православного церковного фонда для своих военных расходов. Так, оно взяло с самого начала 40 млн австрийских крон, которые были тогда в наличности в кассе фонда, потом подписался владыка Владимир "добровольно" на третий заем в 20 млн, на четвертый заем – 35 млн, пятый – 20 млн, шестой – 25 млн, седьмой – 30 млн и на восьмой – 30 млн крон (вместе 160 млн крон).

Вот почему нужно было оставить владыку Владимира на его посту – чтобы иметь под рукой, когда потребуется подписывать военный заем, а то уже давно бы его сняли с должности и посадили в тюрьму.

После войны выяснилось, что австрийское правительство из средств Православного церковного фонда забрало и другие

суммы, так что государство задолжало фонду сумму в 180 млн крон. Большую часть денег банки выплачивали по следующему документальному заявлению: "Министерство земледелия в согласовании с Министерством культов подписали заем в сумме на счет Православного церковного фонда Буковины". На документе стояли подписи министра культов, министра земледелия и митрополита» (Богатырец б/г: 164).

Как отмечалось в обращении краевого управления Буковины от 8 октября 1915 г. относительно распространения подписки на третий военный заем, в предыдущем втором военном займе «не все слои населения принимали активное участие ... Помещики принимали посильное участие в займе, духовенство – не очень. Активно использованы различные общественные фонды ... Поэтому в дальнейшем нужно вести интенсивную пропаганду о необходимости участия в военных займах» (Буковина 2014: 182). Активная деятельность и.к. администрации по подписке населения на третий заем привела к тому, что, скажем, в Сиретском уезде было распространено заемных облигаций на сумму в 1 196 959 крон, из которых 113 тыс. крон внесли церковные общины и церкви (Буковина 2014: 186). При этом австрийские власти через консисторию предписывали приходскому духовенству посредством патриотических проповедей в церкви и собственным примером воздействовать на прихожан в распространении военного займа. Поэтому к четвертому займу должны приобщиться священники, клирики-катехиты, прихожане, приходские церкви, а также монастыри. Это, в частности, отмечалось в циркуляре от 7 (12) апреля 1916 г., поступившем буковинскому духовенству из Ватра Дорней (Foia Ordinăciunilor 1916: 23, 33-34, 44).

Дальнейшие потребности Австро-Венгрии в средствах на ведение войны увеличивали размеры последующих военных займов. Так, по 7-й военной ссуде 1917 г. Буковина должна была подписаться уже на 75 млн крон, из них на 35 млн следовало подписаться Буковинскому православному религиозному фонду (Буковина 2014: 255).

По требованию ц. к. Министерства земледелия Буковинская консистория также выдавала распоряжение духовенству, чтобы во время проповедей оно призывало свою паству более активно работать на земле, чтобы «ни пяди пахотного поля вспаханным и не усеянным» (Foia Ordinăciunilor, 1916: 13, 15). Для удовлетворения потребностей и. к. армии в цветных металлах австрийские власти письмом от 17 декабря 1915 г. распорядились забирать в религиозных общинах Буковины церковные колокола для переплавки. По представлению правительственного советника К. Ромшторфера, перед утилизацией с искусно украшенных колоколов предписывалось делать отпечатки

надписей и изображений, которые следовало передавать на хранение в церковный музей, о чем должна была позаботиться Центральная комиссия по художественным и историческим памятникам. Об этом митрополит Владимир оповестил приходское духовенство Буковинской архиепархии циркуляром №3473 / Д / 15 от 8 (21) декабря 1915 г., изданным в Ватра Дорней (Foia Ordinăciunilor, 1916: 2-3). В отчете краевого управления Буковины от 23 декабря 1915 г. отмечалось, что «по состоянию на 28 ноября 1915 г. из церквей Буковины снято и передано для нужд австро-венгерской армии 161 423 кг церковных колоколов и 25 961 кг других цветных металлов», а «по состоянию на 23 декабря 1915 г. – 171 053 кг колоколов и 29 961 кг других металлов» (Буковина, 2014: 186). 20 марта 1916 г. Буковинская православная консистория отчитывалась краевому управлению в Ватра Дорней о том, что, в соответствии с правительственным распоряжением, для нужд австро-венгерской армии было сдано 53 колокола из 29 сел, в т. ч. 24 колокола из 11 деревень в северных уездах, которые вывезли в Мараморош-Сигет. А раньше с Буковины уже вывезли во время первой кампании 93 колокола из 25 сел, а в ходе второй – 15 колоколов из 10 сел (Буковина 2014: 193). Практика изъятия австрийцами церковных колоколов в крае продолжалась до конца войны.

В целях повышения патриотизма среди населения Буковины и «приветствия отмеченных за храбрость», а также погибших австрийских воинов консистория по указанию и. к. краевого школьного совета издала 2 (15) мая 1915 г. распоряжение духовенству ввести на средства церковного дискового сбора в каждом приходе диптихи – помяники, а во время проповедей называть имена храбрых воинов и записывать в диптих павших (Foia Ordinăciunilor 1916: 37-38).

Между тем австрийская жандармерия продолжала выявлять среди православных жителей Буковины, в том числе среди церковнослужителей, тех, кто сотрудничал с русскими войсками во время оккупации или проявлял симпатию к России. В частности, в ноябре 1915 г. Вижницкое уездное управление информировало Буковинскую краевую управу об аресте в с. Дихтинец церковного певчего П. Маковийчука за государственную измену. Ему инкриминировали то, что он вернулся из России с русскими книгами, календарями, газетами, письмами и был доверенным лицом русофилов (Буковина 2014: 187).

23 января 1916 г. краевое управление Буковины в Ватра Дорней издало распоряжение ко всем уездным управлениям об организации очередного призыва на военную службу. В соответствии с приказом

Министерства краевой обороны от 10 января 1916 г. в армию немедленно призывались все главы общественных советов и другие члены общин, которые до этого не призывались (Буковина 2014: 191). Под этот призыв попали также и некоторые буковинские церковнослужители. К примеру, в «Хронике православного прихода Джэмэне с филиалами в Остре и Слетиоре» под 1916 г. помещена запись о мобилизации в том году местного священника Димитрия Пергинского и псаломщика Илие Гуту. Далее указывалось на то, что долгое время в общине вообще не было священника, и только позднее прибыл как администратор этого прихода о. Георге Прелич (Diacon 2005: 58).

(Продолжение следует)

ЛИТЕРАТУРА

Бажанський 2006 - *Бажанський І.* Війна. Щоденник-хроніка буковинського педагога та письменника (Вашківці, 31.8.1914-29.12.1918/22). Чернівці, 2006.

Богатырец б/г - *Богатырец К.* История Буковинской епархии (Машинопись). Б. м., б. г. // Поточний архів Чернівецько-Буковинської єпархії УПЦ.

Ботушанський 2009 - *Ботушанський В.* Місто в період австрійського правління // Чернівці: Історія і сучасність (Ювілейне видання до 600-річчя першої писемної згадки про місто). [Кол. монографія] В.М. Ботушанський, С.В. Біленкова, О.В. Добржанський та ін. За заг. ред. В.М. Ботушанського. Чернівці, 2009. С.79-154.

Буковина 1998 - Буковина: історичний нарис. Чернівці, 1998.

Буковина 2014 - Буковина в роки Першої світової війни 1914–1918. Документи / Упорядкування, коментар і переклад з німецької та російської мови В.М. Ботушанський. Чернівці, 2014.

Гедеон (Губка) 1992 - *Гедеон (Губка), иеромонах.* Православие на Буковине в период с 1873 по 1945 г. Сергиев Посад, 1992.

ДАЧО - Державний архів Чернівецької області (далі ДАЧО). Ф. 3. Оп. 1. Спр. 12069.

Добржанський, Старик 2008 - *Добржанський О., Старик В.* Бажаємо до України! Змагання за українську державність на Буковині у спогадах очевидців (1914-1921 рр.). Одеса, 2008.

Добржанський, Старик 2009 - *Добржанський О., Старик В.* Змагання за українську державність на Буковині (1914-1921 рр.). Документи і матеріали. Чернівці, 2009.

Жуковський 1956 - *Жуковський А.* Історія Буковини // Буковина – її минуле і сучасне / під ред. Д. Квітковського, Т. Бриндзана, А. Жуковського. Париж-Філадельфія-Дітройт, 1956. С. 63-420.

Запаловський 2009 - *Запаловський В.* Чернівці в обіймах Першої світової війни // «І». Незалежний культурологічний часопис. 2009. № 56. С.74-82.

Мирович 2009 - *Мирович Р.* Апологет православия перед Австрийским военным судом. К 100-летию со дня рождения митрофорного протоиерея д-ра Кассиана Дмит. Богатырца (1868-1968) // Русин. Международный исторический журнал / Отв. редактор Суляк С.Г. Кишинев, 2009. № 1 (15). С. 90-94.

Миронов 2014 - *Миронов В.Б.* Первая мировая война. Борьба миров. М., 2014.

Можарівський 2006 - *Можарівський В.* Православна церква на Буковині. Доба Митрополій (сер. XIX – 1 пол. XX ст.). Чернівці, 2006.

Попович 1992 - *Попович О.* Відродження Буковини // Буковинський журнал. 1992. Ч. 2-3. С. 166-196.

Прокопович 2003 - *Прокопович Е.* Кінець австрійського панування в Буковині. Чернівці, 2003.

Старик 2009 - *Старик В.П.* Від Сараєва до Парижа. Буковинський Interregnum 1914-1921. Чернівці, 2009.

Степанюк 1971 - *Степанюк Д.М.* Експлуататорська роль православної церкви (на матеріалах Буковинської митрополії). Чернівці, 1971.

Ткачук 1956 - *Ткачук І.* Церковно-релігійне життя // Буковина – її минуле і сучасне / під ред. Д. Квітковського, Т. Бриндзана, А. Жуковського. Париж-Філадельфія-Дітройт, 1956. С. 724-756.

Чучко 2008 - *Чучко М.К.* «И взят Бога на помощь»: соціально-релігійний чинник в житті православного населення північних волостей Молдавського воєводства та австрійської Буковини (епоха пізнього середньовіччя та нового часу). Чернівці, 2008.

Чучко, Суляк 2014 - *Чучко М., Суляк С.* Архипресвитер Кассиан Богатырец – исследователь церковной истории Буковинской Руси // Русин. Международный исторический журнал / Отв. редактор Суляк С.Г. Кишинев, 2014. № 1 (35). С. 143-164.

Яремчук 2003 - *Яремчук С.* Життєвий шлях православного священика Кассіяна Богатирця // Питання історії України: 36. наук. статей. Чернівці, 2003. Т. 6. С. 275-280.

Bălan 1929 - *Bălan T.* Bucovina în razboiul mondial. Cernăuți, 1929.

Cuțui 2011 - *Cuțui A.* Participarea clerului ortodox bucovinean la primul razboi mondial și unirea romanilor din 1918 // Revista de istorie militară. 2011. Nr. 1-2. P. 52-58.

Die Feier 1914 - *Die Feier in der Gotteshausern* // Czernowitzer Allgemeine Zeitung. 1914. 19 august.

Diacon 2005 - *Diacon V.* Cronicile Suhei Bucovinene. Iași, 2005. Vol. II.

Foia Ordinăciunilor 1916 - *Foia Ordinăciunilor Consistoriului arhiepiscopesc în afacerile Archidiecezei ortodoxe-orientale a Bucovinei.* Anul 1916. Cernăuți, 1929.

Gheorghiu 1927 - *Gheorghiu V.* Mitropolitul Vladimir de Repta // Calendarul Poporului pe anul ordinar 1927. Cernăuți, 1927. P. 46-51.

Gronih 1925 - *Gronih I.* Un Album al Cernăuți =Album von Czernowitz. Cernăuți, 1925.

Morariu 1922 - *Morariu L.* Ce-a fost odata din trecutul Bucovinei. Cernăuți, 1922.

Nistor 1938 - *Nistor I.* Bucovina sub dominațiunea românească: La 20 de ani de la Unire. Cernăuți, 1938.

Nistor 1928 - *Nistor I.* Zece ani dela unire. Cernăuți, 1928.

Păcurariu 1991 - *Păcurariu M.* Istoria Bisericii Ortodoxe Române. București, 1991. Vol. 3.

Sematismul 1921 - Sematismul Arhidiecezei ortodoxe a Bucovinei pe anul 1921. Cernăuți, 1921.

References

Bazhanskiy 2006 – *Bazhanskiy I.* Viyna. Schodennik-hronika bukovinskogo pedagoga ta pismennika (Vashkivtsi, 31.8.1914-29.12.1918/22) [War. Journal-Chronicle Bukovynian teacher and writer (Vashkivtsi, 31.8.1914-29.12.1918 / 22)], Chernivtsi, 2006 [in Ukrainian].

Bogatyrets b/g - *Bogatyirets K.* Istoriya Bukovinskoj Eparhii [History of the Diocese of Bukovina] (Mashinopis). B. m., b. g., Potochniy arhiv Chernivetsko-Bukovinskoyi eparhiyi UPTs. [in Russian].

Botushans'kiy 2009 – *Botushanskiy V.* Misto v period avstriyskogo pravlinnya [City during the Austrian rule], Chernivtsi: istoriya i suchasnist (yuvileynye vidannya do 600-richchya pershoyi pisemnoyi zgakdi pro misto) [Kol. monografiya], V.M. Botushanskiy, S.V. Bilenkova, O.V. Dobrzhanskiy ta in, za zag. red. V.M. Botushanskogo, Chernivtsi, 2009, pp.79-154 [in Ukrainian].

Bukovina 1998 – Bukovina: istorichniy naris [Bukovina: Historical Review], Chernivtsi, 1998 [in Ukrainian].

Bukovina 2014 - Bukovina v roki Pershoyi svitovoyi viyny 1914 – 1918. Dokumenty / Upororyadkuvannya, komentari pereklad z nimetskoyi ta rosiyskoyi movi V.M. Botushanskiy [Bukovina during the First World War 1914–1918. Documents], Chernivtsi, 2014 [in Ukrainian].

Gedeon (Gubka) 1992 – *Gedeon (Gubka), ieromonah.* Pravoslavie na Bukovine v period s 1873 po 1945 g. [Ortodoxia in Bukovina in the period from 1873 to 1945], Sergiev Posad, 1992 [in Russian].

DACHO – Derzhavniy arhiv Chernivetskoyi oblasti (DACHO) [State Archives of Chernivtsi region], f. 3, op.1, spr. 12069 [in Ukrainian].

Dobrzhans'kiy, Starik 2008 – *Dobrzhanskiy O., Staryk V.* Bazaemo do Ukrayini! Zmagannya za ukrayinsku derzhavnist na Bukovini u spogadah ochevidtsiv (1914-1921 gg.) [We wish to Ukraine! Competition for Ukrainian statehood in Bukovina in the memories of (1914-1921 gg.)], Odesa, 2008 [in Ukrainian].

Dobrzhans'kiy, Starik 2009 – *Dobrzhanskiy O., Staryk V.* Zmagannya za ukrayinsku derzhavnist na Bukovini (1914-1921 gg.). Dokumenti i materiali [Competition for Ukrainian statehood in Bukovina (1914-1921 gg.), Documents and Materials], Chernivtsi, 2009 [in Ukrainian].

Zhukovs'kiy 1956 – *Zhukovskiy A.* Istoriya Bukoviny [History of Bukovina], Bukovina – Yiyi minule i suchasne, pid red. D. Kvitkovskogo, T. Brindzana, A. Zhukovskogo, Parizh-Filyadelfiya-Ditroyt, 1956, pp. 63-420 [in Ukrainian].

Zapolovs'kiy 2009 – *Zapolovskiy V.* Chernivtsi v obiyamah Pershoyi svitovoyi viyni [Chernivtsi in the arms of the First World War], "Yi", Nezalezhnyi kultur-ologichnyi chasopis, 2009, Nr 56, pp. 74-82 [in Ukrainian].

Mirovich 2009 – *Mirovich R.* Apologet pravoslaviya pered Avstriyskim voennym sudom. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya mitrofornogo protoiereya d-ra Kassiana Dmit. Bogatyirtsa (1868 - 1968) [Apologist for Orthodoxy before the Austrian court-martial. On the 100th anniversary of the birth of Mitred Archpriest Dr. Cassian Dmitrievich. Bogatyrets (1868 - 1968)], Rusin, International historical journal, red. S.G. Sulyak, Kishinev, 2009, Nr 1 (15), pp. 90-94 [in Russian].

Mironov 2014 – *Mironov V.B.* Pervaya mirovaya voyna. Borba mirov [The First World War. War of the Worlds], Moscow, 2014 [in Russian].

Mozharivs'kiy 2006 – *Mozharivskiy V.* Pravoslavna tserkva na Bukovini. Doba Mitropolii (ser. XIX – 1 pol. XX st.) [The Orthodox Church in Bukovina. Day metropolis (sir. XIX – 1 st. half XX century)], Chernivtsi, 2006 [in Ukrainian].

Povich 1992 – *Popovich O.* Vidrozhennya Bukovini [Renaissance Bukovina], Bukovinskiy zhurnal, 1992, ch. 2-3, pp. 166-196 [in Ukrainian].

Prokopovich 2003 – *Prokopovich E.* Kinets avstriyskogo panuvannya v Bukovini [The end of Austrian rule in Bukovina], Chernivtsi, 2003 [in Ukrainian].

Starik 2009 – *Staryk V.P.* Vid Saraeva do Parizha. Bukovinskiy Interregnum 1914-1921 [From Sarajevo to Paris. Interregnum Bukovina 1914-1921], Chernivtsi, 2009 [in Ukrainian].

Stepanyuk 1971 – *Stepanyuk D.M.* Ekspluatatorska rol pravoslavnoyi tserkvi (na materlalah Bukovinskoyi mitropolii) [Exploitative role of the Orthodox Church (based on Bukovynian Metropolis)], Chernivtsi, 1971 [in Ukrainian].

Tkachuk 1956 – *Tkachuk I.* Tserkovno-relliglyne zhittya [Church and religious life], Bukovina – yiyi minule i suchasne, pid red. D. Kvitkovskogo, T. Brindzana, A. Zhukovskogo. Parizh-Filyadelfiya-Ditroyt, 1956, pp. 724-756 [in Ukrainian].

Chuchko 2008 – *Chuchko M.K.* "I v'zyat Boga na pomoshch": sotsialno-religiyinyi chinnik v zhitti pravoslavnogo naselennya pivnichnih volostey Moldavskogo voevodstva ta avstriyskoyi Bukoviny (epoha piznogo serednovichchya ta novogo chasu) ["Taking God to help": socio-religious factor in the life of the Orthodox population of the northern districts of the Moldavian province and Austrian Bukovina (of the late Middle Ages and modern times)], Chernivtsi, 2008 [in Ukrainian].

Chuchko, Sulyak 2014 – *Chuchko M., Sulyak S.* Arhipresviter Kassian Bogatyrets – issledovatel tserkovnoy istorii Bukovinskoy Rusi [Archpriest Cassian Bogatyrets - researcher of church history Bukovina Rus], Rusin, International historical journal, red. S.G. Sulyak, Kishinev, 2014, Nr 1n(35), pp. 143-164 [in Russian].

Yaremchuk 2003 – *Yaremchuk S.* Zhittieviy shlyah pravoslavnogo svyaschenika Kassiyana Bogatirtsya [The life of an Orthodox priest Kassian Bohatyrets], Pitannya istoriyi Ukrayini: zb. nauk. statey, Chernivtsi, 2003, t. 6, pp. 275-280 [in Ukrainian].

Bălan 1929 – *Bălan T.* Bucovina in razboiul mondial. Cernăuți, 1929 [in Romanian].

Cuțui 2011 – *Cuțui A.* Participarea clerului ortodox bucovinean la primul război mondial și unirea romanilor din 1918 [Bucovina Orthodox clergy participation in World War I and the union romanilor 1918], *Revista de istorie militară*, 2011, Nr 1-2, pp. 52-58 [in Romanian].

Die Feier 1914 – *Die Feier in der Gotteshausern* [The celebration in the houses of God], *Czernowitzer Allgemeine Zeitung*, 1914, 19 august [in German].

Diacon 2005 – *Diacon V.* Cronicile Suhei Bucovinene [Chronicles Suhei Bucovina], Iași, 2005, vol. II [in Romanian].

Foia Ordinăciunilor 1916 – *Foia Ordinăciunilor Consistoriului arhiepiscopesc în afacerile Archidiecezei ortodoxe-orientale a Bucovinei. Anul 1916* [Piece orders Consistory Orthodox Archbishop Archidiecezei oriental affairs Bukovina. 1916], Cernăuți, 1929 [in Romanian].

Gheorghiu 1927 – *Gheorghiu V.* Mitropolitul Vladimir de Repta [Metropolitan Vladimir de Repta], *Calendarul Poporului pe anul ordinar 1927*, Cernăuți, 1927, pp. 46-51 [in Romanian].

Gronih 1925 – *Gronih I.* Un Album al Cernăuți = Album von Czernowitz [Album of Chernivtsi], Cernăuți, 1925 [in Romanian-German].

Morariu 1922 – *Morariu L.* Ce-a fost odata din trecutul Bucovinei [What was once in the past Bucovina], Cernăuți, 1922 [in Romanian].

Nistor 1938 – *Nistor I.* Bucovina sub dominațiunea românească: La 20 de ani de la Unire [Bukovina under Romanian domination: 20 years from Union], Cernăuți, 1938 [in Romanian].

Nistor 1928 – *Nistor I.* Zece ani dela unire [Ten years from union], Cernăuți, 1928 [in Romanian].

Păcurariu 1991 – *Păcurariu M.* Istoria Bisericii Ortodoxe Române [Romanian Orthodox Church History], București, 1991, vol. 3 [in Romanian].

Sematismul 1921 – *Sematismul Arhidiecezei ortodoxe a Bucovinei pe anul 1921* [Index Orthodox Archdiocese Bukovina in 1921], Cernăuți, 1921 [in Romanian].

Чучко Михаил Константинович - доктор исторических наук, профессор, и.о. завкафедрой этнологии, античной и средневековой истории Черновицкого национального университета им. Юрия Федьковича.

Chuchko Mykhaylo - Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Ethnology, Ancient and Medieval History of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University.

E-mail: mychailo_chuchko@rambler.ru

УДК 94(477)"1914/1917": 378.18

UDC

DOI: 10.17223/18572685/37/8

РЕАКЦИЯ СТУДЕНТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СОБЫТИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В 1914–1917 гг. (на материалах Украины)

М.Э. Кругляк

Житомирский государственный технологический университет

Украина, 10005, г. Житомир, ул. Черняховского, 103

E-mail: marinakrugljak@ukr.net

Авторское резюме

В статье рассматривается отношение студенчества Украины, пребывавшей в составе Российской империи, к событиям Первой мировой войны. Автор доказывает, что отношение учащейся молодежи к военному катаклизму эволюционировало с 1914 до 1917 г. от взрыва патриотизма и поддержки России в этом противостоянии до обострения оппозиционности и антисамодержавных настроений. Таким образом, именно война стала индикатором готовности российского общества к переменам, а реакция молодой интеллигенции, первой ощутившей новые веяния, на военные события лишь предварила катастрофу, произошедшую в 1917 г.

Ключевые слова: студенчество, Первая мировая война, патриотизм, демонстрация, оппозиционность.

The reaction of the students of the Russian Empire to the events of WWI 1914–1917 (based on the materials from Ukraine)

M.E. Krugliak

Zhytomyr State Technological University

103, Chernyakhovsky str., Zhytomyr, 10005, Ukraine

E-mail: marinakrugljak@ukr.net

Abstract

The article examines the attitude of the students in Ukraine, residing in the Russian Empire, to the events of World War I. The author proves that the attitude of the studying youth to the military cataclysm events evolved from 1914 to 1917 – from the explosion of patriotism and the support for Russia's military confrontation to the escalation of opposition and anti-autocratic motives. Thus, the war itself had become the readiness indicator of the Russian society to changes, and the reaction to the military events from the intelligent youth perspective, which was the first ones to sense the new trends, only preceded the future disaster for the state, which happened in 1917.

Keywords: students, World War I, patriotism, demonstration, opposition.

Студенчество, выступающее своеобразным барометром общества, возможно, являющееся наилучшей его составляющей, издавна отличалось активной жизненной позицией. Характеризуя молодежь и ее психологию, журналист газеты «Студенческая жизнь» в 1910 г. заметил: «...Это психология буржуазной демократии, со всеми ее достоинствами и недостатками; благодаря своему положению меж двух «миров» и психология его (*студенчества*. – М. К.) раздваивается: широкий альтруизм, что заламливается сквозь призму эгоизма; аскетизм с большей долей позы, геройство с дон-Кихотством, жажда дела и труда рядом с красивой, но бесплодной фразой, атеизм, связанный с глубокой религиозностью, критицизм, от которого далеко пахнет догмой, безверье, которое тесно срослось с верой ...» (К вопросу: 2). И все же ни в коей мере не стоит преуменьшать роли студенчества в общественно-политической жизни Российской империи и Украины в частности. Заметим, что именно студенты Харьковского университета в 1900 г. основали первое в Надднепрянской Украине политическое формирование – РУП (Революционную украинскую партию), киевская молодежь влилась в ряды Украинской социалистической партии и других общественных организаций.

С исторической точки зрения немаловажным является изучение отношения российского студенчества к событиям Первой мировой войны. Во-первых - из-за неисследованности данной проблемы советскими и современными украинскими учеными. Их внимание уделялось революционным событиям 1917 г., а посему жизнь высших учебных заведений в годы Первой мировой либо вообще не находила отображения в историографии, либо же вспоминалась эпизодически, а максимальное внимание уделялось революционным волнениям молодежи, носившим антивоенный и антисамодержавный характер. Современные украинские историки пытаются обособить жизнь студенчества конкретного учебного заведения в годы войны - Киевских высших женских курсов (Кобченко 2007), коммерческого

института (Чуткий 2008), не выделяя общих тенденций. К удивлению, полностью утерян военный период в фундаментальной работе, приуроченной к юбилею Харьковского университета (Харківський університет 2004). Отметим, что в работах некоторых современных украинских ученых акцент делается на те явления, которые в годы войны не имели должного распространения. Тем не менее их значение преувеличивается. В данном случае речь идет об изучении украинского национального движения, имевшего скорее локальный характер и не выражавшего интересов абсолютного большинства студенчества (Михальский 1995). В то же время отношение молодежи к войне находим в работах петербургского исследователя Н.Г. Завадского (Завадский 1999) и американского ученого Сьюзан Морисси (Морисси 1999), хотя место студенчества Украины в этих работах не освещается.

Во-вторых, именно на основании отношения молодежи к военным событиям мы можем проследить эволюцию самого студенчества, прошедшего нелегкий путь от разочарований постреволюционного периода 1907–1914 гг., вылившихся в апатию, разгул, эпидемию самоубийств и т. д. (так называемое «новое студенчество»), до взрыва патриотических чувств в первые годы общемировой катастрофы, а потом нового разочарования.

Заметим, что хронологические рамки нашего исследования ограничиваются 1914–1917 гг. Дело в том, что в украинской историографии февраль–март 1917 г. принято рассматривать как начало нового этапа в отечественной истории – Украинской национально-освободительной революции (1917–1921), а потому военные катаклизмы 1917–1918 гг. отошли на второй план на фоне острой политической ситуации в стране (борьба за власть представителей Украинской Центральной Рады, пребывание во власти гетмана П. Скоропадского, период Директории Украинской Народной Республики и т. д.).

Что же представляло собой студенчество Надднепрянской Украины в 1914 г.? По данным советских источников, в 1914/1915 учебном году на территории Украины насчитывалось 19 вузов, в которых училось 26,7 тыс. студентов. Две трети учебных заведений размещалось в Киеве (более 15 тыс. студентов) и Харькове (около 7 тыс.) (Вища школа 1967: 13). Однако, по нашим подсчетам, с учетом максимального количества заведений государственного и негосударственного секторов высшего образования, в 1913/1914 учебном году в вузах Украины училось около 31 тыс. чел. к при приблизительно равном соотношении двух секторов, что составляло четвертую часть всего российского студенчества (Кругляк 2010: 34; Иванов 1991: 257). Несмотря на военные действия на территории

Украины, численность студенчества за 1914–1917 гг. увеличилась. Так, по состоянию на 1917 г. в подросийской Украине обучалось 35 622 студента, или 26,4 % общей численности студенчества России, причем доля студентов государственных высших учебных заведений составляла лишь 38,2 %. Это прежде всего связано с появлением новых учебных заведений (как правило, негосударственного сектора) и с реэвакуацией крупных вузов в 1916 г.

В первые год-два войны повседневная студенческая жизнь несколько изменилась, но это коснулось не всех, так как боевые действия охватили в основном лишь правобережную Украину. Вместе с оттоком студентов происходила и эвакуация высших учебных заведений. Это было связано с неудачами российской армии в 1915 г., когда встал вопрос о приближении немецких войск к Киеву. Тогда в Саратов в 1915 г. переехали киевские вузы – университет Св. Владимира (Історія Київського університету 1959: 65), коммерческий институт, Высшие женские курсы (Кобченко 2007: 111). Киевская консерватория переехала в Ростов-на-Дону (ГАК 4: 1); в то же время из Новой Александрии (Люблинская губерния, Царство Польское) в Харьков переместился сельскохозяйственный институт (Фурсенко 1968: 59). Однако уже в 1916 г. вузы провели реэвакуацию и новый 1916/1917 учебный год встретили на Украине (Кобченко 2007: 111).

Начало Первой мировой войны было ознаменовано небывалым взрывом патриотизма в студенческой среде, причем это явление имело место независимо от партийной принадлежности молодых людей. Источники свидетельствуют о многочисленных патриотических манифестациях студентов различных высших учебных заведений. Они были готовы «понести жертвы в пользу дорогой Отчизны». Выказывая свою поддержку Англии, Франции и Бельгии, одесские студенты Новороссийского университета 9 октября 1914 г. произносили речи перед консульствами этих стран. Говорили и о той огромной трагедии, которую в тот момент переживали бельгийский народ и его король. В тот же день в Харькове прошла общегородская «патриотическая демонстрация в поддержку военной политики царизма», в которой приняло участие несколько сотен студентов местных вузов (Харьковский институт 1985: 33). Эти манифестации были связаны с появлением Высочайшего указа, согласно которому Военному министерству предоставлялось право призывать в армию учащихся высших учебных заведений. О том, что значительная часть их должна поступить в военные училища для подготовки к офицерскому чину, не говорилось. Уже 16 ноября 1914 г. состоялся экстренный выпуск студентов-медиков Новороссийского университета, завершивших подготовку в качестве военных врачей (Новороссийский университет 1915: 5–6).

Кроме того, студенты стали непосредственными участниками боевых действий. Так, в 1914 - 1915 гг. 146 студентов Новороссийского университета (8 % от общего количества) пребывали в действующей армии, из них 26 поступили врачами в Красный Крест, а 27 чел. отправились на фронт добровольцами. Да и на поле боя молодые люди проявляли чудеса героизма. Например, студент юридического факультета Новороссийского университета Н.А. Мими, отправившийся на войну добровольцем, занимался разведывательной деятельностью, а во время боев поставлял в окопы патроны; выпускник этого же вуза Г.М. Обухов, призванный на службу в качестве врача, несмотря на то, что заразился малярией, продолжал оказывать раненым первую неотложную помощь. Согласно данным секретаря совета Новороссийского университета П.И. Иванова, в первый год войны 11 студентов и 19 выпускников вуза были отмечены как самые храбрые; из них 13 человек наградили почетными орденами и медалями, одного даже пожаловали в кавалеры ордена Почетного Легиона (Новороссийский университет 1915: 4, 10–14).

Не отставали от одесских студентов и слушатели других высших учебных заведений Украины. Так, уже с первых дней военного конфликта слушательницы неправительственных Киевских высших женских курсов записались сестрами милосердия при Красном Кресте и начали оказывать помощь раненым на фронте. Девушки активно участвовали в подготовке необходимых вещей для полевого военно-санитарного поезда, а также работали в созданной при курсах швейной мастерской, где шили белье для раненых и больных (по состоянию на 1 октября 1914 г. в мастерской работали 396 курсисток) (ГАК 2: 4, 14, 88 об.). В химических лабораториях Высших женских курсов, а также в Киевском университете Св. Владимира и политехническом институте преподаватели и лаборанты в сотрудничестве со студенческой молодежью стали производить медикаменты. При этом многие работали абсолютно бесплатно, и лишь часть студентов получала определенную награду (Кобченко, 2007: 110). Слушатели Екатеринославского горного института вместе с преподавателями и служащими учебного заведения выделили средства для сооружения при институте лазарета для раненых воинов (из 14 кроватей лазарета 6 содержалось на студенческие деньги), дежурили в помещении (Отчет 1914: 4–5), работали в мастерских по производству снарядов, а также входили в состав различных комитетов «помощи войне» (Історія і сучасність 2009: 94). Студенты-священники, которые получали высшее образование в Киевской духовной академии, нередко приходили в лазареты, чтобы провести богослужение и молебен. Кроме работы в лазаретах в

качестве братьев милосердия, они занимались благотворительностью: отказывались от предназначенных им казенных чая и сахара, получали вместо продуктов деньги, на которые покупали воинам подарки к разным праздникам (Отчет 1914–1915: 3–4). Присоединились к этой деятельности также преподаватели и студенты Одесской консерватории, которые в годы Первой мировой войны проводили благотворительные концерты в пользу раненых воинов (Одеський державний 2003: 27).

Первая мировая война в определенной степени парализовала жизнь студенческих филантропических организаций. Например, Обществу скорой помощи нуждающимся студентам в высших учебных заведениях Киева не удалось открыть книжный склад и в достаточной мере наполнить бюджет учреждения. В то же время общество создало распорядительный комитет помощи семьям запасных, деятельность которого состояла в организации работы пункта питания, оказании раненым и их родным медицинской помощи в частных больницах, обеспечении их дешевыми лекарствами, поиске работы, ходатайствовании о приеме в высшие учебные заведения; три местных юриста, приглашенные распорядительным комитетом, бесплатно оказывали юридическую помощь семьям запасных, а с августа 1914 г. для них был создан особый фонд для выдачи денег на квартиры (ГАК 5: 3, 31–32). Попечительство о нуждающихся студентах Императорского Новороссийского университета оказывало информационные услуги в поиске жилья. Так, благодаря активной деятельности организации в 1915 г. удалось обеспечить квартирой двоих студентов-киевлян, которые переехали учиться в Одессу после эвакуации университета Св. Владимира в Саратов (Отчет 1915: 387–388).

К сожалению, остается неизвестной реакция студенчества на такие ограничительные действия власти. В августе 1914 г. Министерство народного просвещения приказало попечителям учебных округов сначала прекратить прием в вузы германских, австрийских и венгерских подданных (ГАОО: 31 об.), а в отдельном распоряжении от 3 сентября 1914 г. под № 41109 вообще было приказано отстранить от занятий подданных государств, воевавших с Россией. Для продолжения учебы такие студенты должны были перейти в российское подданство (Законы 1914: 32). К слову, в Киевском коммерческом институте было восемь германских, семь австрийских и пять турецких подданных (ГАК 1: 55). Вышел даже приказ администрации, которым запрещалось в публичных местах разговаривать на немецком языке (Асмус 2000: 271). Постановление Совета министров России от 20 октября 1915 г. «Об установлении ограничитель-

ных мер относительно болгарских подданных» наиболее повлияло на численность студентов Киевской духовной академии, из которой в декабре 1916 г. исключили четырех болгар, несмотря на то, что в феврале того же года они были признаны правлением академии «благонадежными» (Путро 2011: 146).

Война все же дала студентам-участникам боевых действий ряд льгот. Так, на основании распоряжения Министерства народного просвещения от 18 декабря 1914 г. под № 580033 студентам, которые пошли добровольцами на фронт или вступили в отряды, устроились в лазареты и другие медико-санитарные учреждения, разрешили считаться в отпуске до окончания военных действий. По желанию правления университета они могли освобождаться от платы за учебу сверх установленной нормы; тем же, кто отправился в действующую армию добровольцами, сохраняли стипендию. Однако еще до появления этого распоряжения 1 сентября 1914 г. правление Новороссийского университета ходатайствовало о разрешении освобождать сверх 15 % норму от внесения платы за учебу и гонорара студентов, призванных в действующую армию или отправлявшихся на фронт добровольцами (Новороссийский университет 1915: 10). Правление Киевских высших женских курсов освобождало от платы за учебу сверх нормы тех слушательниц, которые в действующей армии были сестрами милосердия; девушки, работавшие в лазарете, вносили половину платы (ГАК 2: 4; ГАК 3: 10 об., 58 об.).

Определенные улучшения наметились и в правовом статусе студентов иудейского происхождения. 10 августа 1915 г. вышло постановление Совета министров о льготном приеме в высшую школу участников войны и их детей независимо от национальности и вероисповедания. Вследствие этого доля студентов-евреев в высших учебных заведениях Украины значительно увеличилась, составив, например, в Новороссийском университете 24,4 %, в Харьковском технологическом институте – 23,6 % (Иванов 1991: 289; Иванов 1999: 226). Напомним, что в 1887 г. были установлены процентные нормы приема иудеев в университеты Российской империи: 3 % – в Петербургский и Московский, 5 % – в Харьковский, 10 % – в размещенный в черте еврейской оседлости Новороссийский и вне ее Киевский (Клопотовский 1893: 180–181). Подобные ограничения были установлены во всех государственных высших учебных заведениях России.

Почему же небывалый взрыв патриотизма так быстро охватил российское общество? Пресса рисовала войну как оборону, которая ведется ради спасения Отчизны от «прусских варваров», а также во

имя защиты славянских народов. Историки отмечают, что патриотические настроения поначалу охватили не только широкие слои городской буржуазии, но и значительную часть крестьянства, которое даже не понимало, что весь груз войны ляжет на его плечи (Новітня історія 2002: 131). Причины активной студенческой патриотической позиции в первые годы войны объясняет в то время киевская курсистка, позже – известная советская писательница Зинаида Тулуб: «Ушла на фронт медсестрой Ксения Завадская, Наталия Васильевна Рылеева, внучатая племянница декабриста, а по матери правнучка князя Кутузова-Смоленского стала работать медсестрой в госпитале, размещенном в митрополичьих покоях, что во дворе Софийского собора. Даже Валентина Трофимова после всего пережитого в Германии, на что была настроена оппозиционно правительству, пошла добровольной сестрой в Дегтеревскую богадельню, тоже превращенную в госпиталь Союза городов. И мне стало стыдно быть в стороне от этого всенародного страдания, быть барышней-белоручкой. И вот каждое утро я уходила из дому, но не на курсы, а в Красный Крест на лекции и практику. Слушала курс полевой хирургии, микробиологии, общей терапии, гигиены и др. и через день отбывала шестичасовое дежурство при раненых или больных» (ОРФТИЛ: 343). В то же время американская исследовательница Сьюзан Морисси отмечает: «Для студентов поколения 1914 г. важнейшей точкой отсчета коллективного самосознания было наследие революции 1905 г. ... Студенческая пресса часто жаловалась на то, что революция подорвала традиционную политическую роль студентов и привела к так называемому «кризису студенчества», проявлением которого были политическая пассивность, политическое расслоение, разврат и эпидемия самоубийств. Студенты часто утверждали, что начало этому кризису положило отсутствие единой общественной и политической цели в сочетании с другой более серьезной потерей – утратой веры в традиционные ценности интеллигенции. В 1914 г. какое-то время казалось, что война окажется тем новым общим делом, которое, наконец, заставит студенчество сплотиться после затяжного кризиса» (Морисси 1999: 299).

И все же, как показывают источники, провластные патриотические мотивы были заметны в деятельности студенчества лишь в первые годы конфликта. Антивоенные демонстрации студентов и рабочих проходили и в 1916 г., и в феврале 1917 г. в Харькове. Особенно заметными были протесты молодежи в марте и октябре 1916 г. Так, мартовское выступление было связано с пробной мобилизацией студенчества в армию, октябрьские манифестации организовали студенты-призывники, кандидатуры которых для отправки на

фронт определялись путем жребия. Молодежь устроила шествие по улицам Харькова, пела «Марсельезу», «Похоронный марш», «Дубинушку». Организаторами октябрьского протеста были студенческая социал-демократическая и социал-революционная фракции; планировалось привлечение к манифестациям рабочих. Начинаясь как бунт студентов-призывников октябрьские демонстрации превратились в антивоенные акции и закончились столкновением с полицией. Сходка харьковских студентов-медиков 9 февраля 1917 г. была «как протестом против войны и призыва молодых солдат, так и против перерыва занятий Государственной Думы», на сходке 13 февраля поднимался вопрос о дороговизне и дефиците продовольствия. Вынесенная сходкой резолюция гласила: «Долой существующий режим и нынешнее правительство, пусть будет международный мир без аннексий и контрибуций» (ГАХО 2: 1–73; ГАХО 1: 1–27; Харьковский институт 1985: 34).

Почему же студенты так быстро изменили свои взгляды и от патриотических манифестаций в поддержку российской армии перешли к антивоенной пропаганде? Уже в 1915 г. они все больше склонялись к идее оборончества и мира без аннексий. Их возмущал не только характер конфликта, направленный на уничтожение, но и усиление дискриминации различных групп студенчества, например неравные условия военной службы для евреев, которым запрещалось занимать офицерские должности. Примером могут стать события апреля 1916 г., когда студенты Харьковского технологического института прошли по центральным улицам города, протестуя против призыва студентов-евреев в армию в качестве рядовых (ГАХО 1: 26–26 об.). Стоит упомянуть и о том, что уже 31 января 1916 г. правительство ввиду чрезвычайных обстоятельств военного времени решилось на частичную мобилизацию студенчества, в данном случае – всех первокурсников 1895 года рождения, причем студентов-евреев призывали как рядовых (Филиал ГАХО: 18–18 об.; Коротки нарисы 1940: 41).

Продолжительная война и ухудшение экономической ситуации в государстве, призыв в армию студентов-первокурсников в 1916 г. связывались с политическими провалами правительства. Сюзан Морисси замечает: «Однако война поставила целую серию новых вопросов. Как сочетается помощь фронту с традиционно оппозиционным отношением студенчества к самодержавию? Ориентация на национальные ценности с национализмом? Первоначальный отказ от политических целей во имя общей победы в войне ответа на эти вопросы не дал, точно так же как и не способствовал решению политических разногласий. С другой стороны, правитель-

ство продолжало с подозрением относиться к лояльности собственного народа и не сумело воспользоваться первоначальным порывом его доброй воли. Страх правительства перед студенческими беспорядками привел к чрезмерной реакции во внутренней политике, которая проявилась в захвате учебных заведений частями полиции при малейшем признаке студенческих волнений и создании помех на пути попыток самоорганизации как для оказания помощи фронту, так и для создания структур экономической взаимопомощи. По мере того как масштабы социально-экономической и военной катастрофы становились все очевиднее, эти репрессии лишь придавали конкретный смысл более широким политическим просчетам правящего режима и способствовали политизации студенчества. Вместе с тем этот процесс определялся и особенностями студенческого патриотизма. Хотя некоторые студенты и поддерживали войну во имя самодержавия, с позиций русского или славянского национализма, большинство хранило верность таким понятиям, как народ и Отечество. Эти различия в акцентах, которые осенью 1914 г. видели лишь немногие, способствовали радикальной перемене политических взглядов в 1915 г., специфика которых состояла в том, что при этом не потребовалось основательного пересмотра отношения к самой войне. Многие студенты смогли, опираясь на идеалы демократии и защиты Отечества, выступать за победу в войне и одновременно находиться в оппозиции к собственному правительству» (Морисси 1999: 299–300).

Опираясь на архивные материалы, склоняемся к мнению, что отношение студентов к военным событиям было связано и с их партийной принадлежностью. Например, члены РСДРП и эсеры выступали за «мир без аннексий и контрибуций» и свержение существующего режима из-за роста цен и дефицита продовольствия (ГАХО 1: 1–27). В то же время студенты - члены монархических организаций и «академисты» поддерживали все мероприятия власти и приветствовали войну. Они своего мнения не изменили ни в 1916-м, ни в 1917 г. (Харьковский институт 1985: 28–34). Но не стоит считать мнение этих студенческих групп авторитетным, так как у них было незначительное число последователей. Подтвердим это утверждение фактами из проведенного в 1909 г. в стенах Киевского политехнического института анкетирования. По его данным, 63,7 % студенчества принадлежало к оппозиционному лагерю (среди них социал-демократы – 23 %, социалисты-революционеры – 12,2 %), вокруг же Академического союза объединялось лишь 2,5 % молодежи, в то же время 28,2 % киевских политехников не симпатизировало ни одной политической силе (Струмилин 1979: 181–182).

Заметим, что антивоенные прокламации и листовки начали распространяться в среде киевского студенчества уже в 1914 г. Однако подобное явление носило единичный характер и касалось лишь незначительной части национально ориентированных студентов Украины. Созданный ими орган – Информационное бюро киевского украинского студенчества – в своих прокламациях за 1914 г. осуждал шовинистическую политику российских властей в Галиции, призывал бойкотировать сбор денег со стороны «Прикарпато-русского комитета», которые должны были пойти якобы на помощь «русскому населению Галиции», считая, что эти средства станут финансовой подпиткой западноукраинского москвофильства (ЦГИАУ: 162–163).

Символом борьбы с российским царизмом стал украинский поэт Тарас Григорьевич Шевченко (1814–1861), в свое время выражавший в своих произведениях антисамодержавную позицию. Как это ни парадоксально звучит, уже после своей смерти Шевченко смог организовать украинское национальное (громадовское) движение; его именем клялись в 1892 г. украинские патриоты, назвавшиеся «Братством тарасовцев»; именно празднование годовщины рождения великого поэта привело к студенческим манифестациям в марте 1914 г. Да и в годы Первой мировой войны Шевченко продолжал оставаться символом борьбы с властью. Украинские социалисты-революционеры в 1915 г. издали воззвания по случаю рождения Тараса Шевченко, в которых осуждали национальную политику российских властей в Галиции (так называемый «европейский скандал»); в «шевченковских воззваниях» в 55-ю годовщину смерти поэта (26 февраля 1916 г. по старому стилю) Информационное бюро киевского украинского студенчества осудило человекоубийство, «когда человеческая кровь льется рекой, когда миллионы людей уничтожают друг друга по воле палачей, что правят нами», послушались призывы организовать украинский университет и провозгласить Украину независимой (Нелегальні відозви 1925: 30).

Имело место создание украинских национальных организаций и в других городах. Например, в сентябре 1915 г. в Харькове по инициативе студента А.П. Ковалевского была создана организация «Украинский национальный круг», или «Круг независимых». Среди политических требований членов «Круга» следует отметить необходимость создания национальной автономии, ликвидацию религиозных и национальных ограничений для представителей различных этносов, предоставление политических свобод, введение 8-часового рабочего дня. Идею автономии Украины поддерживала и созданная в Харькове «Украинская студенческая громада» (Ми-

хальский 1995: 11). Кроме этих организаций, в Харькове в годы войны активизировались Украинский социалистический коллектив, группа федералистов, кружки самообразования, Юношеское сообщество левобережной Украины и т. д. Частично все эти организации находились под влиянием партийных групп Украинской социал-демократической рабочей партии (УСДРП), Украинской партии социалистов-революционеров (УПСР), Украинской народной партии (УНП). Наряду с активным продвижением культурной программы (заклучавшейся, в первую очередь, в борьбе за украинские язык и литературу) происходили политизация и радикализация национального движения. Распространялись мнения о необходимости государственной независимости на фоне усиления антироссийских, австро- и германофильских настроений - в основном из-за роста авторитета УНП, выступавшей за независимость Украины от России и разочарования в действиях социал-демократов и эсеров. Однако не стоит преувеличивать значение и авторитет украинских национальных организаций в студенческой среде. Как отмечает современный украинский исследователь С. А. Наумов, не имея под собой серьезной политической, организационной, теоретической подоплеки, указанные выше явления были локальными, нестойкими и невыразительными и, по сути, не оставили следа в общественной жизни (Наумов 2001: 176–181). Для сравнения: в 1908 г. в популярных объединениях украинской молодежи – студенческих громадах – было задействовано лишь 384 чел. (Жук 1939: 191), что, по нашим подсчетам, составляло не более 2 % от общего количества студенчества подроссийской Украины.

Подведем итоги. Первая мировая война стала катализатором социально-экономической и политической ситуации в Российской империи. Студенчество, по сути, оппозиционно настроенное к царской власти, в своей общественной позиции снова проявило амбивалентность: оппозиционность соединилась с альтруизмом и издавна присущим молодежи патриотизмом. В то же время студенты в трудной ситуации поддерживали простой народ – жертву конфликта, но не власть, участвовавшую в кровопролитии. Когда же война изрядно затянулась и каждый россиянин на себе почувствовал ухудшение экономического положения, дискриминацию по национальному признаку при призыве в армию, наконец, когда самих студентов силой отправляли в армию - только тогда, в 1916 г., молодая интеллигенция стала прагматичной. Очарование милитаристской риторики спало, а желание помочь Отечеству, ярко продемонстрированное студентами, рисковавшими собственными жизнями в 1914–1915 гг., покинуло умы и сердца молодого поколения. Февральская револю-

ция и последующие события, участниками которых были и студенты Украины, стали примером того, как неумение идти навстречу собственному народу приводит к краху государств и формированию новой политической картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

Асмус 2000 - Асмус В.Ф. Философия в Киевском университете в 1914–1920 годах (Из воспоминаний студента) // Alma Mater: Університет Св. Володимира напередодні та в добу Української революції 1917–1920: матеріали, документи, спогади: в 3 т. / автори-упорядники В.А. Короткий, В.І. Ульяновський. К., 2000. Кн. 1: Університет Св. Володимира між двома революціями. С. 250–272.

Вища школа 1967 - Вища школа Української РСР за 50 років: у 2 ч. (1917–1967) / керівник авт. колективу, відп. ред. В.І. Пітов. К.: Вид-во Київського ун-ту, 1967. Ч. 1: 1917–1945 рр. 395 с.

ГАК 1 - Государственный архив г. Киева. Ф. 153. Оп. 8. Д. 891. 98 л.

ГАК 2 - Государственный архив г. Киева. Ф. 244. Оп. 1. Ч. 1. Д. 12. 163 л.

ГАК 3 - Государственный архив г. Киева. Ф. 244. Оп. 1. Ч. 1. Д. 46. 94 л.

ГАК 4 - Государственный архив г. Киева. Ф. 297. Оп. 1. Д. 97. 1 л.

ГАК 5 - Государственный архив г. Киева. Ф. 308. Оп. 1. Д. 10. 34 л.

ГАОО - Государственный архив Одесской области. Ф. 62. Оп. 1. Д. 101. 61 л.

ГАХО 1 - Государственный архив Харьковской области. Ф. 3. Оп. 287. Д. 6047. 27 л.

ГАХО 2 - Государственный архив Харьковской области. Ф. 3. Оп. 289. Д. 5912. 73 л.

Жук 1939 - Жук А. Конференція українських студентських громад у Києві в 1908 р. (Матеріяли) // 3 минулого: збірник / ред. Р. Смаль-Стоцький. Варшава, 1939. Т. 2: Український студентський рух у російській школі. С. 175–192.

Завадский 1999 - Завадский Н.Г. Испытание войной: российское студенчество и политические партии в 1914 – февраль 1917 гг. СПб.: Нестор, 1999. 48 с.

Законы 1914 - Законы и распоряжения по обстоятельствам военного времени. К.: Тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1914. 40 с.

Иванов 1991 - Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М.: Моск. тип. № 7 «Искра революции», 1991. 392 с.

Иванов 1999 - Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века. Социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. 416 с.

Новороссийский университет 1915 - Императорский Новороссийский университет и война 1914–1915 г. / [сост. П.И. Иванов], Одесса: Тип. «Техник», 1915. 39 с.

Історія і сучасність 2009 - Історія і сучасність Національного гірничого університету (1899–2009 рр.) / за ред. проф. Г.К. Швидько. Дніпропетровськ: НГУ, «Ліра», 2009. 504 с.

- Історія Київського університету 1959 - Історія Київського університету. 1834–1959 / відп. ред. О. З. Жмудський. К.: Вид-во Київ. ун-ту, 1959. 632 с.
- К вопросу 1910 - К вопросу о кризисе студенчества // Студенческая жизнь. 1910. № 22 (18 июля). С. 1–2.
- Клопотовский 1893 - *Клопотовский В.И.* Сборник постановлений и распоряжений начальства по университету Св. Владимира и прочим русским университетам с 1878 по 1891 год включительно. К.: Тип. Императорского университета Св. Владимира, 1893. 275 с.
- Кобченко 2007 - *Кобченко К.* «Жіночий університет Святої Ольги»: історія Київських вищих жіночих курсів. К.: МП «Леся», 2007. 271 с.
- Короткі нариси 1940 - Короткі нариси з історії Харківського державного університету ім. О.М. Горького. Ювілейне видання. 1805–1940. Харків: видання ХДУ, 1940. 132 с.
- Кругляк 2010 - *Кругляк М.Е.* Життя та побут студентства підросійської України другої половини ХІХ – початку ХХ ст. : Дис... канд. іст. наук: 07.00.01 – історія України. К., 2010. 301 с.
- Михальський 1995 - *Михальський І.С.* Національно-політичний рух молоді в Україні в роки Першої світової війни (1914 – лютий 1917 р.). Луганськ: Б. в., 1995. 27 с.
- Морисси 1999 - *Морисси С.* Между патриотизмом и радикализмом: петроградские студенты в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война (Материалы Международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 288–302.
- Наумов 2001 - *Наумов С.О.* Національне питання в українських молодіжних організаціях Харкова (1914 – початок 1917 р.) // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. № 526. Історія. Харків, 2001. Вип. 33. С. 176–181.
- Нелегальні відозви 1925 - Нелегальні відозви з нагоди Шевченківських роковин / за ред. та з передмовою О.Ю. Гермайзе. К.: Державне вид-во України, 1925. 64 с.
- Новітня історія 2002 - Новітня історія України (1900–2000): підручник / А.Г. Слюсренко, В.І. Гусев, В.М. Литвин та ін. К.: Вища школа, 2002. 719 с.
- Одеській державній 2003 - Одеській державній музичній академії імені А.В. Нежданової – 90 / упор. Сокол О.В., Розенберг Р.М., Самойленко О.І. та ін. Одеса: Друк, 2003. 224 с.
- ОРФТИЛ - Отдел рукописных фондов и текстологии Института литературы им. Т.Г. Шевченко. Ф. 150. Д. 86. 395 л.
- Отчет 1914 - Отчет о состоянии и деятельности Екатеринославского горного института // Известия Екатеринославского горного института за 1914 год. Екатеринослав, 1914. Вып. 1. С. 1–87.
- Отчет 1915 - Отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1915 год. Одесса: Тип. «Техник», 1916. 440 с.
- Отчет 1914-1915 - Отчет о состоянии Императорской Киевской духовной Академии за 1914–1915 учебный год // Труды Киевской духовной Академии. 1916. № 7–8. С. 1–50.

Путро 2011 - *Путро О.І.* Студенти-іноземці Київської духовної академії: XIX – початок XX ст. // Вісник Державної академії керівних кадрів культури і мистецтв: науковий журнал. 2011. № 1. С. 140–147.

Струмилин 1979 - *Струмилин С.Г.* Статистика и экономика. М.: Изд-во АН СССР, 1979. 490 с.

Філіал ГАЧО - Філіал Государственного архива Черниговской области в г. Нежине. Ф. 1105. Оп. 1. Д. 2085. 265 л.

Фурсенко 1968 - *Фурсенко И.Д.* Харьковский Ордена Трудового Красного Знамени сельскохозяйственный институт имени В.В. Докучаева. Очерки истории. К.: Изд-во «Урожай», 1968. 168 с.

Харківський університет 2004 - Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна за 200 років / В.В. Кравченко, С.І. Посохов, В.І. Кадєєв та ін. Харків: Фоліо, 2004. 750 с.

Харьковский институт 1985 - Харьковский политехнический институт. 1885–1985. История развития. Харьков: Издат. при ХГУ издат. объедин. «Вища школа», 1985. 224 с.

ЦГИАУ - Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев. Ф. 707. Оп. 82. Д. 48. 163 л.

Чуткий 2008 - *Чуткий А.* Київський університет у 1914–1916 pp.: забута історія першої евакуації // Історичний журнал. 2008. № 4. С. 71–80.

References

Asmus 2000 – *Asmus V.F.* Filosofia v Kievskom universitete v 1914–1920 godah (Iz vospominaniy studenta), Alma Mater: Universytet sv. Volodymyra naperedodni ta v dobu Ukrayins'koyi revoliutsii: materialy, dokumenty, spogady: v 3 t., avtory-uporiadnyky V.A. Korotkyi, V.I. Uliyanovs'kyi, Kiev, 2000, kn. 1: Universytet sv. Volodymyra mizh dvoma revoliutsiiamy, pp. 250–272.

Vishcha shkola 1967 – Vyshcha shkola Ukrayins'koyi RSR za 50 rokiv: u 2 ch. (1917–1967), kerivnyk avt. kolektyvu, vidp. red. V.I. Pitov, Kiev, Vyd-vo Kyivs'kogo un-tu, 1967, Ch. 1: 1917–1945 rr., 395 p.

GAK 1 - Gosudarstvennyi arhiv g. Kieva [State Archive of Kiev], f. 153, inv. 8, d. 891. 98 sh.

GAK 2 - Gosudarstvennyi arhiv g. Kieva, f. 244, inv. 1, ch. 1, d. 12. 163 sh.

GAK 3 - Gosudarstvennyi arhiv g. Kieva, f. 44, inv. 1, ch. 1, d. 46, 94 sh.

GAK 4 - Gosudarstvennyi arhiv g. Kieva, f. 297, inv. 1, d. 97, 1 sh.

GAK 5 - Gosudarstvennyi arhiv g. Kieva, f. 308, inv. 1, d. 10, 34 sh.

GAOO – Gosudarstvennyi arhiv Odesskoi oblasti [State Archives of the Odessa region], f. 62, inv. 1, d. 101, 61 sh.

GAKhO 1- Gosudarstvennyi arhiv Khar'kovskoi oblasti [State Archives of Kharkiv region], f. 3, inv. 287, d. 6047, 27 sh.

GAKhO 2 – Gosudarstvennyi arhiv Khar'kovskoi oblasti, f. 3, inv. 289, d. 5912, 73 sh.

Zhuk 1939 – *Zhuk A.* Konferentsiia ukrayins'kykh studentskykh gromad u Kyievi v 1908 r. (Materialy), Z mynulogo: zbirnyk, red. R. Smal'-Stots'kyi, Warsaw, 1939. t 2, Ukrayins'kyi students'kyi ruh u rosiys'kiy shkoli, pp. 175–192.

Zavadskiy 1999 – *Zavadskiy N.G.* Ispytanie voynoy: rossiyskoe studenchestvo i politicheskie partii v 1914 – fevral' 1917 gg., Saint Petersburg, Nestor, 1999, 48 p.

Zakony 1914 – Zakony i rasporiazheniia po obstoiatel'stvam voennogo vremeni, Kiev, tip. T-va I. N. Kushnerev i K^o, 1914, 40 p.

Ivanov 1991 – *Ivanov A. E.* Vysshiaia shkola Rossii v kontse XIX – nachale XX veka, Moscow, Mosk. tip. Nr 7 "Iskra revoliutsii", 1991, 392 p.

Ivanov 1999 – *Ivanov A. E.* Studenchestvo Rossii kontsa XIX – nachala XX veka. Sotsial'no-istoricheskaja sud'ba, Moscow, ROSSPEN, 1999, 416 p.

Novorossiyskiy universitet 1915 – Imperatorskiy Novorossiyskiy universitet i voina 1914–1915 g., sost. P. I. Ivanov, Odessa, tip. "Tekhnika", 1915, 39 p.

Istoriya i suchasnist' 2009 – Istoriia i suchasnist' Natsional'nogo girnychogo universytetu (1899–2009 rr.), za red. prof. G.K. Shvyd'ko, Dnipropetrovs'k, NGU, "Lira", 2009, 504 p.

Istoriya Kiivs'kogo universitetu 1959 – Istoriia Kyivs'kogo universytetu. 1834–1959, vidp. red. O. Z. Zhmud's'kyi, Kiev, Vyd-vo Kyiv. un-tu, 1959, 632 p.

K voprosu 1910 – K voprosu o krizise studenchestva, Studencheskaia zhzhn', 1910, Nr 22 (18 iulija), pp. 1–2.

Klopotovskiy 1893 – *Klopotovskiy V.I.* Sbornik postanovleniy i rasporiazheniy nachal'stva po Universitetu Sv. Vladimira i prochim russkim universitetam s 1878 po 1891 god vkluchitel'no, Kiev, tp. Imperatorskogo Universiteta Sv. Vladimira, 1893, 275 p.

Kobchenko 2007 – *Kobchenko K.* "Zhinochy universytet Sviatoi Ol'gy": istoriia Kyivs'kyh vyshchyh zhinochyh kursiv, Kiev, MP "Lesia", 2007, 271 p.

Korotki narisi 1940 – Korotki narysy z istoriyi Kharkivs'kogo derzhavnogo universytetu im. O.M. Hor'kogo, luvileine vydannia, 1805–1940, Kharkiv, Vydannia HDU, 1940, 132 p.

Krugliak 2010 – *Krugliak M.E.* Zhyttia ta pobut studentstva pidrosiys'koyi Ukrainy drugoyi polovyny XIX – pochatku XX st., Dys... kand. ist. nauk, 07.00.01 – istoriia Ukrainy, Kiev, 2010, 301 p.

Mikhal's'kiy 1995 – *Mykhal's'kyi I.S.* Natsional'no-politychnyi ruh molodi v Ukraini v roky Pershoyi svitovoyi viyny (1914 – liutyi 1917 r.), Luhans'k, B. v., 1995, 27 p.

Morissi 1999 – *Morissi S.* Mezhdunarodnyy patriotizm i radikalizm: petrogradskie studenty v gody Pervoy mirovoy voyny, Rossiia i Pervaia mirovaia voina (Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma), Saint Petersburg, 1999, pp. 288–302.

Naumov 2001 – *Naumov S.O.* Natsional'ne pytannia v ukraïns'kykh molodizhnykh organizatsiiakh Kharkova (1914 – pochatok 1917 r.), Visnyk Kharkivs'kogo natsional'nogo universytetu im. V.N. Karazina, Nr 526, Istoriia, Kharkiv, 2001, vyp. 33, pp. 176–181.

Nelegal'ni vidozvy 1925 – Nelegal'ni vidozvy z nagody Shevchenkivs'kykh rokiv, za red. ta z peredmovoio O.lu. Germaize, Kiev, Derzhavne vyd-vo Ukrainy, 1925, 64 p.

Novitnya istoriia 2002 – Novitnia istoriia Ukrainy (1900–2000): pidruchnyk, A.G. Sliusarenko, V.I. Gusev, V.M. Lytvyn ta in, Kiev, Vyshcha shkola, 2002, 719 p.

Odes'kiy derzhavniy 2003 – Odes'kiy derzhavniy muzychniy akademiya

imeni A. V. Nezhdanovoyi – 90, upor. Sokol O.V., Rozenberg R.M., Samoylenko O.I. ta in, Odesa, Druk, 2003, 224 p.

ORFTIL – Otdel rukopisnyh fondov i tekstologii Instituta literatury im. T.G. Shevchenko [Department of the manuscript collection of the Institute of Literature and Textual], f. 150, d. 86, 395 sh.

Otchet 1914 – Otchet o sostoianii i deiatel'nosti Ekaterinoslavskogo gornogo instituta, Izvestiia Ekaterinoslavskogo gornogo instituta za 1914 god. Ekaterinoslav, 1914, vyp. 1, pp. 1–87.

Otchet 1915 – Otchet o sostoianii i deiatel'nosti Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta za 1915 god, Odessa, tip. "Tekhnik", 1916, 440 p.

Otchet 1914-1915 – Otchet o sostoianii Imperatotskoy Kievskoy duhovnoy Akademii za 1914–1915 uchebnyi god, Trudy Kievskoy duhovnoy akademii, 1916, № 7-8, pp. 1–50.

Putro 2011 - *Putro O. I.* Studenty-inozemtsi Kyivs'koyi duhovnoyi akademiyi: XIX – pochatok XX st., Visnyk Derzhavnoyi akademiyi kerivnyh kadrov kul'tury i mystetstv: naukovyi zhurnal, 2011. Nr 1, pp. 140–147.

Strumilin 1979 - *Strumilin S. G.* Statistika i ekonomika, Moscow, izd-vo AN SSSR, 1979, 490 p.

Filial GACHO – Filial Gosudarstvennogo arhiva Chernigovskoy oblasti v g. Nezhine [Branch of the State Archives of Chernihiv region], f. 1105, inv. 1, d. 2085. 265 sh.

Fursenko 1968 – *Fursenko I.D.* Khar'kovskiy Ordena Trudovogo Krasnogo Znameni sel'skohoziaystvennyi institut imeni V.V. Dokuchaeva, Ocherki istorii. Kiev, izd-vo "Urozhay", 1968, 168 p.

Kharkivs'kiy universitet 2004 – Kharkivs'kyi natsional'nyi universytet im. V. N. Karazina za 200 rokiv, V.V. Kravchenko, S.I. Posohov, V.I. Kadeev ta in, Kharkov, Folio, 2004, 750 p.

Khar'kovskiy institut 1985 – Khar'kovskiy politehnicheskii institut. 1885–1985. Istoriia razvitiia, Kharkov, izdat. pri HGU izdat. obyed. "Vyshcha shkola", 1985, 224 p.

TsGIAU - Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Ukrainy, g. Kiev [Central State Historical Archive of Ukraine, Kiev], f. 707, inv. 82, d. 48, 163 sh.

Chutkiy 2008 - *Chutkyi A.* Kyivs'kyi universytet u 1914–1916 rr.: zabuta istoriia pershoi evakuatsiyi, Istorychnyi zhurnal, 2008, Nr 4, pp. 71–80.

Кругляк Марина Эдуардовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Житомирского государственного технологического университета.

Krugliak Marina – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Social Sciences of Zhitomir State Technological University.

E-mail: marinakrugljak@ukr.net

УДК 94(47)"1914/17"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/37/9

ОТНОШЕНИЕ АДМИНИСТРАЦИИ БЕССАРАБИИ К ПРОЖИВАВШИМ НА ТЕРРИТОРИИ ГУБЕРНИИ ПОДДАННЫМ АВСТРО-ВЕНГРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С.Г. Суляк

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
Молдова, Приднестровье, 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Researcher ID: D-6981-2014

Scopus Author ID: 55359315000

<http://orcid.org/0000-0001-5040-9080>

SPIN-код: 6908-8277

Авторское резюме

После присоединения в 1812 г. к России территории между Прутом и Днестром север Бессарабии заселялся русинами, выходцами из присоединенной к в 1774 г. к Австрии Буковины. Многие из переселенцев, оставшиеся здесь на постоянное место жительства, принимали российское подданство.

В начале XX в. в Бессарабии проживало свыше 250 тыс. русинов. К сожалению, эти цифры весьма условны и не показывают реального количества мигрантов. Некоторые исследователи указывают на массовое переселение в Бессарабию русинов из Австро-Венгрии перед началом войны.

В Бессарабской губернии, по данным переписи 1897 г., проживало 23 157 иностранцев, в том числе австро-венгерских подданных (в основном русинов) - 15 994 чел.

Положение австро-венгерских граждан на территории Бессарабии изменилось перед началом и в годы Первой мировой войны, когда они автоматически превратились в подданных воюющих с Россией государств.

В целом же в Бессарабской губернии отношение к русинам, как и к другим славянам - подданным стран, воевавших с Россией, было вполне либеральным. Русинов, приписывавшиеся в то время к малороссам, считались представителями русского народа. В связи с этим им не запрещалось испрашивать и получать российское подданство - как перед войной, так и после ее начала. Даже когда Бессарабская губер-

ния стала прифронтовым районом, местные власти по ходатайству землевладельцев не высылали из Бессарабии русинов - подданных Австро-Венгрии.

Ключевые слова: подданные Австро-Венгрии, русины, Бессарабия, славяне, Первая мировая война, высылка, иностранные подданные.

The Attitude of the Administration of Bessarabia Towards the Subjects of the Austro-Hungarian Empire Living in the Territory of its Province During WWI

S.G. Sulyak

Taras Shevchenko State University of Transnistria
107, October 25 str., Tiraspol, 3300, Transnistria, Moldova
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

After the annexation of the territory between the Pruth and Dniester Rivers in 1812 by Russia, the north of Bessarabia was settled by Rusin immigrants from Bukovina, which had been annexed by Austria in 1774. Many of the settlers, who remained in Bessarabia permanently, accepted Russian citizenship. At the beginning of the 20th C. over 250 thousand Rusins lived in Bessarabia. Unfortunately these figures are relative and do not show the true number of migrants. Several researchers indicate that there was a massive settlement of Rusins to Bessarabia from the Austro-Hungarian Empire before the beginning of WWI.

According to the census of 1897, 23 157 foreigners resided in Bessarabia. 15 994 were Austro-Hungarian subjects (basically Rusins).

The situation for the Austro-Hungarian subjects on the territory of Bessarabia changed before and during WWI, when their status automatically changed into being subjects of a state which was at war with Russia.

On the whole, in the Province of Bessarabia the attitude toward the Rusins, as to the other Slavs, who were subjects of a state which was at war with Russia, was totally liberal. The Rusins, who registered themselves at the time as Little Russians, were considered as representatives of the Russian nation. Along with this it was not forbidden to apply for and receive Russian citizenship - as before the war as well as after it began. Even when Bessarabia was a zone of the front, the local authorities, at the request of the landowners, did not deport the Rusins, as subjects of Austro-Hungary, from Bessarabia.

Keywords: Subjects of Austro-Hungary, Rusins, Bessarabia, Slavs, WWI, deportation, foreign subjects.

В отличие от других российских губерний, присоединенная в 1812 г. территория между Прутом и Днестром, получившая название Бессарабия, в значительной степени (особенно юг и север) заселялась выходцами с Балкан и из Молдавского княжества (в т. ч. и из присоединенной в 1774 г. к Австрии Буковины). Многие из переселенцев, оставшиеся здесь на постоянное место жительства, принимали российское подданство.

В начале XX в. в Бессарабии проживало свыше 250 тыс. русинов (Берг 1918: 107; Берг 1923: 17; Бессарабия 1903: 179; Бутович 1916: 9-15; Несторовский 1905: 11). К сожалению, эти цифры весьма условны и не показывают реального количества мигрантов. Некоторые исследователи указывают на массовое переселение в Бессарабию русинов из Австро-Венгрии перед началом войны (Берг 1923: 17).

За годы нахождения Бессарабии в составе России в канцелярии губернатора в отношении русинов было заведено только одно дело (в 1867 г.) - «Об австрийскоподданных, прибывающих в Бессарабскую область в большом количестве». Отчитываясь в 1868 г. по результатам расследования, губернатор генерал-майор И.Е. Гангардт сообщил новороссийскому и бессарабскому губернатору генералу П.Е. Коцебу: «...по настоящее время не поступало никаких донесений, порицающих достоинство проживающих в Бессарабии лиц австрийского подданства или дающих повод заключить о их неблагонадежности» (НАРМ 1: 99-100). После этого никаких дополнительных наблюдений за австрийскими подданными - русинами не велось.

Положение австро-венгерских граждан на территории Бессарабии изменилось перед началом и в годы Первой мировой войны, когда они автоматически превратились в подданных воюющих с Россией государств. Этот период до сих пор является одной из малоизученных страниц нашей истории. Частично прояснить ситуацию могут дела, находящиеся в фондах «Канцелярия бессарабского губернатора», «Органы полиции Бессарабии», «Бессарабское губернское жандармское управление Министерства внутренних дел» Национального архива Республики Молдова.

С 1828 по 1915 г. в России постоянно проживало 1,459 млн выходцев из Германии (35,1% от всех переселенцев) и 888 тыс. подданных Австро-Венгрии (21,4 %) (Оболенский 1928: 108), среди которых первое место занимали галичане (и буковинцы), поляки, чехи (Оболенский 1928: 109). С 1911 по 1915 г. в Россию иммигрировало 59 тыс. граждан Германии и 41 тыс. - Австро-Венгрии (Оболенский 1928: 110). Часть иммигрантов со временем принимала российское подданство.

По результатам переписи 1897 г. видно, что из 158,1 тыс. проживавших в России германских подданных 0,5 % находилось в Бесса-

рабии. Австро-венгерских подданных было 121,6 тыс. чел., из них в Бессарабии - 13,2 % (Оболенский 1928: 111).

Из находившихся в пределах России в 1897 г. немцев 38,9 % было занято в сельском хозяйстве, 25,3 % - в промышленности (Оболенский 1928: 114). 60 % германских и почти 80 % австро-венгерских подданных оказалось в русской части Польши и приграничных губерниях (Оболенский 1928: 112). 82 % выходцев из Австро-Венгрии проживало в сельской местности, большинство из них было сельскохозяйственными рабочими и пауперизированными (неимущими) крестьянами (Оболенский 1928: 115).

Считается, что к началу Первой мировой войны в 1914 г. в России проживало примерно 170 тыс. германских и 120 тыс. австрийских подданных (Белова 2011: 112).

В Бессарабской губернии, по данным переписи 1897 г., проживали 23 157 иностранцев, в том числе австро-венгерских подданных (в основном русинов) - 15 994 чел. (69,1 %), турецких - 1 267 (5,5 %), прусских - 473 (2 %), германских - 330 (1,4 %), болгарских - 400 (1,7 %) (Перепись 1905: XVIII). Из 21 687 подданных Российской империи, живших в Бессарабии и родившихся за границей, 12 014 чел. появились на свет в Австро-Венгрии (Перепись 1905: XVI).

Хотя списки иностранных подданных, проживавших в губернии, составлялись регулярно, вряд ли можно было считать их полными. Многие выходцы из австрийской Буковины по несколько десятков лет проживали со своими семьями в различных селах Бессарабии, в чем были заинтересованы местные помещики и арендаторы. Подобные случаи выявлялись случайно, как в деле «Сведения об австрийских подданных, проживающих в Бессарабии», начатом 18 января 1913 г. и завершеном уже во время войны, 23 сентября 1914 г. Оно было посвящено разбирательству по поводу прошения 25 русинов – австрийских подданных, проживавших в с. Слободзея-Реча Бельцкого уезда (север Бессарабии), о принятии их вместе с членами их семей в российское подданство. В ходе расследования выяснилось, что некоторые из подавших петицию проживали в Бессарабии свыше 30 лет безвыездно, без паспортов, видов и разрешений, у них здесь родились дети. Однако все они формально продолжали считаться гражданами Австро-Венгрии (НАРМ 2).

Незадолго до начала войны администрация губернии получила первые распоряжения, касавшиеся дальнейших судеб военнообязанных из числа германских и австрийских подданных. 21 июня 1914 г. бессарабский губернатор М.Э. Гильхен довел до сведения начальника Бессарабского губернского жандармского управления, что «генерал-лейтенант Васильев телеграммой от сего числа

за № 173 просит распорядиться о высылке за границу германских и австрийских военнообязанных, не задерживая их в местах жительства. Отказывающихся же считать дезертирами, подлежащими высылке в заволжские губернии» (НАРМ 7: 4).

На следующий день жандармское управление получило распоряжение из Одессы за подписью подполковника отдельного корпуса жандармов Н.Н. Аплечеева о том, что «по распоряжению Главного управления Генерального штаба подозрительные иностранцы подлежат высылке за волжские губернии, отнюдь не за границу» (НАРМ 7: 5).

В тот же день губернатор перенаправил начальнику жандармского управления полученную им за день до этого телеграмму из штаба Киевского военного округа по вопросу высылки подозрительных иностранцев в Заволжские губернии, где за подписью начальника штаба Киевского военного округа генерал-лейтенанта В.М. Драгомирова указано, что «подозрительные иностранцы подлежат высылке в заволжские губернии, отнюдь не за границу» (НАРМ 7: 6-7).

25 июля начальник Бессарабского губернского жандармского управления полковник К.Ф. Нордберг¹ довел это распоряжение до своих помощников (НАРМ 7: 8).

24 июля жандармское управление получило телеграмму из Одессы - из полевого штаба армии. В ней говорилось: «Полевой штаб армии приказал Вас уведомить для распоряжения: с военнообязанными германскими подданными следует поступать как с военнопленными распоряжением приказа военного ведомства 1904 г. № 276 (*имеется в виду «Временное положение о военнопленных русско-японской войны 1904 г. – С.С.*) Заподозренных в шпионстве **и прочих германских подданных** (*выделено нами. – С.С.*) распоряжением административных властей высылать в заволжские губернии. Германским консулам предложить немедленно оставить Россию, направляя их под строгим наблюдением отнюдь не через западную границу, а через Финляндию или Дальний Восток» (НАРМ 7: 18).

Сразу же полковник Нордберг известил об этом кишиневского полицмейстера (НАРМ 7: 20). 26 июля 1914 г. последний доложил полковнику Нордману, что в 10 ч. 10 мин. состоявший в Кишиневе нештатным германским консулом Павел Густав Краузе получил на вокзале сообщение, что он высылается по распоряжению полевого штаба армии через Финляндию поездом. Дальнейшее наблюдение за ним по распоряжению начальника жандармского управления передано жандармской железнодорожной полиции (НАРМ 7: 33).

В тот же день бессарабский губернатор получил телеграмму из Одессы за подписью генерал-квартирмейстера штаба Одесского военного округа М.И. Шишкевича, которую он переправил Нордбергу.

В ней говорилось, что «всех военнообязанных германских подданных следует считать военнопленными, поступая с ними до выхода нового положения согласно приказу военного ведомства 1904 г. № 276; подозрительных в отношении шпионства *из прочих германских подданных* (выделено нами. – С.С.) выселять в заволжские губернии распоряжением местных властей» (НАРМ 7: 27).

Через день Шишкевич телеграфировал губернатору: «... военнообязанных выслатъ непосредственно к местам назначения, минуя штаб округа. Штатные германские консулы подлежат немедленной высылке за границу через Финляндию или Дальний Восток» (НАРМ 7: 30).

25 июля полковник Норберг обратился к подполковнику Н.Н. Аплееву с запросом: 24 июля в телеграмме встречается выражение «...и прочих германских подданных», а 25 июля от бессарабского губернатора приходит аналогичная телеграмма за № 445 из полевого штаба Одесского округа, где вышеприведенная фраза выражена так: «...из прочих германских подданных...». «Это обстоятельство совершенно меняет смысл всего распоряжения и заставляет меня обратиться к Вам с просьбой разъяснить, какое из двух выражений соответствует действительности», - пишет он (НАРМ 7: 32-33 об.). 27 июля Норберг получил ответ, что «выражение "и из прочих германских подданных" было... заимствовано дословно из телеграммы распоряжений Главного управления Генерального штаба, и, так как было приказано быстро передать, то поручено мне сохранить эту редакцию, хотя внушавшую некоторые сомнения в ее правильности. Впоследствии же полевой штаб по своему усмотрению или по другим обстоятельствам, мне неизвестно, изменил редакцию "и прочих" на "из прочих"». (НАРМ 7: 41).

26 июля губернатор получил телеграмму от Драгомирова, в которой сказано, что «всех военнообязанных австрийскоподданных следует считать военнопленными, поступая с ними до выхода нового положения применительно к высочайшеутвержденному положению о военнопленных, объявленному приказом военного ведомства № 276 в 1904 г. Подозрительных в отношении шпионства из прочих австрийских подданных выслатъ в заволжские губернии распоряжением административных властей» (НАРМ 7: 38).

28 июля 1914 г. начальник жандармского управления получил телеграмму из МВД, подписанную начальником штаба Отдельного корпуса жандармов полковником В.П. Никольским: «Все германские и австрийские подданные, числящиеся на действительной военной службе, считаются военнопленными и подлежат немедленному аресту, и в дальнейшем с ними следует поступать по указанию военного начальства. Запасные чины также признаются военнопленными и

высылаются из местностей Европейской России и Кавказа в Вятскую, Вологодскую и Оренбургскую губернии. А из Сибири - в Якутскую область. Арестованные с уликами [о] шпионстве предаются суду, арестованные лишь по подозрению, но без определенных улик, высылаются в упомянутые губернии. Мирно занимающиеся австрийцы и германцы, находящиеся вне всякого подозрения, могут оставаться в своих местах и пользоваться покровительством наших законов или выехать за границу, семьи высылаемых австрийцев и германцев могут следовать за ними. Австро-венгерским и германским консулам разрешается выехать на родину, если против нет указаний на участие шпионстве, в последнем случае они не выпускаются, а сведения о них сообщаются Министерству внутренних дел для надлежащих сношений. Все вопросы о консульских полномочиях разрешаются Министерством иностранных дел, куда и надлежит обращаться в случае возникновения недоразумений. Австрийские и германские дезертиры, водворенные до войны, остаются на прежнем основании с усилением надзора за ними. Сообщаю о вышеизложенном для точного выполнения соответствующих распоряжений подведомственным Вам частям» (НАРМ 7: 39).

29 июля 1914 г. бессарабский губернатор получил телеграмму за подписью генерал-губернатор Одесского военного округа М.И. Эбелова, где были даны дополнительные разъяснения относительно военнообязанных германцев и австрийцев: «...благоволите всех арестованных, кроме шпионов, освободить и не высылать, так как для военнопленных учреждается особый сборный пункт, откуда эти люди отправятся в отдаленные губернии по указанию Генерального штаба, в зависимости от распоряжения уездных воинских начальников. Не военнообязанные не подлежат [высылке], кроме подозреваемых в шпионстве» (НАРМ 7: 43-43 об.)

В тот же день пришла телеграмма из Штаба отдельного корпуса жандармов начальникам губернских, городских, областных и железнодорожных жандармских управлений за подписью начальника штаба полковника Никольского, в которой говорится, что «ввиду призыва Австрией и Германией всех способных носить оружие, все австрийские и германские подданные мужского пола 18 до 45 лет (*т. е. физически способных носить оружие. - С.С.*) должны считаться военнопленными и подлежать немедленному аресту и высылке в места, указанные телеграммой 402, за исключением состоящих на действительной военной службе, которые должны содержаться под стражей и коим в дальнейшем надлежит поступать [по] указаниям военного начальства. Те из упомянутых первой категории лиц, благонадежность [и] лояльность коих по сведениям Вашим не подлежат

никакому сомнению, могут с согласия военного начальства оставаться на свободе [в] месте их жительства [под] наблюдением полиции с отобранием подписки [о] невыезде. Заведомо больные и неспособные [к] военной службе аресту и высылке не подлежат. Документы на отлучку за границу германцам и австрийцам выдаче не подлежат. Вопросы отсрочки высылки разрешаются Вами соглашением военного начальства» (НАРМ 7: 63).

Согласно вышеперечисленным распоряжениям, выселение австро-венгерских и германских подданных призывного возраста во внутренние губернии началась незадолго до объявления войны. Тем, чья благонадежность не вызвала сомнения, разрешалось оставаться на месте под надзором полиции после подписки о невыезде (Белова 2011: 112).

Для проведения первых массовых высылки МВД открыло ряд этапных пунктов в крупных городах по всей империи. Для их создания использовались тюрьмы, охраняемые бараки или наскоро обустроенные лагеря временного содержания. Отсюда выселенцев под охраной партиями отправляли в опечатанных товарных вагонах в одну из предварительно назначенных губерний. Всего интернирование затронуло около 50 тыс. чел., проживавших на подконтрольных военным властям территориях (из 600 тыс. подданных вражеских государств) (Лор 2012: 146).

В июле 1914 г. местами высылки были определены Вятская, Вологодская и Оренбургская губернии. С 1915 г. военнообязанных, причем вместе с семьями, стали высылать в Саратовскую, Уфимскую и Казанскую, затем - в Пермскую и Енисейскую губернии. Всего в 1914 г. было переведено во внутренние губернии 68 тыс. «гражданских выселенцев», в 1915 г. - 134 тыс., в 1916 г. - более 41 тыс., в 1917 г. - более 11 тыс. чел. (Белова 2011: 113).

К примеру, 19 марта 1915 г. Бельцкое уездное губернское управление выслало в Уфимскую губернию 36 подданных Австро-Венгрии, 21 марта - 72. Во многих случаях (это касается не только Бессарабии) это были мужчины непризывного возраста, женщины и дети (Масалимов, Масалимов 2007: 146).

Все высланные австро-венгерские и немецкие подданные, хотя и находились под надзором полиции, пользовались свободой и не привлекались к обязательному труду (Калякина 2013: 16).

Хотя государство взяло на себя обеспечение «мирнопленных», оплачивало им наем квартир и питание, выделенных средств не всегда хватало. Если в начале 1915 г., к примеру, полицейское управление Уфимской губернии справлялось с решением вопросов размещения и питания австрийских и немецких подданных, то из-за большого

количества прибывавших со второй половины года военнопленных делать это стало сложнее (Масалимов, Масалимов 2007: 147-148).

Схожие меры в отношении российских граждан приняли Австро-Венгрия и Германия. В то время мужчин призывного возраста воспринимали как потенциальных вражеских солдат, которые в случае выезда на родину призывались в армию. Такие мужчины составили основную часть интернированных в годы Первой мировой (Лор 2012: 146).

На момент начала войны несколько тысяч российских подданных по тем или иным причинам находилось на территории Германии и Австро-Венгрии: одни отдыхали на курортах или были туристами (в то время в России были очень популярны курорты Мариенбад, Карлсбад, Баден-Баден и др.), другие учились в престижных учебных заведениях этих стран, кто-то оказался на территории противника по делам бизнеса или проезжал транзитом. В Германии работали крестьяне -«отходники» и отхожие рабочие, которых, по некоторым данным, на момент объявления войны было более 350 тыс. чел.² В связи с серьезной нехваткой рабочих рук они представляли для нее стратегическую ценность (Абдрашитов 2012: 170).

В начале войны между правительствами России, Австро-Венгрии и Германии было достигнуто соглашение по обмену гражданскими подданными (Лор 2012: 146).

Российское правительство учитывало, что немало российских подданных находилось на территории Германии и Австрии и что «установленные в Германии или Австро-Венгрии того или иного порядка содержания наших военнопленных и принятие по отношению к ним тех или иных мер в значительной мере зависят от осуществления с нашей стороны взаимства по отношению к установлению условий, в которых находятся водворенные в Империю неприятельские подданные тех же категорий» (РГИА: 10-11).

Очевидцы описывали проявление жестокости со стороны полиции в отношении российских подданных. Мужчины и женщины в массово помещались в тюрьмы, зачастую в одиночные камеры (Абдрашитов 2012: 174). Вместе с родителями в тюрьмах оказывались и дети. Отдельной темой пребывания российских подданных в первые дни на территории Германии и Австро-Венгрии стало сексуальное насилие над незащитными женщинами, устраивавшееся немецкими офицерами, и их избиение (Абдрашитов 2012: 175).

Поведение немецких властей (особенно военных) противоречило как общепринятым моральным, так и правовым нормам (Абдрашитов 2012: 176).

Разумеется, это были скорее отдельные случаи. Российских подданных, задержанных как военнообязанных, взяло под охрану

посольство Испании, которое проводило расследование жалоб российских граждан по просьбе МИДа России (РГИА: 5). В Германии задержанные русские подданные находились на свободе (за исключением подозрительных или обвиненных в каких-либо преступлениях). Им разрешено было пребывать в различных местностях внутри страны, кроме особо указанных мест, укрепленных и стратегических пунктов и приморской полосы. В местах своего жительства русские подданные пользовались свободой при условии соблюдения особых полицейских требований, установленных для контроля и надзора за ними. К таким требованиям относились, например, необходимость периодической явки к полицейским властям, запрет отлучаться из района проживания и т. д. Из русских подданных, задержанных в Австро-Венгрии, находились под стражей («интернировались») лишь лица подозрительные, а также неимущие. Они не подвергались режиму, установленному для преступников, но были обязаны оставаться в помещениях, предназначенных для содержания, и подчиняться определенным правилам. От правительства им выдавалась в достаточных количествах пища и в случае надобности - одежда. Все прочие русские должны были оставаться в определенных городах или местностях, причем в пределах их местожительства им предоставлялась более или менее полная свобода.

У российских подданных была возможность при соблюдении установленных правил получать письма, деньги и пособия от испанского посольства и консульств - как на прожитие, так для возвращения на родину. Также они могли получать деньги из России.

Право отправлять и получать корреспонденцию сопровождалось соблюдением определенных правил и требований цензуры (РГИА: 6-7).

Находившимся в Германии сельскохозяйственным рабочим (до 200 тыс. чел.) вначале препятствовали в выезде военные власти, которые пытались ввести принудительные контракты, чтобы оставить их в стране. Однако после заявления российского МИДа о том, что германские подданные тоже будут привлекаться к принудительным работам, распоряжение военных властей было отменено (РГИА: 10).

В Российской империи подданные враждебных государств славянского происхождения зачастую не подвергались депортации. 14 августа 1914 г. МВД приняло решение, согласно которому разрешалось исключить из списков депортируемых мужчин призывного возраста сербской, чешской и русинской национальностей (Лор 2012: 186).

25 августа подобное предписание издал под № 2640 бессарабский губернатор. Согласно этому документу, германские и австро-венгерские подданные от 18 до 45 лет, хотя и считавшиеся военнообязанными, «но, как происходящие из чехов и галичан и вообще из славян,

освобождены под особые расписки не отлучаться из места своего жительства». Освобождались и те, кто был не способен носить оружие и вообще не годен к военной службе, а также армяне-григориане и армяне-католики. 22 сентября 1915 г. бессарабский губернатор получил распоряжение от управляющего Министерством внутренних дел князя Н.Б. Щербатова о том, что ввиду «благожелательного отношения к России проживающих в ней болгар, которые, возможно, не пожелают вернуться на родину и вступить в ряды болгарской армии, правила о высылке не должны огульно применяться к ним, и они могут быть оставлены в настоящих местах жительства на тех же льготных основаниях, как и турецкие подданные христиане. Местом водворения неблагонадежных военнообязанных болгар мною назначена Ярославская губерния. Болгары, особенно к нам расположенные, могут быть освобождены от всяких ограничений, установленных для неприятельских подданных». В октябре 1915 г. местом ссылки вместо Ярославской губернии стала Тамбовская (НАРМ 3: 1). В июне 1916 г. стали высылать всех военнообязанных и нелояльных болгарских подданных (НАРМ 3: 9). Бессарабский генерал-губернатор М.М. Воронович приостановил высылку болгар-огородников призывного возраста. В июле он отменил высылку болгарских подданных армянского происхождения и приостановил до окончания полевых работ высылку землевладельцев, чье «оставление на местах будет признано безопасным» (НАРМ 3: 63, 69). По требованию военных властей высылались все болгарские подданные, проживавшие в местностях, в которых было объявлено военное положение. Однако оставались на месте (правда, под надзором полиции) проживавшие вне театра военных действий. От высылки и надзора освобождались болгарские подданные - офицеры и военнослужащие русской армии, лица, состоявшие на государственной службе, их семейства, учащиеся и «вообще отдельные лица, коих благонадежность была удостоверена надлежащими гражданскими и военными властями» (НАРМ 3: 75, 75 об.).

Разумеется, каждый случай рассматривался отдельно. Нередко гражданская администрация ходатайствовала перед уездным воинским начальством о тех лицах (в том числе и австрийскоподданных русинах), которые подали прошение о принятии в российское подданство (НАРМ 6: 1-4). Если такие лица были депортированы до получения российского гражданства, то посылался запрос о их местонахождении для вручения соответствующего предписания (НАРМ 2: 127 об.).

В то же время за пределы губернии высылались русины, в т. ч. и российские подданные, подозревавшиеся в шпионаже (НАРМ 4).

Когда в октября 1915 г. составлялись списки австрийских подданных, выселявшихся за 50 верст от пограничной полосы (на основании

циркуляра главного начальника Одесского военного округа), некоторые русины со своими семьями остались на местах проживания согласно ходатайствам землевладельцев (НАРМ 5: 44, 50, 57).

Таким образом, видно, что, как в Российской империи в целом, так и в Бессарабской губернии в частности, отношение к славянам - подданным воевавших с Россией государств было вполне либеральным. Русины, приписывавшиеся в то время к малороссам, считались представителями русского народа. В связи с этим им не возбранялось испрашивать и получать российское подданство - как перед войной, так и после начала военных действий. Даже когда Бессарабская губерния стала прифронтовым районом, военные власти в случае ходатайства местной администрации и землевладельцев не высылали русинов - подданных Австро-Венгрии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Нордберг Константин Федорович (16.05.1862 - ?). Православный. Образование получил в Петровской Полтавской военной гимназии. На службу поступил 12.08.1881 г. Окончил 3-е Военное Александровское училище. Выпущен в 134-й пехотный Феодосийский полк. Подпоручик (с 12.08.1883). Поручик (с 12.10.1887). Переведен в Отдельный корпус жандармов. Штабс-ротмистр (с 30.08.1892). Ротмистр (с 30.08.1893). Подполковник (с 26.02.1902). Полковник (с 06.12.1906). С 1910 г. - начальник Бессарабского Главного жандармского управления (Список полковникам по старшинству. Составлен по 1 марта 1914 г. СПб.: Военная типография императрицы Екатерины Великой, 1914. С. 184).

2. По данным МИД Российской империи, до 200 тыс. сельских рабочих в Германии (РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1248: 10).

ЛИТЕРАТУРА

Абдрашитов 2012 - *Абдрашитов Э.Е.* Российские подданные в Германии в августе 1914 г. и формирование образа германского врага в годы Первой мировой войны // Научные ведомости БелГУ. № 1 (120). Вып. 21. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». Белгород, 2012. С. 170-177.

Белова 2011 - *Белова И.Б.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 - февраль 1917 г. М.: АИРО-XXI, 2011. 288 с. + 24 с. илл.

Берг 1918 - *Берг Л.С.* Бессарабия. Страна, люди, хозяйство. Пг.: Огни, 1918. 244 с.

Берг 1923 - *Берг Л.С.* Население Бессарабии. Этнографический состав и численность. Пг., 1923. 60 с.

Бессарабия 1903 - Бессарабия. Географический, исторический, статистический, экономический, этнографический, литературный и справочный сборник / Под ред. П.А. Крушевана. М.: Издание газеты «Бессарабец», 1903. 520 с.

Бутович 1916 - *Бутович В.Н.* Материалы для этнографической карты Бессарабской губернии. Киев, 1916. 59 с.

Лор 2012 - *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / Перевод с английского В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 304 с.

Калякина 2013 - *Калякина А.В.* Подданные стран – участниц четвертого союза в саратовском Поволжье (1914 – 1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2013. 24 с.

Масалимов, Масалимов 2007 - *Масалимов А.С., Масалимов Т.С.* Беженцы и военнопленные Первой мировой войны в Уфимской губернии. Вестник ВЭГУ. История. № 31-32. Уфа, 2007. С. 145-151.

НАРМ 1 - Национальный архив Республики Молдова (далее – НАРМ). Ф. 2. Канцелярия Бессарабского областного военного губернатора. Оп. 1. Д. 7945. Об австрийскоподданных, прибывающих в Бессарабскую область в большом количестве. 29.09.1867 – 17.10.1868. 100 л.

НАРМ 2 - НАРМ. Ф. 2. Канцелярия Бессарабского губернатора. Оп. 1. Д. 9427. Сведения об австрийскоподданных, принявших российское подданство, проживающих в Бессарабии. 18.01.1913 – 23.09.1914. 261 л.

НАРМ - 3 - НАРМ. Ф. 2. Канцелярия Бессарабского губернатора. Оп. 1. Д. 9519. О высылке из Кишинева неблагонадежных болгарских подданных в Тамбовскую губернию. 22.09.1915 – 20.10.1916. 107 л.

НАРМ 4 - НАРМ. Ф. 2. Канцелярия Бессарабского губернатора. Оп. 1. Д. 9498. О высылке из пределов губернии Леонтия Никифорова Кузьменко, Тимофея Яковлева Коржосаиса, Самуила Николаева Кирильчука. 15.06.1915 – 17.11.1916. 7 л.

НАРМ 5 - НАРМ. Ф. 289. Органы полиции Бессарабии. Оп. 5. Кишиневское уездное полицейское управление. 1867-1916 гг. Д. 52. Циркуляры бессарабского губернатора, переписка со становыми приставами о выселении из пограничных районов подданных воюющих с Россией стран, списки иностранноподданных, подлежащих выселению. 10.1915 – 30.11.1916. 175 л.

НАРМ 6 - НАРМ. Ф. 289. Органы полиции Бессарабии. Оп. 5. Кишиневское уездное полицейское управление. 1867-1916 гг. Д. 93. Циркуляры Бессарабского губернатора и сведения по надзору за австрийско-немецкоподданными, проживающими на территории Кишиневского уезда. 28.08.1914 – 19.07.1917. 20 л.

НАРМ 7 - НАРМ. Ф. 297. Бессарабское губернское жандармское управление Министерства внутренних дел, г. Кишинев. Оп. 1. Д. 269. Переписка с бессарабским губернатором, помощниками начальника жандармского управления о высылке во внутренние губернии России германских и австрийских подданных, о настроении населения и положении Румынии. 17.07.1914 – 8.12.1914. 90 л.

Несторовский 1905 - *Несторовский П.А.* Бессарабские русины. Историко-этнографический очерк. Варшава: Сатурн, 1905. 176 с.

Оболенский 1928 - *Оболенский (Осинский) В.В.* Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. 138 с.

Перепись 1905 - Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. III. Бессарабская губерния. СПб.: издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. 254 с.

РГИА - Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 11. Фонд Совета министров. Д. 1248. По записке министра иностранных дел о положении русских подданных, задержанных в Германии и Австро-Венгрии. 26-27.03.1915. 13 л.

References

Abdrashitov 2012 - *Abdrashitov E.E.* Rossiyskie poddannye v Germanii v avguste 1914 g. i formirovanie obraza germanskogo vruga v gody Pervoy mirovoy voyny [Russian subjects in Germany in August 1914 and the formation of the image of the German enemy during World War I], *Nauchnye vedomosti BelGU*, Nr 1 (120), Issue 21, Series "History. Political science. Economy. informatics", Belgorod, 2012, pp. 170-177.

Belova 2011 - *Belova I.B.* Pervaya mirovaya voyna i rossiyskaya provintsiya. 1914 - fevral' 1917 g. [The First World War and the Russian province. 1914 - February 1917], Moscow: AIRO-XXI, 2011, 288 p. + 24 p. ill.

Berg 1918 - *Berg L.S.* Bessarabiya. Strana, lyudi, khozyaystvo [The population of Bessarabia. Ethnographic composition and abundance], Petrograd, Ogni, 1918, 244 p.

Berg 1923 - *Berg L.S.* Naselenie Bessarabii. Etnograficheskiy sostav i chislennost' [The population of Bessarabia. Ethnographic composition and abundance], Petrograd, 1923, 60 p.

Bessarabiya 1903 - Bessarabiya. Geograficheskiy, istoricheskiy, statisticheskiy, ekonomicheskiy, etnograficheskiy, literaturnyy i spravochnyy sbornik [Bessarabia. Geographical, historical, statistical, economic, ethnographic, literary and reference collection], ed. P.A. Krushevan, Moscow, Publishing of newspapers "Bessarabian", 1903, 520 p.

Butovich 1916 - *Butovich V.N.* Materialy dlya etnograficheskoy karty Bessarabskoy gubernii [Materials for the ethnographic map of the province of Bessarabia], Kiev, 1916, 59 p.

Lor 2012 - *Lor E.* Russkiy natsionalizm i Rossiyskaya imperiya: kampaniya protiv "vrazheskikh poddannykh" v gody Pervoy mirovoy voyny [Russian nationalism and the Russian Empire: The Campaign against "enemy aliens" during the First World War], translated by V. Makarov, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, 304 p.

Kalyakina 2013 - *Kalyakina A.V.* Poddannye stran – uchastnits chetvertogo soyuza v saratovskom Povolzh'e (1914–1922 gg.) [Nationals of countries -

participants of the fourth union in Saratov Volga region (1914 - 1922 gg.)): The thesis abstract on degree of candidate of historical sciences, Saratov, 2013, 24 p.

Masalimov, Masalimov 2007 - *Masalimov A.S., Masalimov T.S.* Bezhtentsy i voennoplennyye Pervoy mirovoy voyny v Ufimskoy gubernii [Refugees and prisoners of war World War I in of Ufa province], Bulletin VEGU, History, Nr 31-32, Ufa, 2007, pp. 145-151.

NARM 1 - Natsional'nyy arkhiv Respubliki Moldova [National Archives of the Republic of Moldova] (hereinafter – NARM), f. 2, Kantselyariya Bessarabskogo oblastnogo voennogo gubernatora [Office of the Regional Military Governor Bessarabian], inv. 1, d. 7945, Ob avstriyskopoddannykh, pribyvayushchikh v Bessarabskuyu oblast' v bol'shom kolichestve [On the Austrian-nationals arriving in the Bessarabian area in large quantities], 29.09.1867 – 17.10.1868, 100 sh.

NARM 2 - NARM, f. 2, Kantselyariya Bessarabskogo gubernatora [The Office of the Bessarabian governor], inv. 1, d. 9427, Svedeniya ob avstriysko-poddannykh, prinyavshikh rossiyskoe poddanstvo, prozhivayushchikh v Bessarabii [Information about the Austrian-subjects, who took Russian citizenship living in Bessarabia], 18.01.1913 – 23.09.1914, 261 sh.

NARM 3 - NARM, f. 2, Kantselyariya Bessarabskogo gubernatora [The Office of the Bessarabian governor], inv. 1, d. 9519, O vysylke iz Kishineva neblagonadezhnykh bolgarskikh poddannykh v Tambovskuyu guberniyu [On the expulsion of Chisinau unreliable Bulgarian nationals in the Tambov province], 22.09.1915 – 20.10.1916, 107 sh.

NARM 4 - NARM, f. 2, Kantselyariya Bessarabskogo gubernatora [The Office of the Bessarabian governor], inv. 1, d. 9498, O vysylke iz predelov gubernii Leontiya Nikiforova Kuz'menko, Timofeya Yakovleva Korzhosaissa, Samuila Nikolaeva Kiril'chuka [On the expulsion of the limits of the province Leonti Kuz'menko Nikiforov, Timothy Yakovlev Korzhosaissa, Samuel Nikolaev Kirilchuka], 15.06.1915 – 17.11.1916, 7 sh.

NARM 5 - NARM, f. 289, Organy politzii Bessarabii [The police Bessarabia], inv. 5. Kishinevskoe uездное политсeyskoe upravlenie [Kishinev county police department], 1867-1916 gg., d. 52, Tsirkulyary bessarabskogo gubernatora, perepiska so stanovymi pristavami o vyselenii iz pogranichnykh rayonov poddannykh voyuyushchikh s Rossiyei stran, spiski inostranno-poddannykh, podlezhashchikh vyseleniyu [Circulars Bessarabian governor, correspondence from becoming bailiffs eviction from border areas with Russian nationals warring countries, lists of foreign nationals, subject to eviction], 10.1915 – 30.11. 1916, 175 sh.

NARM 6 - NARM, f. 289, Organy politzii Bessarabii [The police Bessarabia], inv. 5. Kishinevskoe uездное политсeyskoe upravlenie [Kishinev county police department], 1867-1916 gg., d. 93, Tsirkulyary Bessarabskogo gubernatora i svedeniya po nadzoru za avstriysko-nemetsko-poddannymi, prozhivayushchimi na territorii Kishinevskogo uезда [Circulars Bessarabian governor and information on supervision of the Austrian-German nationals residing in the territory of Kishinev County], 28.08.1914 – 19.07.1917, 20 sh.

NARM 7 - NARM, f. 297. Bessarabskoe gubernskoe zhandarmskoe upravlenie Ministerstva vnutrennikh del [Bessarabian Provincial Gendarme Administration of the Ministry of Internal Affairs], Kishinev, inv. 1, d. 269, Perepiska s bessarabskim gubernatorom pomoshchnikami nachal'nika zhandarmskogo upravleniya o vysylke vo vnutrennie gubernii Rossii germanskikh i avstriyskikh poddannyykh o nastoienii naseleniya i polozhenii Rumynii [Correspondence with Bessarabian governor Assistant Chief of Gendarmerie of expulsion in the Russian provinces of German and Austrian nationals of the mood of the population and the situation in Romania], 17.07.1914 – 8.12.1914, 90 sh.

Nestorovskiy 1905 - *Nestorovskiy P.A.* Bessarabskie rusiny. Istoriko-etnograficheskiy ocherk [Bessarabian Rusins. Historical and ethnographic study], Warsaw, Saturn, 1905, 176 p.

Obolenskiy 1928 - *Obolenskiy (Osinskiy) V.V.* Mezhdunarodnye i mezhkontinental'nye migratsii v dovoennoy Rossii i SSSR [International and intercontinental migration in the pre-war Russia and the USSR], Moscow: Publishing TsSU SSSR, 1928, 138 p.

Perepis' 1905 - *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897], ed. N.A. Troinitskii. III. Bessarabia, St. Petersburg: the publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1905, 254 p.

RGIA - Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive], f. 1276, inv. 11, Fond Soveta Ministrov [Fund of the Council of Ministers] (RGIA), d. 1248, Po zapiske Ministra Inostrannykh del o polozhenii russkikh poddannyykh, zaderzhannykh v Germanii i Avstro-Vengrii [On the note of the Minister of Foreign Affairs on the situation of Russian citizens detained in Germany and Austria-Hungary], 26-27.03.1915, 13 sh.

Суляк Сергей Георгиевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории и государственного управления Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, главный редактор международного исторического журнала «Русин», президент Общественной ассоциации «Русь» (Республика Молдова).

Sulyak Sergey - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Domestic History of the Institute of History and State Management of the Taras Shevchenko State University of Transnistria, Chief Editor of the International Historical Journal «Rusin», President of the Association «Rus'» (Republic of Moldova).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

УДК 94(47)"1914/17"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/37/10

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В СУДЬБЕ БЕССАРАБСКИХ БОЛГАР

И.И. ДУМИНИКА¹, Н.Н. ЧЕРВЕНКОВ²

¹Институт культурного наследия Академии наук Молдовы
Республика Молдова, 2001, Кишинев, бл. Штефан чел Маре, 1
E-mail: duminicaivan@yandex.ru

²Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака
Республика Молдова, 7400, г. Тараклия, ул. Мира, 9
E-mail: chervencov@mail.ru

Авторское резюме

В статье прослеживается влияние событий Первой мировой войны на различные стороны жизни болгар Бессарабии. Показано, что, несмотря на то, что они находились под подозрением у царских властей из-за участия в войне Болгарии на стороне Германии, они с самого начала и до конца войны были вовлечены в нее: сражались на фронте, трудились в тылу.

Ключевые слова: Бессарбия, Первая мировая война, болгары, Болгария.

WWI in the Destiny of the Bessarabian Bulgarians

I.I. Duminika¹, N.N. Chervencov²

¹Institute of Cultural Patrimony of the Academy
of Sciences of Moldova

1 Stefan cel Mare bd., Chisinau, 2001, Republic of Moldova
E-mail: duminicaivan@yandex.ru

²G. Tsamblak State University of Taraclia
9 Pacii str., Taraclia, 7400, Republic of Moldova
E-mail: chervencov@mail.ru

Abstract

The influence of the events of WWI on the various aspects of the life of the Bessarabian Bulgarians is traced in the article. It is demonstrated that despite the fact that they were

under the scrutiny of the Tsarist authorities because of their part in the war of Bulgaria on the side of the Germans, right from the beginning to the end the Bessarabian Bulgarians were drawn into the conflict: fighting on the Front and working in the rear.

Keywords: Bessarabia, WWI, Bulgarians, Bulgaria.

Первая мировая война отразилась на всех сторонах жизни и бессарабских болгар. Она стала для них самым большим потрясением в их истории со времени их переселения на эту территорию. До этого они пережили немало войн, сражались в добровольческих отрядах, но такой массовости еще не наблюдалось. В последние годы в литературе, особенно в работах краеведов, стали появляться сюжеты, связанные их с жизнью в годы Первой мировой войны.

Несмотря на то, что бессарабские болгары находились под подозрением у царских властей из-за участия в войне Болгарии на стороне Германии, их в массовом порядке призывали в армию и отправляли на фронт. И там, и в тылу они проявляли патриотизм. Показательно, что еще в начале войны болгары некоторых населенных пунктов (прежде всего из села Виноградное) активно участвовали в аресте турецкой группы, брошенной в Бессарабию для разведки. В политическом обзоре населения южных районов говорилось: «Болгары, населяющие часть Измаильского уезда и часть Бендерского и Аккерманского, владея значительной земельной собственностью, с начала войны относились к ней отрицательно ввиду нарушения их экономической жизни, но затем, когда возникла война с Болгарией, испуганные за свое положение, усиленно подчеркивают свою лояльность путем составления приговоров и корректным исполнением требований местных властей» (Чаплыгина 2007: 177).

За годы войны в крае было проведено восемь мобилизаций ратников 1-го (младшего) и 2-го (старшего) разрядов, а также ежегодно – призывников. По закону о всесословной воинской повинности, лишь около трети призывников направлялись отбывать воинскую службу, остальные в мирное время зачислялись в резерв (государственное ополчение). С началом Первой мировой эта льгота была отменена, поэтому война коснулась каждого дома, каждой семьи и каждого человека.

Сложно определить численность болгар, участвовавших в ней. В архивах, разумеется, нет таких сведений. Можно пойти по линии обобщения данных по отдельным селам и городам, однако мы еще не имеем этих показателей, хотя краеведы проводят большую работу по выявлению участников войны. Например, в селе Колибабовка Леовского района в 70-х гг. была создана группа для проведения этой работы. Ею были обнаружены данные о 37 участниках

войны (Пасков 2011: 46). Много материалов было собрано при подготовке обобщающего труда «История городов и сел». Однако по идеологическим причинам Первая мировая в нем практически не отражена. Например, в большом очерке об истории города Болграда о ней есть только два предложения: «В связи с началом мировой войны многие семьи лишились кормильцев, отправленных на фронт или на строительство военных учреждений. Разорялись из-за недостатка сырья кустари и мелкие предприятия, резко возросла безработица». (История городов 1978: 355). Упущен сюжет о войне в обобщающем труде о бессарабских болгарях (Грек, Червенков 1993).

Чтобы представить себе масштаб участия болгар в войне, приведем некоторые данные по отдельным селам. Так, из болгарского села Задубнаевка были направлены на фронт 210 жителей, 63 из которых погибли (Грек, Червенков 1993: 205). Из материалов музейного стенда села Городнее и книги об этом населенном пункте, где тогда проживало более 5 тыс. человек, известен список из 27 человек (Огородное-Чийшия 2006: 69). (Однако в него не вошли пять прямых родственников одного из авторов. Например, Николай Степанович Червенков прошел всю войну, получил несколько ранений. Его младший брат Афанасий холостяком ушел на фронт и погиб.) Краеведы болгарско-молдавского села Валя Пержей составили список из 100 человек (Малешкова и др. 1998: 64-67). Исследователь И. Грек, автор книги о своем родном селе Гюльмян (Яровое), не сообщает о количестве участников, но приводит мнение одного источника, который утверждал, что на войне погибло 140 человек, хотя не соглашается с этой цифрой. Другой краевед настаивал на цифре 38 (Грек 2006: 110). Молодой студент-историк, будущий известный болгарист С. Новаков пришел к выводу, что участников войны из его села Кортен было не менее 600 человек - практически из каждой семьи (Новаков, Гургуров 2009: 210-211). Он же приводит архивный материал, из которого видно, что в течение 1914-1916 гг. из этого села были призваны на освидетельствование 234 ратника, которые после медицинского осмотра были направлены на фронт или в запасные воинские части (Новаков, Гургуров 2009: 210).

О масштабах участия жителей сел рассказывают и протоколы мирских приговоров за тот период. Например, в таком документе за 17 апреля 1916 г. отмечается, что в селе Но-Троян из 696 домохозяев 288 находились на фронте (КУИА 1: 5). Однако многие по молодости еще не являлись домохозяевами. Вполне можно утверждать, что воевало во много раз больше людей.

Среди солдат той войны были и участники предшествовавшей русско-японской. Таковыми, к примеру, были Гавриил Челарский

из Тараклии, Петр Дожа и Ангел Бардук из Гюльмян. Из имеющихся списков участников войны видно, что из некоторых семей на фронт были мобилизованы по несколько человек – например братья Иван, Константин и Петр Боровы, Василий и Петр Дерменжи, Петр и Павел Маевы, Иван и Петр Шевченко из села Колибабовка (Пасков 2011: 48).

Бессарабские болгары воевали на всех фронтах Первой мировой войны. Вот пример только по Тараклии. Дмитрий Алексеевич Делижан (1890 г.р.) был старшим унтер-офицером в 27-м Кавказском пехотном полку. 12–14 декабря 1914 г. участвовал в сражении против Османской армии у города Сарыкамыш. Нанеся поражение турецким войскам, русская армия открыла себе дорогу в глубь Анатолийского плоскогорья. Другой тараклиец, Николай Иванович Трандабула (1890 г.р.), с 1912 по 1918 г. был старшим унтер-офицером в Гродненском лейб-гвардии гусарском полку, расквартированном в Варшаве. Имел три награды. Известно, что Степан Иванович Ризов (1889 г.р.) был рядовым в Азовском 45-м пехотном полку 12-й дивизии, располагавшейся в Одессе. Был награжден Георгиевским крестом IV степени. Михаил Васильевич Карагиоз (1886 г.р.) служил рядовым в 248-м Славяносербском пехотном полку, расквартированном в Симферополе (НАРМ: 3-8).

Различные источники рассказывают нам о героизме, проявленном болгарскими вояками в годы войны. С. Новаков так описывает один из таких примеров: «Ратник первого разряда Захарий Давидов (Драгиев) Гургуров, защищая вместе со своим подразделением укрепленную позицию на участке фронта в Восточной Галиции, сдерживал пулеметным огнем отход своих товарищей от яростных атак превосходящих сил противника. Переходя по окопу от одного пулемета к другому и стреляя длинными очередями, он заставлял противника поверить, что оборону держат много бойцов» (Цит.: Новаков, Гургуров: 211-212). За проявленные самообладание и храбрость в войне С. Гургуров был награжден четырьмя солдатскими наградами, в том числе Георгиевским крестом IV степени.

В каждом селе до недавнего времени называли имена людей, которые были отмечены военными наградами. За мужество и отвагу, проявленную на фронтах, были награждены Георгиевскими крестами П. Беров, Ф. Желяпов, Г. Шереметев, И. Чолак (Пасков 2011: 50).

Много человеческих жизней унесла война, многие вернулись с фронта калеками. Из села Твардица погибли 150 человек, 170 возвратились домой ранеными (Поглубко, Забунов 1980: 62). О всех погибших из села Кортен нет сведений, но восемь имен на основе архивных материалов приводит С. Новаков. Это Петр Бахов, Иван Манаф, Дмитрий Новаков, Давид Чавдаров, Петр Гургуров, Семен

Таукчи, Дмитрий Желев и Иван Крыстев. По нашим подсчетам, на войне погибло 52 жителя из Тараклии (Червенков, Думиника 2013: 217). В Ново-Ивановку с фронта не вернулись 45 человек: 16 были убиты, 12 умерли от ран, 17 пропали без вести.

Пока нет возможности представить полный список убитых и раненых бессарабских болгар, но со временем появляются все новые источники. Так, недавно были опубликованы их имена в целом по Бессарабии, правда, только за 1914-1915 гг. (Carp et al. 2013). Есть там и жители болгарских сел. Вот некоторые: Дмитрий Михайлов (417), Федор Плахов (511) из Болгарийки, Иван Запорожан (725) из Тараклии, Алексей Дюльгеров (1844) из Вайсал, Андрей Пиников (3036) из Кубей, Василий Стоянов (3572) из Валя Пержей.

Многие воины из Бессарабии попали в окружение и австро-венгерский плен. Среди них был и дедушка одного из авторов – Николай Степанович Червенков из Чийшия. Житель села Колибабовка Василий Водинчар, участвуя в боевых операциях Юго-Западного фронта, был ранен и попал в австро-венгерский плен. Там он пробыл около двух лет, работая в имении австрийского помещика (Пасков 2011: 110).

С момента вступления в войну Румынии в конце 1916 г. на стороне Антанты Бессарабия стала прифронтовой зоной. Оставшаяся часть мужского населения в массовом порядке была мобилизована на работы по укреплению тылового района Юго-Восточного фронта. С лета 1917 г. в здании трех школ Кортена помещался госпиталь 6-й армии, а учительницы стали сестрами милосердия при раненых, доставленных на лечение в село (Новаков, Гургуров 2009 : 212).

Учитывая, что парни из болгарских сел вступали в брак довольно рано, то практически все мобилизованные были женаты. Поэтому там осталось много вдов и сирот. Сохранилось множество документов, из которых известно, что вдовы погибших обращались в вышестоящие институты с прошениями о назначении пенсий. Например, жене упомянутого И. Манафа из Кортен Марии Манаф 16 марта 1916 г. была назначена пенсия в размере 48 руб. (Новаков, Гургуров 2009: 213)

Неисчислимы бедствия и страдания принесла народу Первая мировая война. В действующую армию были мобилизованы в основном молодые мужчины. В хозяйствах почти некому было работать. Бесчисленные поборы подрывали основы крестьянского хозяйства. Многие семьи лишились кормильцев, голодали. В отчетах земских властей указывалось, что в крае отсутствуют рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь. Все сельскохозяйственные работы – пахота, сев, уборка и др. – легли на плечи женщин, детей, стариков. Сократились посевы пшеницы, снизилась урожайность, пришли в

упадок виноградарство, пчеловодство и шелководство. Повысились цены на предметы первой необходимости - муку, соль, сахар, мыло.

Постоянно поступали требования провести добровольные сборы. Так, в 1916 г. распоряжение по Тараклийской волости предусматривало «обложить всех поселян... в количестве полпуда зерна с каждой десятины имеющегося посева яровой пшеницы, ячменя урожая сего 1916 г.» (КУИА 2:12). Проводилась реквизиция лошадей и скота для войск. Крестьян обязывали увеличивать запасы сена для фронта, поэтому приходилось сеять больше однолетних трав. Многие сельчане, будучи не в силах нести такое бремя, продавали свои земельные участки за бесценок. Одно из дел архивных материалов Измаила под названием «Дело об оказании помощи войскам, проходящим через Ново-Трояны, со стороны жителей села» (КУИА 2) сообщает о различных формах помощи, начиная от заготовки хлеба и заканчивая сбором одежды.

Крестьянство Бессарабии, как и всей России, поднималось на решительную борьбу за землю. Аграрное движение охватило весь край. Так, делегат Одесской областной крестьянской секции Дмитрий Греков, объезжая Баурчи, Чадыр-Лунгу, Казаклию, Тараклию и выступая на митингах, призывал крестьян «отныне платить за аренду десятины 2–4 рубля, а не 18–20, как раньше» (Поглубко 1975: 96).

Тяжелая участь постигла болгарских граждан, которые поселились в Бессарабии в конце XIX – начале XX ст. (Червенков 2000: 47-51). Они жили в основном в Кишиневе и Болграде, занимаясь торговлей и ремеслом, и в припрутских селах. В конечном счете было выселено более 200 болгарских граждан, включая монахов Киприянского монастыря и Кодрицкого скита.

Нестабильная ситуация в крае, бедность, нищета привели к появлению недовольства в среде бывших солдат и крестьян. Царизм вел с ним непримиримую борьбу, но революционное движение ширилось. В результате восстания рабочих и солдат Петрограда, руководимого большевиками, 7 февраля (12 марта) 1917 г. царский режим пал. Победа февральской буржуазно-демократической революции породила невиданный энтузиазм среди трудящихся Бессарабии. Когда весть о свержении царя достигла Тараклии, крестьян охватила радость. В общежитии реального училища была выставлена трибуна, с которой стали произносить пламенные речи (Дихан 1971: 16). 17 апреля в селе создан Совет рабочих и крестьянских депутатов. Возглавил его Пантелей Михайлович Кайряк. Заместителем его стал Василий Георгиевич Карамалак. Этот совет стал органом местной власти. Основной вопрос, который волновал людей, касался земли.

Октябрьская революция 1917 г., победив в центральных районах России, явилась поворотным пунктом и в исторических судьбах народов окраин. В Тараклию вернулись революционно настроенные солдаты. Во главе Совета рабочих и крестьянских депутатов встали большевики Гавриил Петрович Беров, Андрей Михайлович Войнский и учитель Еремей Петрович Андониев. Народ с восторгом встретил ленинский «Декрет о земле». В селе началась конфискация помещичьих и церковных земель. Крестьяне Тараклии 14 декабря 1917 г. с помощью солдат захватили земли помещика Недова, конфисковали сельхозинвентарь.

В Тараклии был создан красногвардейский отряд из 200 человек. Руководил им Иван Иванович Котоман. Красногвардейцы начинали все больше вооружаться. Они конфисковали 5 000 винтовок у пристава села Кубей. По распоряжению Николая Шишмана оружие перебрасывалось в села Кальчевка, Войсал, Тараклию (Дихан 1971: 40).

2 декабря 1917 г. в Кишиневе была провозглашена Молдавская Народная Республика. Страной фактически управлял Сфатул Цэрий (Совет страны). Из-за нараставших большевистских настроений в крае руководители этого органа призвали Румынию послать свои войска, чтобы навести порядок в Бессарабии.

Болгары не были согласны с таким поворотом событий. В начале 1918 г. тараклийцы Лазарь Раевский и Иван Иванович Котоман организовали вооруженный отряд численностью 250 человек, который сопротивлялся румынским войскам (Дихан 1973: 54-55). Эти события были описаны в газете «Голос революции», в выпуске за 23 января 1918 г. (Борьба трудящихся 1967: 83-85) Румынские отряды подошли к Тараклии, Кубею и Болгарийке 16 января 1918 г. Пытаясь занять эти села, солдаты их обстреляли. Крестьяне, включая стариков, женщин и детей, отчаянно дрались, но они были бессильны отразить натиск регулярных отрядов (Борьба трудящихся 1967: 83-85).

О войне и ее участниках слагали песни. Две из них до сих пор сохранились в Гюльмяне: одна рассказывает о начале войны и ее восприятии жителями села, а другая является песней-плачем о трагических событиях (Грек 2006: 111). С войной связана и песня «Помен за Васил и Михал», сложенная в селе Колибабовка. Она существует в двух вариантах. В первом - молодой истекающий кровью солдат Михаил, предчувствуя, что не вернется домой, подзывает к себе своего верного друга и однополчанина Василия, чтобы тот передал его маме, что он «остался на австрийской границе в вечном карауле». Во втором варианте герои песни поменялись местами. Интересно, что их имена подлинные – Михаил Петрович Калинков и Василий

Дмитриевич Дерменжи были жителями Колибабовки, выходцами из Твардицы (Пасков 2011: 51-52).

С Первой мировой войной связано активное распространение баптизма среди бессарабских болгар. Его пропагандистами стали бывшие пленные Австро-Венгрии, где сделались его приверженцами. Например, после возвращения в Тараклию Г. Дериволков, А. Карамалак, И. Жепан, Г. Кайряк стали проповедовать это течение. Они создали общину евангелистов-баптистов, открыли молитвенный дом. Подобные общины создавались и в других болгарских населенных пунктах (Валя-Пержей, Новые Трояны и др.).

И еще один фактор, который стал следствием Первой мировой войны: до нее практически во всех болгарских селах края мужчин всегда было больше, чем женщин. Война внесла свои коррективы – впервые соотношение полов изменилось в пользу женского.

Признательные потомки стали сразу после войны воздвигать монументы погибшим в ней односельчанам. Возможно, один из первых памятников был воздвигнут в селе Кортен (Кирунтя). Он был сооружен на следующий год после окончания войны в церковном парке – пирамидальный гранитный монумент, на котором было начертано «Ероилор. 1919» (Героям. 1919). Однако в советское время его снесли (Новаков, Гургуров 2009: 212-213). Подобному монументу в селе Ново-Ивановка повезло больше – он сохранился до сих пор.

В результате войны болгары, как все жители Бессарабии, оказались в составе Румынии. С изменением геополитического статуса края их ожидали радикальные новшества во всех сферах жизни и деятельности, но это уже не предмет сегодняшнего обсуждения.

ЛИТЕРАТУРА

Борьба трудящихся 1967 - Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции в 1917–1920 гг. Сборник документов и материалов. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1967. 468 с.

Грек 2006 - Грек И. Гюльмян-Дюльмен-Яровое / Науч. ред. Н. Червенков. Кишинев: SŞB, 2006. 264 с.

Грек, Червенков 1993 - Грек И., Червенков Н. Българите от Украйна и Молдова. Минало и настояще. ИК «Христо Ботев». София, 1993. 296 с.

Дихан 1971 - Дихан М.Д. Бесарабските българи в Октомврийската революция. София: ДВИ. 1971. 156 с.

Дихан 1973 - Дихан М.Д. Болгари – політемігранти соціалістичному будівництві на Україні в 1924–1929 рр. Київ: Видавництво Київського університету, 1973. 178 с.

История городов 1978 - История городов и сел Украинской ССР. Одесская область. Киев, 1978.

Кайряк 2002 - *Кайряк П.* Род оловные древа Тараклия / Науч. ред. Н. Червенков. Кишинев: SŞB, 2002.

КУИА 1 - Коммунальное учреждение «Измаильский архив» (далее - КУИА). Ф. 782. Оп. 1. Д. 9.

КУИА 2 - КУИА. Ф. 782. Оп. 1. Д. 17.

Малешкова и др. 1998 - *Малешкова А., Димов Д., Куртев Н.* Валя Пержей. История села. Кишинев, Издательство «Родно село», 1998. 159 с.

НАРМ - Национальный архив Республики Молдова (НАРМ). Ф. 3046.

Новаков, Гургуров 2009 - *Новаков С.З., Гургуров Н.Н.* Село Кортен. Времена и судьбы. Кишинев, 2009. 554 с.

Огородное-Чийшия 2006 - Огородное-Чийшия. Наш отчий дом. Измаил: СМЛ, 2006. 352 с.

Пасков 2011 - *Пасков И.* Колибабовка. Болгарское село на севере Буджака / Науч. ред. Н. Червенков. Кишинев: SŞB, 2011. 456 с.

Поглубко 1975 - *Поглубко К.А.* В борьбе ковалось братство. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1975. 136 с.

Поглубко, Забунов 1980 - *Поглубко К., Забунов И.* Обновленная Твардица. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1980.

Чаплыгина 2007 - *Чаплыгина Н.* Отражение турецкого десанта на юге Бессарабии в Первой мировой войне // *Relații moldo-bulgare: problemele de cercetare.* Resp. red. N. Cervencov. Chișinău, 2007.

Червенков 2000 - *Червенков Н.* Болгарские подданные в Бессарабии // *Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали.* Том седми. Велико Търново: УИ «Св.св. Кирил и Методий», 2000. С. 355-342.

Червенков, Думиника 2013 - *Червенков Н., Думиника И.* Тараклии – 200 лет. Том I (1813-1940). Науч. ред. К. Калчев. Кишинев: SŞB, 2013. 606 с.

Carp et al. 2013 - *Carp S., Chirița Gh., Carp T., Girbu E.* Tradiții militare (Trecut, prezent și viitor). Chișinău: Bon Offices SRL. 2013. 508 p.

References

Bor'ba trudyashchikhsya 1967 - Bor'ba trudyashchikhsya Moldavii protiv interventov i vnutrenney kontrevolyutsii v 1917–1920 gg. Sbornik dokumentov i materialov, Kishinev, Kartya Moldovenyaske, 1967, 468 p.

Grek 2006 - *Grek I.* Gyul'myan-Dyul'men-Yarovoe, red. N. Chervenkov, Kishinev, SŞB, 2006, 264 p.

Grek, Chervenkov 1993 - *Grek I., Chervenkov N.* Blgarite ot Ukrayna i Moldova, Minalo i nastoyashche, IK "Khristo Botev", Sofiya, 1993, 296 p.

Dikhan 1971 - *Dikhan M.D.* Besarabskite blgari v Oktomvriyskata revolyutsiya, Sofiya, DVI. 1971, 156 p.

Dikhan 1973 - *Dikhan M.D.* Bolgari – politemigranti sotsialistichnomu budivnitstvi na Ukraïni v 1924–1929 rr., Kiïv, Vidavnitstvo Kiïvs'kogo universitetu, 1973, 178 p.

Istoriya gorodov 1978 - Istoriya gorodov i sel Ukrainskoy SSR, Odesskaya oblast', Kiev, 1978.

Kayryak 2002 - *Kayryak P.* Rod oslovnye dreva Tarakliya, red. N. Chervenkov, Kishinev: SŞB, 2002.

KUIA 1 - Kommunal'noe uchrezhdenie "Izmail'skiy arkhiv" [Public Institution "Izmail Archives"] (KUIA), f. 782, inv. 1, d. 9.

KUIA 2 - KUIA, f. 782, inv. 1, d. 17.

Maleshkova et al. 1998 - *Maleshkova A., Dimov D., Kurtev N.* Valya Perzhay. Istoriya sela. Kishinev, izdatel'stvo "Rodno selo", 1998, 159 s.

Natsional'nyy arkhiv Respubliki Moldova [National Archives of the Republic of Moldova] (NARM), f. 3046.

Novakov, Gurgurov 2009 - *Novakov S.Z., Gurgurov N.N.* Selo Korten. Vremena i sud'by, Kishinev, 2009, 554 p.

Ogorodnoe-Chiyshiya 2006 - Ogorodnoe-Chiyshiya. Nash otchiy dom., Izmail: SMIL, 2006, 352 p.

Paskov 2011 - *Paskov I.* Kolibabovka. Bolgarskoe selo na severe Budzhaka. Nauch. red. N. Chervenkov, Kishinev, SŞB, 2011, 456 p.

Poglubko 1975 - *Poglubko K.A.* V bor'be kovalos' bratstvo. Kishinev, Kartya Moldovenyaske, 1975, 136 p.

Poglubko, Zabunov 1980 - *Poglubko K., Zabunov I.* Obnovlennaya Tvarditsa. Kishinev, Kartya Moldovenyaske, 1980.

Chaplygina 2007 - *Chaplygina N.* Otrazhenie turetskogo desanta na yuge Bessarabii v Pervoy mirovoy voyne, Relații moldo-bulgare: problemele de cercetare, resp. red. N. Cervencov, Chișinău, 2007.

Chervenkov 2000 - *Chervenkov N.* Bolgarskie poddannye v Bessarabii, Blgarite v Severnoto Prichernomorie. Izsledvaniya i materialy, Vol. 7, Veliko Trnovo, UI "Sv.sv. Kiril i Metodiy", 2000, pp. 355-342

Chervenkov, Duminika 2013 - *Chervenkov N., Duminika I.* Taraklii – 200 let. Tom I (1813-1940), red. K. Kalchev. Kishinev: SŞB, 2013, 606 p.

Carp et al. 2013 - *Carp S., Chirița Gh., Carp T., Girbu E.* Tradiții militare (Trecut, prezent și viitor). Chișinău: Bon Offices SRI, 2013., 508 p.

Думиника Иван Иванович - научный сотрудник Института культурного наследия Академии наук Молдовы.

Duminika Ivan – Research associate in the Institute of Cultural Patrimony of the Academy of Sciences of Moldova.

E-mail: duminicaivan@yandex.ru

Червенков Николай Николаевич - доктор исторических наук, профессор кафедры истории и общественных наук Тараклийского государственного университета им. Г. Цамблака.

Chervenkov Nikolay - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Social Sciences of the G. Tsamblak State University of Taraclia.

E-mail: chervencov@mail.ru

УДК 94(571.1/5)"1918/1919"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/37/11

СЪЕЗДЫ КАРПАТОРОССОВ В СИБИРИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1919 гг.)*

И.В. Нам¹, Н.И. Наумова²

¹Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: namirina@bk.ru

SPIN-код: 3446-3096

²Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: tomnin@yandex.ru

Авторское резюме

Статья посвящена рассмотрению проблем самоорганизации карпатороссов на территории Сибири в годы гражданской войны. Выделяется значение I и II карпаторосских съездов, которые формулировали основные направления стратегии и тактики по реализации национальных интересов карпатороссов-русофилов. Особое внимание уделяется формированию Карпаторусского совета, его структуре, составу, основным направлениям деятельности. Главной задачей Карпаторусский совет определял необходимость включения Прикарпатской Руси в состав России и соединение с русскими карпатороссов, которые рассматривались в качестве составной части русского этноса. Для достижения своих целей совет формировал добровольческий Карпаторосский отряд, чтобы избавить Прикарпатье от австро-германского господства и помочь сохранить единую неделимую Россию, освободив ее от большевиков. Он призывал к единству действий в реализации этих задач галичан, буковинцев, угророссов.

Ключевые слова: Сибирь, гражданская война, карпатороссы, съезды, Карпаторусский совет.

Carpathoross Reunions in Siberia during the years of the Civil War (1918–1919)

I.V. Nam¹, N.I. Haumova²

¹Federal state autonomic educational institution of high education
"National research Tomsk state university"
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: namirina@bk.ru

²Federal state autonomic educational institution of high education
"National research Tomsk state university"
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: tomnin@yandex.ru

Авторское резюме

The article is dedicated to the consideration of the problem of the Carpathoross self-organization on the territory of Siberia during the years of the Civil war. The special focus is given to the formation of the Carpathorussian council, its structure, body composition, main directions of activity. It is emphasized the significance of the I and the II Carpathoross reunions that formulated main directions, strategies and tactics of national interests of Carpathoross – Russophile implementation. The main task was defined by the Carpathorussian council as a necessity to include Carpathian Russia into the structure of Russia and the Carpathoross joining with the Russian, because the Carpathoross were considered as an integral part of the Russian ethnos. Trying to achieve its aims, the Council was forming the volunteer Carpathoross regiment in order to deliver the Carpathian region from the Austro-German domination and to help saving Russia as united and inseparable country, liberating it from the Bolsheviks. The Council was calling the Galich, the Bukovinen, the Ugro-russian to unite their actions in the implementation of these tasks.

Ключевые слова: Siberia, Civil war, Carpathoross, reunions, Carpathorussian council.

Проблемы национальных меньшинств, их права, самоорганизация в чрезвычайных ситуациях Первой мировой войны и гражданской войны в России, территориального переустройства Европы становятся неотъемлемой частью исследовательского интереса. Но тема самоорганизации русинов (карпатороссов) в условиях Первой мировой и гражданской войн еще только начинает разрабатываться. В свое время одной из первых работ, посвященных изучению военной организации карпатороссов, стала книга В.Р. Ваврика, где был прослежен боевой путь карпаторосского отряда в рядах белогвардейских формирований генералов Л.Г. Корнилова и А.И.

Деникина (Ваврик 1923). Сегодня отдельные аспекты национального движения карпатороссов в условиях Первой мировой и гражданской войн рассматриваются в статьях С. Суляка (Суляк 2006), И. Баринаова и И. Стрелкова (Баринов, Стрелков 2012а, 2012б).

Организации карпатороссов (не только военного характера) возникали в тот период и в Сибири на территориях, освобожденных от большевиков, там, где находились беженцы и военнопленные карпатороссы. Лагерь военнопленных карпатороссов располагался в Омске. Важная роль в оформлении организационных структур карпатороссов-русофилов принадлежала Временному комитету Карпаторусского добровольческого отряда и Союзу освобождения Прикарпатской Руси в Челябинске. Союз определил необходимость создания организации карпатороссов с определенными политическими целями. В этот период культурная неоднородность славян, проживание в разных государствах, неодинаковость исторического прошлого формировали разные ориентиры и специфику их стратегий и тактик. Это проявилось и в деятельности карпатороссов-русофилов в Сибири.

Челябинский Союз освобождения Прикарпатской Руси (Галичины, Буковины и Угорской Руси) был создан 20 августа 1918 г. В документе, принятом на общем собрании, ставилась задача объединения уроженцев Прикарпатской Руси, «разбросанных на территории возрождающейся России», освобождение территории Прикарпатя от «австро-германского ига» с оружием в руках, создание Карпаторусского добровольческого отряда. Утверждалось, что единственным условием избавления от нищеты населения края является политическое освобождение Прикарпатской Руси. Ставилась также задача обеспечения земель членов союза, вступивших в карпаторусские отряды, и тех, кто ранее пострадал за русскую идею, но пожелал остаться в пределах России. Союз, как было сказано в документе, стремился «к развязке аграрного вопроса в освобожденной Прикарпатской Руси в духе желания народных масс и к созданию условий, необходимых для его будущего свободного культурно-национального развития». Он считал необходимым для достижения поставленных целей объединить усилия всех галичан, буковинцев и угророссов.

В документе выражалось отрицательное отношение к «балканизации Европейского Востока, то есть к созданию мелких государств на территории прежней России», что вело «к бесконечным войнам и мешало мирному труду и культурному развитию всего русского народа». Полное политическое отделение Украины от России рассматривалось как вредное, губительное и для Малороссии, и для

Великороссии. Выдвигались требования политического единства Украины с Великороссией и присоединения Прикарпатской Руси к России. Отношения их должны были быть определены Всероссийским Учредительным собранием. Выражалась уверенность, что в новой России будут удовлетворены культурно-национальные требования народов. Указывалось на необходимость тесных отношений с теми общественными организациями, которые стояли «на платформе государственного единства России» (ГАРФ 1: 60-61).

Челябинский союз в условиях, когда отсутствовала организация, которая объединяла бы всех уроженцев Прикарпатья, взял на себя инициативу по формированию «сети своих отделений по всем городам Сибири и Поволжья» и стал организатором проведения съезда карпатороссов с целью создания «общепризнанной Центральной организации». К 10 сентября 1918 г. была подготовлена повестка дня. Намечалось обсудить современное положение Прикарпатской Руси, сделать доклады о деятельности Челябинского Союза освобождения и Временного комитета Карпаторусского добровольческого отряда, принять устав и выбрать руководящие структуры создаваемой организации (ГАРФ 1: 59). Расходы на содержание делегатов возлагались на местные колонии. Отчет о съезде был опубликован в первом номере газеты «Карпаторусское слово», которая издавалась с декабря 1918 г. - сначала в Екатеринбурге, а затем, начиная с шестого номера, в Омске.

Съезд проходил в Челябинске 5-6 октября 1918 г. В его работе участвовали делегаты, прибывшие из Центральной и Западной Сибири, из Пермской губернии. На первом заседании были названы причины созыва съезда. Подчеркивалось, что летом 1918 г. политические события в Сибири и Поволжье из-за действий чехословацких войск значительно изменили ситуацию, которая потребовала от карпатороссов координации действий. К этому времени в результате захвата юга России австро-германскими войсками они лишились своего центра. Карпаторусский совет в Ростове-на-Дону¹ потерял возможность работать, а разбросанные по всей территории России карпаторусские колонии лишились своего представительства и руководящего центра. Указывалось, что эти колонии поддерживали инициативу по созыву съезда и созданию Карпаторусского совета на востоке России (Карпаторусское слово 6).

После избрания президиума в составе председателя А.В. Копыстьянского, товарища председателя В.В. Шемердяка и секретарей В.В. Пашинского и В.Н. Красицкого с докладом выступил первый. Характеризуя деятельность Челябинского союза, он отметил, что «развязка карпаторусского вопроса в течение войны всегда

находилась в зависимости от военных событий». Австрия в начале войны почти отказалась от Галиции, но после Брестского мира предъявила претензии на карпаторусские земли. Поэтому он призвал съезд к созданию карпаторусского отряда «как главнейшего средства к достижению национальных целей». Сообщение о ходе формирования в Омске карпаторусского отряда сделал В.В. Шемердяк, после чего съезд признал необходимым с оружием в руках встать на защиту Прикарпатской Руси, России, всего славянства и «таким образом добиться долгожданной свободы» (Карпаторусское слово 6).

На съезде были заслушан и обсужден наказ самарской организации, отправлены приветствия Всероссийскому правительству А.В. Колчака, чехословакам, которые выразили сочувствие стремлениям карпаторуссов в борьбе «за национальное дело». Был избран Центральный Карпаторусский совет (ЦКС) во главе А.В. Копыстьянским². Членами совета стали Н.Н. Лозинский, В.В. Шемердяк, В.Н. Красицкий, М.П. Кузьма. В состав контрольной комиссии вошли Г.П. Дмухар, Р.М. Качоровский, В.А. Пашинский. После избрания совета Омский временный комитет добровольческого отряда передал ему свои полномочия (Карпаторусское слово 6). Создание совета как постоянно действующего органа означало усиление координации действий в среде карпаторуссов.

В резолюции съезда от имени делегатов карпаторусских колоний и добровольческого отряда декларировалась неизменность борьбы населения Прикарпатской Руси «за русские идеалы и преданность русской идее», несмотря на 600-летнюю политическую обособленность. Выражалась надежда на справедливое решение национального вопроса. Подчеркивалось, что только на этом основании в Европе может утвердиться прочный мир. Опираясь на принцип самоопределения народностей, съезд выдвинул требование воссоединения Прикарпатской Руси (Галичины, Буковины, Северной Венгрии), «заселенных русским народом», с Россией. Съезд обратился к русскому народу с призывом прекратить конфликты, внутренние споры и объединиться для совместной борьбы с австро-германской коалицией под лозунгом воссоздания и защиты Русского государства (Карпаторусское слово 6). Создание отдельного украинского государства осуждалось как гибельное и для малороссов, и для великороссов. Только в пределах одного государства, как говорилось в резолюции, «с предоставлением населению широкой областной автономии» будет обеспечено «правильное развитие всего русского народа, как и белоруссов, так и малороссов». Главной задачей объявлялось формирование Карпаторусского добровольческого отряда в целях защиты единой неделимой России (Карпаторусское слово 6).

Была принята декларация, в которой содержался призыв к единению в борьбе с австро-германской коалицией для политического освобождения Прикарпатской Руси и воссоединения ее с Россией, одобрялась деятельность Временного комитета по формированию добровольческого отряда, и имелось ходатайство об уравнивании карпатороссов-добровольцев и ранее пострадавших «за русскую идею» с российскими воинами (ГАРФ: 1-1 об.)

Важным итоговым документом работы съезда стал устав Центрального Карпаторусского совета, в котором была заявлена его стратегическая цель – «освобождение Прикарпатской Руси от австро-мадьярского ига и воссоединение ее с Россией» и «защита как культурно-национальных, так и материальных интересов всех карпатороссов». Задачи Карпаторусской центральной организации были следующими: создание карпаторусских частей, объединение всех карпатороссов России, обеспечение тесной связи с карпатороссами Америки в деле освобождения Прикарпатской Руси. Составной частью работы совета должны были стать широкое информирование о целях и стремлениях карпатороссов и сотрудничество с теми организациями, которые «стоят на платформе как политического, так и национального объединения всего русского народа, а также с теми, кто борется за освобождение всех славянских и романских народов из-под германо-мадьярского ига».

Устав определял руководящие органы карпатороссов – съезд и Центральный Карпаторусский совет (как исполнительный орган), их полномочия, порядок формирования, структуру. Членами Карпаторусской центральной организации могли быть уроженцы Прикарпатской Руси обоего пола. В примечании оговаривалось, что в члены его могут быть приняты граждане русского происхождения и лица других славянских народов, сочувствующие стремлениям совета. Все члены организации наделялись правом решающего голоса и обязывались подчиняться уставу. Съезд созывался два раза в год. В совете создавались три отдела – военный, политический и отдел призрения, а также контрольная комиссия. Средства могли формироваться на основе членских взносов, добровольных пожертвований, «случайных поступлений». Каждый член организации обязывался уплачивать ежемесячные взносы в размере 2 % от получаемого месячного заработка. Местные карпаторусские организации могли оставлять на свои расходы 50 % собранных сумм (Карпаторусское слово 6).

В реализации решений съезда большое значение придавалось газете «Карпаторусское слово», выходившей под лозунгом «Культурно-национальное и политическое единство русских племен». В ее задачи входило «широкое и всестороннее освещение

жизни, быта и стремлений в прошлом и настоящем Прикарпатской Руси (Галичины, Буковины, Угорской Руси) как будущей составной части Русского государства». Издателем являлся Центральный Карпаторусский совет, редактором – И.А. Лабенский.

Газета широко пропагандировала единство России. Был опубликован призыв «В единении – сила», в котором говорилось о том, что «единое Русское государство может существовать только при соблюдении единства русской нации». Раскол среди русской нации может нанести непоправимый ущерб России и славянству. «Национальный долг русских людей не забывать о том, что Галичина, Буковина и Угорская Русь – достояние русской нации» (Карпаторусское слово 1).

Был составлен «Катехизис добровольца-карпаторосса», включавший вопросы и ответы о прошлом Галиции, Буковины и Угорской Руси, которые «называются Прикарпатской Русью». Говорилось, что в прошлом Прикарпатская Русь входила в состав Галицко-Русского княжества, которое потеряло независимость из-за внутренних распрей и попало под владычество Польши и Австрии, перестав быть богатым и процветающим. В ответе на вопрос о том, кто такие карпатороссы, подчеркивалось, что это часть «стоимиллионного русского народа, но живущего в пределах Австро-Венгрии» (Карпаторусское слово 4). Определялась необходимость борьбы за независимость как основы процветания при единстве с русскими.

Читателей информировали о действиях карпаторусских организаций на территории Прикарпатской Руси, России, Америки, о деятельности представителей карпатороссов на Мирной конференции, об усилиях Карпаторусского совета, направленных на создание боевого отряда и привлечение для этого белогвардейских властей. Отмечалось, что в декабре 1918 г. солдаты 1-го Карпаторусского батальона участвовали в подавлении омского мятежа (Карпаторусское слово 3).

В газете освещался ход работы над формированием Национального фонда, который создавался путем пожертвований «для восстановления разрушенных сел, городов на родине, помощи тем, кто туда возвращается». Создание его рассматривалось как «выполнение гражданского долга». Регулярно публиковались фамилии тех, кто вносил деньги, и размер собранной суммы.

Одновременно совет готовил созыв II карпаторусского съезда. Первое его заседание открылось 14 апреля 1919 г. в зале Географического музея в Омске. В работе съезда приняли участие 100 человек, представлявших, как сказал А.В. Копыстьянский, оглашая список делегатов, бывших жителей «всех уездов и округов Галицкой, Буковинской и Угорской Руси» (Карпаторусское слово 2: № 9).

При открытии съезда был исполнен «русско-национально-галицкий гимн» «Пора, пора за Русь святую» и прочитаны молитвы «Царю небесный» и «Вечная память» (всем воинам, погибшим в Карпатах за освобождение славянства). Перед столом президиума стояло знамя с изображением желтого льва на синем фоне и надписью «За Русь едину». Со словами приветствия выступили А.А. Андруков (Томск), А.Ю. Штокал (Челябинск), член Центрального правления Всероссийского национального союза Г. Ряжский, командующий 2-й Сибирской стрелковой дивизией генерал-майор Лящик, представители рот Карпаторусского стрелкового полка. С приветственными речами от Министерства иностранных дел Омского правительства выступил В.Г. Язвицкий, от газеты «Сибирская речь» - А.Н. Булдаев. Затем был избран президиум под председательством А.В. Копыстьянского, который отметил возможность свободно собираться благодаря тому, что «под мощной рукой Верховного правителя уже восходит солнце над русской землей», и предложил обратиться к Верховному правителю с приветствием. Приветственные телеграммы были отправлены председателю Совета министров П.В. Вологодскому, министру иностранных дел И.И. Сукину, политическому уполномоченному Чехословацкой республики доктору Б. Павлу (Карпаторусское слово 2: № 10).

Российские власти в лице правительства адмирала Колчака в своих телеграммах к съезду приветствовали деятельность карпатороссов, выражая надежду на воссоединение «зарубежных братьев», ибо это давало им возможность принимать участие «в строительстве великой, свободной и цветущей России». Благословил их цели епископ Томский Анатолий. Поддержали своими речами действия карпатороссов лидеры кадетов представители Восточного отдела ЦК партии кадетов Н.В. Устрялов и В.А. Жарлецкий. Приветственные письма и телеграммы были получены от Югославского национального комитета, Комитета Прикарпатской Руси в Париже, Семиреченского казачества, Славянского собрания из Иркутска и др. (Карпаторусское слово 2: № 10, 11, 12).

Материалы съезда позволяют составить представление о направлениях и характере деятельности Карпаторусского совета. В резолюции по текущему моменту была подчеркнута «идея культурно-национального единства всего русского народа (малороссов, белоруссов, великороссов)», ради которой были принесены неисчислимые жертвы в борьбе с австро-германской коалицией. Съезд потребовал «воссоединения Прикарпатской Руси с Россией с предоставлением населению областного самоуправления». Большая часть резолюции состояла из осуждения начавшейся перекройки

государственных границ. Выражался протест против посягательств соседних государств на территорию Прикарпатской Руси, ибо это являлось не только «попранием воли местного населения, но и грубым нарушением прав всего русского народа». Не одобрялось постановление угрорусского съезда в г. Прешев о присоединении части угрорусов к Чехословацкой республике³. Создание Польского государства приветствовалось, но только в пределах «коренных польских земель» и при условии вхождения Галицкой, Буковинской и Угорской Руси в состав России. Осуждалось стремление малороссов к «самостийной» Украине. В резолюции содержался призыв сплотиться вокруг Верховного правителя, «собирателя земли русской», который ведет страну «через победу над анархией к Национальному собранию» (Карпаторусское слово 2: № 9).

Докладывая о деятельности ЦКС за шесть месяцев его деятельности, А.В. Копыстьянский подчеркнул, что его важнейшей задачей являлось создание боевой единицы карпатороссов для освобождения Прикарпатской Руси. При формировании добровольческого отряда совет получал финансовую помощь от Чехословацкого национального совета, с которым 16 октября 1918 г. была заключена военная конвенция, действовавшая до 1 февраля 1919 г. После этого карпаторусские воинские части перешли под командование русской армии (Карпаторусское слово 2: № 10).

Значительное место в работе совета, как отметил Копыстьянский, занимала пропагандистская деятельность. С этой целью был создан агитационно-вербовочный отдел, выпускались обращения ко всем карпатороссам с призывом вступать в добровольческие войска. Возникавшие при формировании воинских отрядов трудности (недостаток обмундирования, опытных инструкторов) постепенно преодолевалось. Совет заботился об инвалидах, женщинах, стариках, лишенных возможности заработка, об улучшении санитарных условий в лагерях для военнопленных. С этой целью был основан Национальный фонд. Совет обратился за помощью к эмигрантам в Америке и отправил туда делегацию. Он приступил к регистрации беженцев и наметил план по их резвакуации после «уничтожения большевистского засилья». Для добровольцев и военнопленных открывались курсы и читальни. Газета «Карпаторусское слово», печатавшаяся «частью на русском, частью на малорусском наречии», расширяла культурно-просветительную работу (Карпаторусское слово 2: № 10).

Широкое обсуждение вызвал вопрос о принципах формирования добровольческих отрядов и мобилизации. Часть участников съезда высказалась за мобилизацию всех карпатороссов в возрасте от

18 до 35 лет. Другие предлагали формировать отряды «более устойчивым элементом» – добровольцами. В результате съездом было принято постановление о продолжении формирования войск на добровольных началах с предоставлением ЦКС права объявления мобилизации и определения времени мобилизации отдельных возрастов и категорий (Карпаторусское слово 2: № 12).

Карпаторусский совет постоянно указывал на неоспоримые «права карпатороссов на воссоединение с Русью Державной». Эти цели излагались в письме к президенту Чехословакии Т. Масарику, в декларациях представителям Америки, Англии, Франции. Совет выразил протест в связи с претензиями соседних государств на территорию Прикарпатской Руси и довел его до сведения российского, американского, французского, югославского правительств. Копытянский указал на ряд мер, предпринятых советом для укрепления идеи единства славян и защиты интересов карпатороссов на Парижской мирной конференции. Он обратился к карпаторусскому делегату Д.А. Маркову, поддержал его действия и проинформировал о работе ЦКС в Омске «в деле освобождения края от иноземного владычества» (Карпаторусское слово 2: № 10).

Ю.И. Демьянчик сделал доклад о Национальном фонде, который пополнялся за счет национального налога, добровольных пожертвований, случайных поступлений и выручки от продажи «Карпаторусского слова». По его предложению Национальный фонд был переименован в Фонд возрождения Прикарпатской Руси. Решено было изменить размер и порядок взимания национального налога. Вместо прежних 2 % постановили собирать взносы с тех, кто имел заработок до 100 руб. – 2 %, до 500 руб. – 3 %, а свыше 500 руб. – 5 %. В докладе И.А. Лабенского «Карпаторусский вопрос в русской печати» выражалась благодарность за сочувствие к деятельности Карпаторусского совета «в целях воссоединения с Россией». В прениях говорилось о необходимости уделять больше внимания в газетах при освещении карпаторусской идеи (Карпаторусское слово 2: № 11). И.П. Гозда обрисовал положение военнопленных Прикарпатской Руси (Карпаторусское слово 2: № 11, 12). Съезд вынес решение, что военнопленные, достигшие определенного возраста и неспособные к военной службе, должны жить в концентрационных лагерях на существующих основаниях. Военнопленные, получившие удостоверения благонадежности от Карпаторусского совета, могли жить и на свободе.

Еще одним объектом внимания ЦКС были беженцы-карпатороссы из Галиции. В.В. Шемердяк в своем выступлении остановился на проблемах регистрации и реэвакуации беженцев (Карпаторусское

слово 2: № 11). Эти проблемы беженцев обсуждались в прениях. Предполагаемая реэвакуация распределяла беженцев на три категории. В первую очередь должны были воспользоваться этим «семьи добровольцев и лица, пострадавшие за идею»; во вторую – инвалиды, военнопленные, старики, жены и дети; в третью – лица, уклонившиеся «от исполнения своего национального патриотического долга». Для реализации плана по возвращению на родину постановили организовать реэвакуационный фонд (Карпаторусское слово 2: № 11, 12).

Съезд избрал Центральный Карпаторусский совет в следующем составе: председатель А.В. Копыстьянский, члены В.В. Шемердяк, М.П. Кузьма, А.Н. Скицко, Н.Н. Лозинский. Кооптированные члены совета с правом решающего голоса – О.Г. Дохович, Н.А. Громчук. В контрольную комиссию вошли Р.М. Кочаровский, Г.П. Дмухар, Г.П. Реплянский (Карпаторусское слово 2: № 9).

После съезда ЦКС продолжил деятельность, направленную на формирование Карпаторусского полка, информирование о деятельности Карпаторусского совета в Америке, освещение деятельности карпаторусской делегации на Мирной конференции в Париже, вел пропагандистскую работу. Особое место отводилось освещению вопроса об отношении белой власти к совету и его деятельности. Так, «Карпаторусское слово» опубликовало телеграмму Верховного правителя адмирала Колчака с приветствием Первому карпаторусскому полку: «Всецело разделяю желание полка пополнить свои ряды и встать на защиту веры, права и национальности. Буду сердечно рад увидеть карпаторуссов в славных боях за Россию и за общее дело славянства. Верю в их победное счастье и успехи» (Карпаторусское слово 2: № 23).

В новых условиях, за пределами своей территории - в Сибири, карпаторуссы-русофилы проявили способность к самоорганизации и стремление сохранить свою этническую идентичность. В этом важны были роль исторической памяти, связывавшей русинов с русскими, и идеи свободы и права на самоопределение. Карпаторуссы пытались использовать благоприятные возможности внешнего порядка – распад Австро-Венгрии и поддержку белогвардейских властей. На проведенных ими съездах они представили свои национальные интересы и политические требования (воссоединение Прикарпатской Руси с Россией на началах областной автономии) и попытались их реализовать. Был создан координирующий центр в лице Центрального Карпаторусского совета, который признало правительство А.В. Колчака. Влияние ЦКС распространялось на военнопленных

и беженцев-карпатороссов. Лидеры карпатороссов отводили съездам важную роль, рассматривали их как «праздник русского единения» (Карпаторусское слово 4). Большим успехом для них было не только создание Карпаторусского отряда, но и организация призыва карпатороссов в российскую армию под командованием российских офицеров. На карпатороссов распространялись права и льготы, предоставляемые русским военным служащим, в том числе по земельному вопросу. Свою помощь в военном деле ЦКС рассчитывал сделать существенной и называл число годных к военной службе карпатороссов в Сибири - 25 тыс. чел. (Военный вестник 1919). Эта ситуация свидетельствовала, как полагали лидеры карпатороссов, «о создании единства русского фронта». По их мнению, возникла новая ситуация. В продолжение веков оторванная от национального целого Прикарпатская Русь «в момент строительства нового Русского государства» стояла теперь «в рядах своих державных русских братьев». И отныне великие задачи, «поставленные событиями русскому народу, должны решаться усилиями всего стомиллионного русского народа» (Карпаторусское слово 2: № 6). Такие оценки свидетельствовали о завышенных ожиданиях лидеров карпатороссов.

Заслугой ЦКС наряду с другими карпаторусскими советами и делегацией на Мирной конференции было привлечение внимания к проблемам населения Прикарпатской Руси, к соблюдению его прав при создании новых государств. Но главной цели они не достигли – Прикарпатская Русь не стала частью Российского государства. Причина этого заключалась в ограниченных политических и военных возможностях карпатороссов для решения поставленных ими задач. Поражение белогвардейцев на юге и востоке России лишало их этой поддержки. Но рассчитывать в полной мере на помощь этих союзников лидеры карпатороссов не могли, поскольку их политические устремления и геополитические интересы белого движения различались. Не было поддержки карпаторусскому движению и со стороны международного сообщества в лице стран-победительниц в Первой мировой войне.

* Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Имеется в виду Русский народный совет Прикарпатской Руси (РНС) — общественно-политическая организация галицких русофилов,

оформившаяся в сентябре 1914 г. во Львове после взятия города русскими войсками в ходе Первой мировой войны с целью создания в крае нового галицкого правительства из представителей местной политической элиты. Летом 1915 г. РНС был эвакуирован в Киев, в сентябре обосновался в Ростове-на-Дону.

2. Адриан Владимирович Копыстьянский (1883-1938) – русинский историк и общественный деятель, родом из лемков, сторонник «Единой Неделимой Руси». Летом 1915 г. был вынужден вместе с отступавшими русскими войсками уехать из Галиции и обосноваться в Ростове-на-Дону. В 1916 г. петроградский журнал «На новом пути» опубликовал статью Копыстьянского «Из прошлого Галицкой Руси», изданную впоследствии отдельной брошюрой, а осенью 1917 г. в Ростове-на-Дону вышла его программная работа «Возможно ли отделение Украины от России?» (Баринов, Стрелков 2012b: 117-118).

3. 19 ноября 1918 г. русины Кошицкого и Прешовского округа, территорию которых в народе называли «Прешовская Русь», создали «Прешовскую Народную Раду русинов» и на этом же учредительном съезде приняли решение о присоединении к Чехословакии. По Сен-Жерменскому договору 10 сентября 1919 г. Карпатская Русь вошла в состав Чехословакии на правах автономии. Этот статус был подтверждён Трианонским договором в 1920 г.

ЛИТЕРАТУРА

Баринов, Стрелков 2012a - *Баринов И., Стрелков И.* Будущее Буковины в контексте русских, украинских и румынских предложений на Парижской мирной конференции 1919 г. // Русин. Международный исторический журнал / Отв. редактор Суляк С.Г. Кишинев, 2012. № 2 (28). С. 35-48.

Баринов Стрелков 2012b - *Баринов И., Стрелков И.* А.В. Копыстьянский и его деятельность в России в годы Гражданской войны, 1918-1920 гг. // Русин. Международный исторический журнал / Отв. редактор Суляк С.Г. Кишинев, 2012. № 3 (29). С. 116-126.

Ваврик 1923 - *Ваврик В.Р.* Карпатороссы в Корниловском походе и Добровольческой армии. Львов, 1923. 47 с.

Военный вестник 1919 - Среди карпатороссов // Военный вестник. Владивосток. 1919. 8 сент.

ГАРФ 1 - Государственный архив Российской Федерации (далее - ГАРФ) Ф. 1700. Оп. 7. Д. 10. Союз освобождения Прикарпатской Руси (Галичины, Буковины и Угорской Руси).

ГАРФ 2 - ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 357. Декларация делегатов от всех колоний, уроженцев Прикарпатской Руси. 5-6 окт. 1918 г. в гор. Челябинске.

Карпаторусское слово 1 - В единении – сила! // Карпаторусское слово. Екатеринбург, 1919. № 2 (3).

Карпаторусское слово 2 - Второй карпаторусский съезд // Карпаторусское слово. Омск, 1919. № 6, № 9, № 10, № 11, № 12.

Карпаторусское слово 3 - Михаил Вовк // Карпаторусское слово. Екатеринбург, 1919 г. № 4 (5).

Карпаторусское слово 4 - К-к Н. Праздник русского единения // Карпаторусское слово. Омск, 1919. № 8. 20 апр.

Карпаторусское слово 5 - Катехизис добровольца-карпаторосса // Карпаторусское слово. Екатеринбург, 1919. № 3 (4). Янв.

Карпаторусское слово 6 - Съезд делегатов карпаторосских колоний в Челябинске // Карпаторусское слово. Екатеринбург, 1918. № 1.

Суляк С. Русины в период Первой мировой войны и Русской смуты // Русин. Международный исторический журнал / Отв. редактор Суляк С.Г. 2006. № 1 (3) С. 46-65.

References

Barinov, Strelkov 2012a - *Barinov I., Strelkov I.* Budushchee Bukoviny v kontekste russkikh, ukrainskikh i rumynskikh predlozheniy na Parizhskoy mirnoy konferentsii 1919 g. [The future of Bucovina in the context of Russian, Ukrainian, and Romanian proposals at the Paris Peace Conference of 1919], Rusin, International historical journal, red. S.G. Sulyak, Kishinev, 2012, Nr 2 (28), pp. 35-48 [in Russian].

Barinov, Strelkov 2012b - *Barinov I., Strelkov I.* A.V. Kopystyanskiy i ego deyatel'nost' v Rossii v gody Grazhdanskoy voyny, 1918-1920 gg. [Adrian V. Kopystyanskiy and his activities in Russia during the Civil War (1918-1920)], Rusin, International historical journal, red. S.G. Sulyak, Kishinev, 2012, Nr 3 (29), p. 116-126 [in Russian].

Vavrik 1923 - *Vavrik V.R.* Karpatorossy v Kornilovskom pokhode i Dobrovol'cheskoy armii [Carpatho-Russians in the Kornilov campaign and the Volunteer Army], L'vov, 1923, 47 p. [in Russian].

Voenny vestnik 1919 - Sredi karpatorusov [Among the Carpatho-Russians], Voenny vestnik [Bulletin of the military], Vladivostok, 1919, 8 sent. [in Russian].

GARF 1 - Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (further - GARF), f. 1700, op. 7, d. 10, Soyuz osvobozhdeniya Prikarpat'skoy Rusi (Galichiny, Bukoviny i Ugorskoys Rusi) [The Union for the Liberation of the Sub-Carpathian Rus (Galicia, Bucovina, and Ugrian Rus)] [in Russian].

GARF 2 - GARF, f. 1700, inv. 7. d. 10, Soyuz osvobozhdeniya Prikarpat'skoy Rusi (Galichiny, Bukoviny i Ugorskoys Rusi) [The Union for the Liberation of the Sub-Carpathian Rus (Galicia, Bucovina, and Ugrian Rus)] [in Russian].

GARF 2 - GARF, f. 200, Inv. 1, d. 357, Deklaratsiya delegatov ot vseh koloniy, urozhentsev Prikarpat'skoy Rusi. 5-6 okt. 1918 g. v gor. Chelyabinsk [in Russian].

Karpatorusskoe slovo 1 - V edinenii - sila! [Power in unity!], Karpatorusskoe slovo [The word of Carpatho-Russians], Ekaterinburg. 1919, Nr 2 (3) [in Russian].

Karpatorusskoe slovo 2 - Vtoroy karpatorusskiy s'ezd [The second Carpatho-Russian Congress], Karpatorusskoe slovo [The word of Carpatho-Russians], Омск, 1919, Nr 9, Nr 10, Nr 11, Nr 12 [in Russian].

Karpatorusskoe slovo 3 - Mikhail Vovk [Mikhail Vovk], Karpatorusskoe slovo [The word of Carpatho-Russians], Ekaterinburg, 1919 g., Nr 4 (5) [in Russian].

Karpatorusskoe slovo 4 - K-k N. Prazdnik russkogo edineniya [The Feast of Russian unity], Karpatorusskoe slovo [The word of Carpatho-Russians]. Omsk, 1919, Nr 8 [in Russian].

Karpatorusskoe slovo 5 - Katekhizis dobrovol'tsa-karpatorossa [Catechism of Carpatho-Russian volunteer], Karpatorusskoe slovo [The word of Carpatho-Russians], Ekaterinburg, 1919, Nr 3 (4) [in Russian].

Karpatorusskoe slovo 6 - S'ezd delegatov karpatorosskikh koloniy v Chelyabinske [The Congress of delegates from Carpatho-Russian colonies in Chelyabinsk], Karpatorusskoe slovo [The word of Carpatho-Russians], Ekaterinburg, 1918, Nr 1 [in Russian].

Sulyak S. Rusiny v period Pervoy mirovoy voyny i Russkoy smuty [Rusyns during the World War I and the Russian smuta], Rusin, International historical journal, red. S.G. Sulyak, Kishinev, 2006, Nr 1 (3), pp. 46-65 [in Russian].

Нам Ирина Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Nam Irina - Doctor of Historical Sciences, Professor of Modern Russian History of the Faculty of History of National Research Tomsk State University.

E-mail: namirina@bk.ru

Наумова Наталья Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Naumova Natalia - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History and Documentation of the Faculty of History of National Research Tomsk State University.

E-mail: tomnin@yandex.ru

УДК 94 (47) 084.3 (571)
UDC
DOI: 10.17223/18572685/37/12

ТЕМА «ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ» ВО ВЗАИМО- ОТНОШЕНИЯХ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА И ЦЕНТРАЛЬНОГО КАРПАТОРУССКОГО СОВЕТА (1918–1919 гг.)*

Д.Н. ШЕВЕЛЕВ¹, К.А. КОНЕВ²

¹Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: shev-dn@yandex.ru
SPIN-код: 2297-1391

²Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: konev-k-92@rambler.ru
SPIN-код: 3508-3819

Авторское резюме

В статье на основе материалов официальной и проправительственной периодической печати, выходившей на востоке России с лета 1918 до конца 1919 г., рассматривается использование Омским правительством и Центральным Карпаторусским советом в пропагандистских целях темы и образов «Великой войны». По мнению авторов, объединяющим для карпаторусского национального и российского антибольшевистского движения началом служил рассеянный по многим газетным текстам, листовкам и пропагандистским брошюрам рассказ о «Единой Неделимой Руси». Это свертхтекстовое повествование представляло собой специфический политический нарратив, обладавший своим сценарием развертывания темы и ее репрезентации, устойчивой актантной схемой, определенной последовательностью подачи матери-

ала. Тема и образы «Великой войны» являлись составной частью этого нарратива, а их актуализация происходила в контексте репрезентации идей общерусского и славянского единства. Само повествование о «Единой Неделимой Руси» выступало формой осмысления, упорядочивания и организации исторического опыта и конструирования на этой основе новой картины мира. Тема и образы «Великой войны» были включены в структурирование политического пространства Белого Востока, выстроенного в соответствии с семантико-идеологической оппозицией «свой – чужой», на одной стороне которой находились Омское правительство и национальное движение карпатороссов, а на другой – Центральные державы, украинские «самостийники» и большевики.

Ключевые слова: Первая мировая война, гражданская война, Сибирь, карпатороссы (русины), Российское правительство адмирала А.В. Колчака, Центральный Карпаторусский совет, политический нарратив.

The theme of the "Great War" in the interaction of Russian government of admiral A.V. Kolchak and the Central Carpatho-Russian Council (1918-1919)

D.N. Shevelev, K.A. Konev

The Moldovan State Institute of International Relations

54 Puskin str., Chisinau, 2005, Republic of Moldova

E-mail: sergnazar@mail.ru

Abstract

The Carpatho-Rusyns (Rusyns) which is located in Russia were drawn into armed confrontation between the "reds" and "whites", after the beginning of the Civil War. The Central Carpatho-Russian Council was created In October 1918 at the Congress in Chelyabinsk. The organization had the purposes – "liberation of the Ciscarpathian Rus from the Austro-Magyar yoke and its reunification with Russia" and "protection as national cultural and material interests of all Rusyns".

The Russian government of Admiral A.V. Kolchak, which came to power November 18, 1918, considered the Rusyn's national movement as an ally. Both sides had the common goals – a reunion of all the Russian land and the revival of the Russian state.

The purpose of the research is to identify the role played by the deployment and reproduction of the themes and images of the "Great War" in the interaction of government of Admiral A.V. Kolchak and the Central Carpatho-Russian Council.

Authors analyzed materials of the newspaper ("Karpatorusskoe slovo"), which was published by The Central Carpatho-Russian Council. The narrative about "Single Indivisible Russia", was considered on the basis of this periodical's materials. This

narrative was formed the value-symbolic space of the newspaper. Idea "of the unity of the all Russian people" was the main theme of the narrative about "Single Indivisible Russia". This idea was based of the heroic past of the Ciscarpathian Rus – "the land, where began the history of Russia".

The political discourse of the White Siberia presented the First World War as a specific starting point, backbone, structuring the political space. Besides, the "Great War" played the significant role in the construction of the new political identity, based on the national, sovereign and patriotic values and the memory of the former glories of Russia.

The Central Carpatho-Russian Council also actively addressed to this subject. All history of Ruthenian (Rusins) appeared in a form of continuous struggle for preserving their national identity, which culmination was the World War, turned into a disaster for the population of Ciscarpathian Rus. The adversities of war which fell upon Galicia were considered as a test of fidelity of Carpatho-Russian to the idea of all-Russian unity. The victory over the "Teutonic-Magyar barbarians" meant, apart from everything else, – a triumph of justice and law over an outrage and violence, thereby, Ciscarpathian Russia ruined during the war, would already "vivify" in a new quality – as a part of United and Indivisible Russia.

In such a manner, the story about "Single Indivisible Russia" scattered through many newspaper texts, leaflets and propaganda brochures, represents the specific political narrative, possessing its own scenario of expansion of the subject and its representation, the steady actantial scheme, and the determined sequence of a material feed. In such a situation, the theme and images of the "Great War" had been an integral part of the narrative of "Single Indivisible Russia", and their actualization took place in the context of representation of the ideas of all-Russian and Slavic Unity. The narration of "Single Indivisible Russia" was a form of understanding, ordering and organization of historical experience and an institutionalization on this basis of a new image of the world. The subject and images of "Great War" were included in the structuring of the political space of White East, built according to the semantics-ideological opposition "friend-or-foe", on the one side there were the Omsk Government and the national movement of Carpatho-Russian, and on the other side – the Central powers, Ukrainian "independentists" (Ukrainian separatists) and the Bolsheviks.

Keywords: World War I, Civil War in Russia, Siberia, Carpatho-Rusyns (Rusins), The Russian government of Admiral A.V. Kolchak, The Central Carpatho-Russian Council, political narrative.

К осени 1918 г. в восточных районах России (в Поволжье, на Урале, в Западной и Центральной Сибири) находилось несколько десятков тысяч карпатороссов (русинов) – уроженцев Прикарпатья, размещавшихся в колониях беженцев и лагерях военнопленных. Только беженцев из Галичины во время Первой мировой войны в России, по данным, которые приводит С.Г. Суляк, оказалось около 200 тыс. (Суляк 2006: 53).

К этому времени Русский народный совет Прикарпатской Руси, располагавшийся в Ростове-на-Дону, прекратил свою работу, и центр карпаторусского движения в России переместился с юга на восток страны. Вскоре после того, как Омск заняли войска Временного Сибирского правительства, там был создан Временный комитет Карпаторусского добровольческого отряда. В конце августа 1918 г. челябинская колония карпаторуссов организовала Союз освобождения Прикарпатской Руси (СОПР).

5-6 октября 1918 г. по инициативе СОПР в Челябинске состоялся съезд «уроженцев Прикарпатской Руси: Галичины, Буковины и Угорской Руси» (Карпаторусский съезд 1918). На съезд прибыли делегаты карпаторусских колоний Пермской губернии, Западной и Центральной Сибири, представители Карпаторусского добровольческого отряда. «Испытав на себе все гибельные последствия социального разлада, благодаря которому когда-то славное Галицко-Русское княжество лишилось своей политической независимости и сделалось добычей хищников-насильников, – указывалось в его резолюции, – и, убедившись в том, как легко подпасть под чужое иго и как трудно вырваться из тисков врага, съезд обращается ко всему русскому народу с горячим призывом оставить в стороне все внутренние партийные споры и объединиться для совместной борьбы с австро-германской коалицией под лозунгами воссоздания и защиты русского государства» (Карпаторусский съезд 1918).

На съезде был принят устав Карпаторусской центральной организации. Ее целью провозглашалось «освобождение Прикарпатской Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской Руси) из-под австро-мадьярского ига и воссоединение ее с Россией», «защита как культурно-национальных, так и материальных интересов всех карпаторуссов». В рамках реализации поставленной цели предполагались «контакт со всеми российскими организациями, стоящими на платформе как политического, так и национального объединения всего русского народа», а также «тесная связь с народами, преследующими цель освобождения всех славянских и романских народов из-под германо-мадьярского ига» (Устав 1918).

В соответствии с принятым уставом «правомочным органом и выразителем подлинной воли» всех карпаторуссов (русинов) являлся съезд делегатов карпаторусских организаций, а исполнительным органом съезда с «самыми широкими полномочиями во всех направлениях его деятельности» – Центральный Карпаторусский совет (ЦКС). 6 октября 1918 г. в результате закрытого голосования ЦКС был сформирован. В него вошли А.В. Копыстьянский (председатель), В.Н. Красицкий, М.П. Кузьма, Н.Н. Лозинский и В.В. Шемердяк.

В целом съезд «признал необходимым с оружием в руках встать на защиту Прикарпатской Руси, России и всего славянства и, таким образом, добиться долгожданной свободы» (Съезд 1918).

Одной из важных задач, стоявших перед Карпаторусской центральной организацией, нашедшей отражение в ее уставе, являлось «осведомление широких кругов русского общества и других народов о целях и стремлениях карпатороссов» (Устав 1918). С декабря 1918 г. ЦКС издает газету «Карпаторусское слово». Вначале газета, редактором которой был И.А. Лабенский, выходила в Екатеринбурге, а затем, с апреля 1919 г., - в Омске. Официальное издание ЦКС имело свой девиз - «Культурно-национальное и политическое единство русских племен» и ставило перед собой задачу «широкого и всестороннего освещения жизни, быта и стремлений в прошлом и настоящем Прикарпатской Руси как будущей составной части русского государства».

В результате переворота, произошедшего в Омске в ночь с 17 на 18 ноября, к власти пришел адмирал А.В. Колчак, провозглашенный Верховным правителем России. Спустя 10 дней, 28 ноября, в беседе с представителями прессы он заявил: «Я буду стремиться к восстановлению правильного отправления всех функций государственной жизни, служащих не только делу государственного строительства, но и возрождению Родины, так грубо, так дерзко нарушенному предательской рукой большевиков» (Задачи 1918).

10 декабря 1918 г. в «Правительственном вестнике» была обнародована декларация Омского правительства в связи с окончанием «войны против Германской коалиции». «Уже положено основание восстановления государства Российского, - отмечалось в декларации. - Опираясь на проснувшиеся здоровые национальные чувства, Российское правительство стремится к воссозданию государственности на началах истинного народовластия, свободы и равенства» (Декларация 1918).

«В настоящее время, - писала позиционировавшая себя как "орган национальной и государственной мысли" газета "Отечественные ведомости", - можно уже сказать с уверенностью, что процесс объединения России есть факт... Кристаллизация национальных сил России уже идет в реальных формах при самой деятельной поддержке Согласия, и близок тот час, когда мы увидим гибель большевизма и счастливые и сильные гордо вступим в семью великих народов» (Воссоздание России 1918).

Общая цель - воссоединение всех русских земель и возрождение Российского государства - объединили правительство адмирала А.В. Колчака и Центральный Карпаторусский совет.

9 декабря 1918 г. А.В. Копыстянский и секретарь ЦКС В.Н. Краицкий направили Верховному правителю и Верховному главноко-

мандующему адмиралу Колчаку телеграмму. «В день святого Георгия Победоносца, – говорилось в ней, – Центральный Карпаторусский совет шлет свой горячий привет возрождающейся русской армии, видя в ней залог спасения России и освобождения подъяремной Прикарпатской Руси» (Приветственные послания 2012: 77). Это стало одним из первых шагов к взаимному сближению.

Отметим, что различные аспекты истории национального движения русинов (карпатороссов) на завершающем этапе Первой мировой и во время гражданской войны в России рассматривались в работах И.И. Барина, И.В. Нам, Н.И. Наумовой, А.И. Пушкеша, И.П. Стрелкова, С.Г. Суляка, В.Г. Хандорина, К.В. Шевченко и других исследователей. Основной упор при этом делался на организационную, структурную, событийную стороны вопроса. Однако не менее важной является реконструкция того ценностно-смыслового, образного и символического универсума, который являлся объединяющим идеологическим фундаментом не только для карпаторусского национального, но и для российского антибольшевистского движения.

Цель исследования состоит в выявлении той роли, которую сыграли актуализация темы и образов «Великой войны» во взаимоотношениях Российского правительства адмирала А.В. Колчака и Центрального Карпаторусского совета, в дискурсивной институционализации нарратива о «Единой Неделимой Руси» в периодической печати официального направления.

Анализ материалов, опубликованных в газете «Карпаторусское слово», позволяет выделить содержательное, формирующее единое ценностно-смысловое пространство этого издания повествование, которое мы обозначили как рассказ о «Единой Неделимой Руси». Эта рассеянная по многим газетным текстам, листовкам и пропагандистским брошюрам история представляет собой политический нарратив, то есть «совокупность дискурсивных образований разных жанров, сконцентрированных вокруг определённого политического события» (Шейгал 2007: 87), и как таковая обладает рядом свойств.

Во-первых, объединяет и связывает разрозненные тексты в один нарратив, единое свертхтекстовое повествование ключевая идея, четко выраженная идеологическая установка. Во-вторых, единая для всех текстов история воспроизводится в нескольких отличных изложениях (интерпретациях) и многими повествователями. В-третьих, нарратив о «Единой Неделимой Руси» обладает определенной сюжетно-ролевой структурой: фабулой, композицией, действующими лицами. В-четвертых, воспроизводимая в рассказе история имеет свою протяжённость во времени и пространстве.

Внутреннее, содержательное пространство газеты «Карпаторусское слово» образуется в результате соединения и комбинирования

нескольких дискурсов, рассматриваемых как отдельные потоки социальной коммуникации:

- дискурс об историческом прошлом Прикарпатской Руси (изложение, осмысление и интерпретация прошлого);
- политический дискурс (задавал идеологические ценности и установки, значимые для понимания настоящего);
- медийный (газетный) дискурс (форма актуализации и представления информации с целью воздействия на аудиторию).

Развертывание и воспроизводство системообразующего для этого издания нарратива о «Единой Неделимой Руси», конструирование соответствующего воображаемого пространства со своей географией и историей происходило на границе исторического, политического и медийного дискурсов.

Основным мотивом нарратива о «Единой Неделимой Руси» являлась «идея единства русского народа», служившая для Прикарпатской Руси, как писала газета «Карпаторусское слово», «путеводным маяком в атмосфере гнета и бесправия» (Россия и Карпатская Русь 1918). При этом русины осознавали себя частью «народности русской», а земли Прикарпатской Руси воспринимали как часть русской территории. «Карпатороссы, – говорилось в "Катехизисе добровольца-карпаторосса", – это часть стомиллионного русского народа, живущая в пределах Австро-Венгрии, а именно в Галичине, Буковине и Угорской Руси. Они заселяют горы Карпаты и прилегающие к ним равнины, и поэтому эти области, заселенные карпатороссами, носят название: Прикарпатская Русь» (Катехизис 1919).

Прошедший осенью 1918 г. в Челябинске съезд карпатороссов принял резолюцию, в которой принадлежность жителей Прикарпатской Руси к русскому народу расценивалась как «незыблемая истина». В резолюции отмечалось, что, несмотря на шестивековую политическую обособленность от России, население Галичины, Буковины и Угорской Руси «на протяжении своего тысячелетнего исторического существования, со времен Владимира Святого вплоть до нынешних дней, всегда считало и считает себя русским, всегда вело борьбу за русские идеалы и свою преданность русской идее запечатлело кровью своих лучших сынов». (Карпаторусский съезд 1918).

Выход лидеры карпаторусского национального движения видели в объединении всех ветвей русского народа (малороссов, белорусов и великороссов) в рамках единого государства. «Опираясь как на тысячелетнее самоопределение Прикарпатской Руси, так и на неисчислимые жертвы, принесенные ее населением в борьбе с Австро-Германской коалицией, – указывалось в резолюции II карпаторусского съезда, прошедшего в середине апреля 1919 г. в Омске, – съезд

требует воссоединения Прикарпатской Руси с Россией, с предоставлением населению областного самоуправления» (Резолюции 1919).

14 апреля съезд направил приветствие Верховному правителю. «Съезд, – отмечалось в нем, – счастлив приветствовать в Вашем лице Вождя Великой России и собирателя Земель русских с непоколебимой верой в конечное торжество начатого святого дела и в воссоединение Русского Прикарпатья с великой Россией[;] съезд воодушевлен желанием отдать все свои силы на осуществление общерусских исторических задач» (Приветственные послания 2012: 273).

Выдвинутый карпатороссами лозунг «Единой Неделимой Руси» был с одобрением встречен сибирскими кадетами, которые на тот момент фактически определяли идеологический курс Омского правительства. Товарищ председателя Восточного отдела кадетской партии В.А. Жардецкий в своем выступлении на II карпаторусском съезде отмечал, что русский народ в первую очередь должен позаботиться «о своих национально-русских интересах». (Второй карпаторусский съезд 1919а). Присутствовавший на том же съезде член ЦК Партии кадетов Н.В. Устрялов указал на необходимость единения славян под эгидой России, «вступившей в мировую войну во имя защиты малых народов». (Второй карпаторусский съезд 1919б).

Легитимность воссоединения Галичины, Буковины и Угорской Руси с Россией обосновывалась через обращение к исторической памяти русского народа, к героическому прошлому Прикарпатской Руси – страны, «откуда пошла есть русская земля, откуда вышел великий подвижник в деле собирания земли русской московский митрополит святой Петр Ратенский». В газете «Карпаторусское слово» неоднократно подчеркивалось, что «территорию нынешней Прикарпатской Руси когда-то занимало сильное Галицко-Русское княжество», героически противостоявшее татарам, полякам и венграм, но попавшее под владычество Польши вследствие внутренних междоусобиц.

Пограничное положение Прикарпатья, находившегося на стыке славянского и германского миров, обуславливало извечных врагов карпаторуссов – «тевтонов и мадьяр», объединенных под знаменем «лоскутной» монархии Габсбургов, ставшей, по словам газеты «Карпаторусское слово», «тюрьмой народов» (Старая фраза 1919).

Обращение к героическому прошлому позволяло выстраивать в рамках нарратива о «Единой Неделимой Руси» воображаемое пространство со своей историей и географией, героями и антигероями. Вся история Прикарпатья представала в виде непрерывной борьбы русинов за сохранение своей национальной идентичности, апогеем которой стала мировая война. «В настоящую войну, – отмечало "Карпаторусское слово", – Прикарпатская Русь была главным театром

военных операций. На ее территории сражались миллионные армии, все предавая огню и мечу. Население Прикарпатской Руси пережило все ужасы войны в размерах, подобных которым не найти в истории всего мира» (Участие Прикарпатской Руси 1919).

Именно с началом «Великой войны» Австро-Венгрия «обнаружила всю свою свирепую ненависть к русскому народу Галичины, Буковины и Угорской Руси» (Катехизис 1919).

«Ой затряслась, застонала
Земля галицкая,
Тай полилась потоками
Кровь неповинная.
Чья же кровь полилась?
Так же русская – не чья!
Кто смел русскую кровь проливать?
Проклятая Австрия.
За что – я вам хочу сказать,
Братья дорогие.
За то, что мы держимся
Своей истории.
Что мы веру православную
Щиро почитаем
И народом себя русским
Всегда называем» (Прикарпатская Русь 1919).

Эмоциональный язык повествования, использование метафор, ярких образов и религиозных мотивов позволяли создать апокалиптическую картину бедствий и страданий, обрушившихся на Галицию в результате войны. «Оскотиневшие гунны» и «зверские германцы», возглавляемые «Францем-Иосифом – Антихристом», являлись воплощенным злом, борьба с которым должна была стать для карпаторусов проверкой на прочность их приверженности идее общерусского единства. «Изрезанная траншеями и вспаханная снарядами» земля Прикарпатя, тысячи расстрелянных и заточенных в тюрьмы галичан, «виселицы, воздвигнутые на радость воронам» и озаряемые пожарами села и городов – все это, по словам «Карпаторусского слова», «намогильный памятник», оставленный Австрией, «чтобы мы ее помнили и вспоминали во веки» (Праздник в тюрьме 1919). Такое «напоминание» должно было еще раз засвидетельствовать необходимость воссоединения с Россией. «Тридцать тысяч казненных австрийским правительством карпаторусов за их тяготение и симпатии к России за время последней войны ярко свидетельствуют о том, что тяготение к воссоединению с Россией у карпаторусов носит стихийный характер. Это не интеллигентская затея, это историческая

необходимость, это воздух, без которого не может жить Прикарпатская Русь» (Шендриков 1919).

Символом верности православию стал священник Максим Сандович – «самоотверженный ревнитель православной веры и неутомимый борец за национальную идею», подвергавшийся гонениям австрийских властей и расстрелянный осенью 1914 г. (Сандович 1919).

Как отмечалось в газете «Карпаторусское слово», «карпатороссы с самого начала Великой войны, за исключением ничтожной группы фанатиков сепаратизма, связали свои судьбы с Россией, с союзными нациями, окончательно и бесповоротно. Никаких колебаний, никакого сомнения в естественности такой именно ориентации среди карпатороссов не было...» (Итоги 1919). Не желая сражаться со своими русскими братьями, солдаты-карпатороссы, служившие в австрийской армии, сдавались в плен. Русские полки встречались галичанами как освободители. Тысячи добровольцев-карпатороссов шли сражаться в русские, сербские, чехословацкие части. А в 1915 г. часть населения Прикарпаття, спасаясь от репрессий австрийцев, бежала с отступавшими частями русской армии на восток (Катехизис 1919).

Образ сильного, коварного врага должен был подчеркнуть всю значимость противостояния и весомость победы. Война воспринималась, с одной стороны, как решающая битва со злом – Армагеддон, и сравнение австрийского императора с Антихристом в связи с этим не случайна. С другой стороны, бедствия войны стали для Прикарпаття «распятием», Голгофой. Таким образом, страдания его уроженцев, внесших свой вклад в борьбу со злом, должны быть вознаграждены «воскресением» и воздаянием. В этой системе координат победа над «германизмом» означала торжество справедливости и права над произволом и насилием, благодаря чему Прикарпатская Русь «воскресла» бы уже в новом качестве – в составе единой и неделимой России.

Однако победа союзников над Центральными державами не привела к долгожданному объединению. Новым препятствием для справедливого мира стали развал Российского государства. В такой ситуации лидеры карпаторусского национального движения рассматривали большевизм и сепаратизм российских окраин как результат подрывной деятельности Германии и Австро-Венгрии. Цель «дьявольской работы германо-мадьяр, – писало «Карпаторусское слово», – заключалась в стремлениях завоевать русские области не только силой оружия (что им оказалось не по силам), но и посредством привнесения вражды и взаимного озлобления в единую русскую семью, сделать свое черное дело с помощью русских же рук». (Прикарпатская Русь на мирной конференции 1919а).

Пропаганда в пользу объединения с Россией сопровождалась яростной критикой украинских «самостийников». Украинский се-

паратизм, «искусственно создаваемый и раздуваемый до размеров европейского вопроса», по мнению редакции газеты «Карпаторусское слово», был намного опаснее кавказского или прибалтийского, ибо грозил расколом русской нации. «Ни Великороссия, ни Малороссия как отдельные государства не будут играть в международных отношениях той роли, какая по праву принадлежит единой русской нации» – считало издание ЦКС (Раздробление России 1919). Сепаратизм, рассматривавшийся как один из политических экспериментов Центральных держав над русским народом, считался враждебным и чуждым идеалу единой России. «Только в атмосфере анархо-большевизма, разрушившего в угоду германцам государственный аппарат до основания, возможны были выступления "украинских" сепаратистов; все эти выступления сопровождались неизменными неудачами, так как они не встречали поддержки в народе» (Прикарпатская Русь на мирной конференции 1919b). Большевики и «самостийники» рассматривались в качестве явлений одного порядка и определялись как «разрушители русской культуры, теоретики человеконенавистничества и русофобства». На собрании 12 января 1919 г., в день годовщины Московского университета, в Омске А.В. Копыстьянский отмечал, что карпатороссы, воспитывавшиеся на русской литературе и всегда высоко ценившие русскую культуру, выражают скорбь по поводу удушения большевиками русской интеллигенции. «Под ударами платных агентов Вильгельма, – говорил он, – разрушается русская культура и религия. Мы, карпаторусы, выражаем глубочайшее негодование варварам 20-го века и присоединяемся к общерусскому протесту» (Протест 1919).

На большевиков возлагалась вина за оставление русскими войсками освобожденной в начале войны Галиции: «По наущению большевистских агитаторов толпа обезумевших солдат самовольно бросила окопы. Нашу крестьянскую Русь, невероятными усилиями русских чудо-богатырей освобожденную от иноземного ига, большевики безжалостно отдали в руки австро-мадьярских палачей, и вслед за этим, захватив власть, они продали всю Россию своим германским покровителям» (Всем уроженцам 1919).

Занимавший центральное место в периодической печати карпаторусского национального движения нарратив о «Единой Невделимой Руси» был облечен в классическую повествовательную форму. Герой (карпатороссы) борется со злом (Германия и Австрия), терпя страдания и преодолевая испытания во имя справедливой и благородной цели (объединение с Россией). У героя есть реальные и желаемые помощники (среди реальных – Россия и славянские народы; среди желаемых – победившие в войне союзники). Между тем, у врага есть пособники («самостийники»-украинцы, большевики).

Логика повествования подсказывала, что, несмотря на все препятствия, заветная цель должна была осуществиться – зло побеждено и наказано (Версальская мирная конференция), а герои по праву вознаграждены (возрождение великой и единой России, вхождение в ее состав Прикарпатья). В итоге политическое пространство Белого Востока выстраивалось в соответствии с семантико-идеологической оппозицией «свой – чужой», на одной стороне которой находились Омское правительство и национальное движение карпатороссов, а на другой – Центральные державы, украинские «самостийники» и большевики.

Тема и образы «Великой войны» являлись составной частью нарратива о «Единой Неделимой Руси», а их актуализация происходила в контексте репрезентации идей общерусского и славянского единства. Само повествование о «Единой Неделимой Руси» стало формой осмысления, упорядочивания и организации исторического опыта, конституирования на этой основе новой картины мира.

Идеологи Белого движения и часть карпаторусской интеллигенции, выступавшая за объединение с Россией, через репрезентацию в периодической печати определенных архетипических образов («тевтоно-мадьяр» как извечных врагов русского народа и всех славян; большевиков и «самостийников» как пособников «германизма» и препятствия для объединения славян) и мотивов (жертвы, принесенные Россией и русинами во имя победы союзнической коалиции в мировой войне) выстраивали единое ценностно-смысловое пространство. Обращаясь к идеям славянского и общерусского единения, лидеры карпаторусского национального движения стремились обосновать и легитимировать вхождение Прикарпатья в состав России. Найдя союзников в лице Белого движения, также выступавшего за идею «единой и неделимой», карпаторусы пытались решить свою локальную задачу через участие в урегулировании общероссийских проблем. Для правительства адмирала А.В. Колчака движение карпатороссов и присущая ему политическая риторика стали наряду с мобилизационными кампаниями в поддержку сибирского казачества, дружин Святого креста одним из путей конструирования новой национальной идеи, способной поднять боевой дух армии и консолидировать общество перед лицом большевистской угрозы.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (исследовательский проект № 14-01-00395 «Государственная идеология антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы революции и гражданской войны: роль медийного дискурса в институционализации политической власти и формировании информационного пространства»).

ЛИТЕРАТУРА

Воссоздание России 1918 - Воссоздание России // Отечественные ведомости. Екатеринбург, 1918. 10 декабря (27 ноября).

Всем уроженцам 1919 - Всем уроженцам Прикарпатской Руси // Карпаторусское слово, 1919. 11 августа.

Второй карпаторусский съезд 1919a - Второй карпаторусский съезд // Карпаторусское слово, 1919. 11 мая.

Второй карпаторусский съезд 1919b - Второй карпаторусский съезд // Карпаторусское слово, 1919. 25 мая.

Декларация 1918 - Декларация Российского правительства // Правительственный вестник, 1918. 10 декабря.

Задачи 1918 - Задачи верховной власти. Беседа представителей печати с Верховным правителем адмиралом А.В. Колчаком // Правительственный вестник. Омск, 1918. 30 ноября.

Итоги 1919 - Итоги // Карпаторусское слово, 1919. 1 января.

Карпаторусский съезд 1918 - Карпаторусский съезд // Сибирский вестник. Омск, 1918. 12 октября.

Катехизис 1919 - Катехизис добровольца-карпаторосса // Карпаторусское слово, 1919. 18 января.

Сандович 1919 - М.Т. Сандович (Биографический очерк) // Карпаторусское слово, 1919. 6 сентября.

Праздник в тюрьме 1919 - Праздник в тюрьме // Карпаторусское слово, 1919. 4 февраля.

Приветственные послания 2012 - Приветственные послания Верховному правителю и Верховному главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г.: сб. документов / сост. и науч. ред. В.В. Журавлев. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 560 с.

Прикарпатская Русь 1919 - Прикарпатская Русь в 1914 году // Карпаторусское слово, 1919. 27 апреля.

Прикарпатская Русь на мирной конференции 1919a - Прикарпатская Русь на мирной конференции // Карпаторусское слово, 1919. 4 апреля.

Прикарпатская Русь на мирной конференции 1919b - Прикарпатская Русь на мирной конференции // Карпаторусское слово, 1919. 11 апреля.

Протест 1919 - Протест против уничтожения русской культуры // Правительственный вестник, 1919. 29 января.

Раздробление России 1919 - Раздробление России // Карпаторусское слово, 1919. 4 февраля.

Резолюции 1919 - Резолюции Карпаторусского съезда // Правительственный вестник, 1919. 24 апреля.

Россия и Карпатская Русь 1918 - Россия и Карпатская Русь // Карпаторусское слово, 1918. 20 декабря.

Старая фраза 1918 - Старая фраза // Карпаторусское слово, 1919. 28 января.

Суляк 2006 - Суляк С.Г. Русины в период Первой мировой войны и Русской смуты // Русин. Международный исторический журнал / Отв. редактор Суляк С.Г. Кишинев, 2006. № 1 (3). С. 46–65.

Съезд 1918 - Съезд делегатов карпаторусских колоний в Челябинске // Карпаторусское слово, 1918. № 1.

Устав 1918 - Устав Карпаторусской центральной организации // Карпаторусское слово (Екатеринбург, Омск), 1918. № 1.

Участие Прикарпатской Руси 1919 - Участие Прикарпатской Руси в нынешней войне // Карпаторусское слово, 1919. № 2 (3).

Шейгал 2007 - *Шейгал Е.И.* Многоликий нарратив // Политическая лингвистика / Гл. ред. Чудинов А.П. 2007. Вып. (2) 22. С. 86–93.

Шендриков 1919 - *Шендриков И.* За Россию // День карпаторосса. Однодневная газета (Омск), 1919. 12 сентября.

References

Vossozdanie Rossii 1918 - Vossozdanie Rossii [The Reconstruction of Russia], Otechestvennye vedomosti (Ekaterinburg), 1918, 10 Dec. (27 Nov.) [in Russian].

Vsem urozhentsam 1919 - Vsem urozhentsam Prikarpatsoy Rusi [To all natives of Ciscarpathian Rus], Karpatorusskoe slovo, 1919, 11 Aug. [in Russian].

Vtoroy karpatorusskiy s'ezd 1919a - Vtoroy karpatorusskiy sezd [The second congress of the Central Carpatho-Russian Council], Karpatorusskoe slovo, 1919, 11 May [in Russian].

Vtoroy karpatorusskiy s'ezd 1919b - Vtoroy karpatorusskiy s'ezd [The second congress of the Central Carpatho-Russian Council], Karpatorusskoe slovo, 1919, 25 May [in Russian].

Deklaratsiya 1918 - Deklaratsiya Rossiyskogo pravitel'stva [The Declaration of the Russian Government], Pravitel'stvennyy vestnik, 1918, 10 Dec. [in Russian].

Zadachi 1918 - Zadachi verkhovnoy vlasti. Beseda predstaviteley pechati s Verkhovnym pravitelem admiralom A.V. Kolchakom [The tasks of the supreme power. Interview with Supreme ruler admiral A.V. Kolchak], Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk), 1918, 30 Nov. [in Russian].

Itogi 1919 - Itogi [The results], Karpatorusskoe slovo, 1919, 1 Jan. [in Russian].

Karpatorusskiy s'ezd 1918 - Karpatorusskiy se'zd [The Carpatho-Russian Congress], Sibirskiy vestnik (Omsk), 1918, 12 Oct. [in Russian].

Katekhizis 1919 - Katekhizis dobrovol'tsa-karpatorussa [The catechism of the Carpatho-Russian volunteer], Karpatorusskoe slovo, 1919, 18 Jan. [in Russian].

Sandovich 1919 - M.T. Sandovich (Biograficheskiy ocherk) [M.T. Sandovich. (Biography)], Karpatorusskoe slovo, 1919, 6 Sent. [in Russian].

Prazdnik v tyur'me 1919 - Prazdnik v tyur'me [The feast in the prison], Karpatorusskoe slovo, 1919, 4 Feb. [in Russian].

Privetstvennye poslaniya 2012 - Privetstvennye poslaniya Verkhovnomu pravitel'yu i Verkhovnomu glavnokomanduyushchemu admiralu A.V. Kolchaku. Noyabr' 1918 – noyabr' 1919 g. : sb. dokumentov [The congratulatory messages to Supreme ruler and Supreme commander admiral A.V. Kolchak. Nov. 1918 – Nov. 1919: The collection of the Documents], V.V. Zhuravlev [The publishing office of the European University at St. Petersburg], 2012, 560 p. [in Russian].

Prikarpatskaya Rus' 1919 - Prikarpatskaya Rus' v 1914 godu [Ciscarpathian Rus during 1914], Karpatorusskoe slovo, 1919, 27 Apr. [in Russian].

Prikarpatskaya Rus' na mirnoy konferentsii 1919a - Prikarpatskaya Rus' na mirnoy konferentsii [Ciscarpathian Rus in the peace conference], Karpatorusskoe

slovo, 1919, 4 Apr. [in Russian].

Prikarpatskaya Rus' na mirnoy konferentsii 1919b - Prikarpatskaya Rus' na mirnoy konferentsii [Cisrpathian Rus in the peace conference], Karpatorusskoe slovo, 1919, 11 Apr. [in Russian].

Protest 1919 - Protest protiv unichtozheniya russkoy kul'tury [The protest against destruction of the Russian culture], Pravitel'stvennyy vestnik, 1919, 29 Jan. [in Russian].

Razdroblenie Rossii 1919 - Razdroblenie Rossii [The disintegration of Russia], Karpatorusskoe slovo, 1919, 4 Feb. [in Russian].

Rezolyutsii 1919 - Rezolyutsii Karpatorusskogo s'ezda [The resolutions of the Carpatho-Russian congress], Pravitel'stvennyy vestnik, 1919, 24 Apr. [in Russian].

Rossiya i Karpatskaya Rus' 1918 - Rossiya i Karpatskaya Rus' [Russia and Cisrpathian Rus], Karpatorusskoe slovo, 1918, 20 Dec. [in Russian].

Staraya fraza 1919 - Staraya fraza [The old phrase], Karpatorusskoe slovo, 1919, 28 Jan. [in Russian].

Sulyak 2006 - *Sulyak S.G.* Rusiny v period Pervoy mirovoy voyny i Russkoy smuty [The Rusins during the World War I and the Russian distemper], *Rusin, International historical journal*, red. S.G. Sulyak, Kishinev, 2006, Nr 1 (3), pp. 46–65 [in Russian].

S'ezd 1918 - S'ezd delegatov karpatorusskikh koloniy v Chelyabinske [The congress of the delegates of the rusin's settlements in Chelyabinsk], Karpatorusskoe slovo, 1918, Nr 1 [in Russian].

Ustav 1918 - Ustav Karpatorusskoy tsentral'noy organizatsii [The Charter of the Central Carpatho-Russian Council], Karpatorusskoe slovo (Ekaterinburg, Omsk), 1918, Nr 1 [in Russian].

Uchastie Prikarpatskoy Rusi 1919 - Uchastie Prikarpatskoy Rusi v nyneshney voyne [The participation of the Cisrpathian Rus in the war of nowadays], Karpatorusskoe slovo, 1919, Nr 2 (3) [in Russian].

Sheygal 2007 - *Sheygal E.I.* Mnogolikiy narrativ [The narrative with many faces], *Politicheskaya lingvistika*, 2007, Nr (2) 22, pp. 86–93 [in Russian].

Shendrikov 1919 - *Shendrikov I.* Za Rossiyu [For Russia, Den' karpatorossa. Odnodnevnyaya gazeta (Omsk), 1919, 12 Sept. [in Russian].

Шевелев Дмитрий Николаевич - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории Национального исследовательского Томского государственного университета.

Shevelev Dmitry - Doctor of Science (History), Associate professor, Head of the department of Ancient and Medieval History and Methodology of History of the Faculty of History of National Research Tomsk State University.

E-mail: shev-dn@yandex.ru

Конев Кирилл Александрович - магистрант второго года обучения исторического факультета Томского государственного университета, сотрудник научной библиотеки Национального исследовательского Томского государственного университета.

Konev Kirill - Bachelor of History of the Faculty of History, the Librarian of the Scientific Library of National Research Tomsk State University.

E-mail: konev-k-92@rambler.ru

УДК 930.272(47):651.5(1-87)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/37/13

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ РОССИИ В СОБРАНИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ АРХИВОВ И БИБЛИОТЕК: НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Ф.Н. ВЕСЕЛОВ

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
E-mail: veselovfedor@gmail.com

Авторское резюме

В данной статье рассматривается один из важнейших научно-издательских археографических проектов Санкт-Петербургского государственного университета за последние годы, а именно работа, связанная с изучением и изданием письменных памятников истории и культуры Древней Руси, хранящихся в зарубежных библиотеках и архивах. В данной работе автор не только дает общую оценку проекта, но и подробно рассматривает историю создания, бытования и изучения, характерные особенности каждой из уже изданных и готовящихся к изданию в рамках проекта рукописей. Отмечается общая литературоведческая, историческая и искусствоведческая значимость каждого манускрипта, важность этих памятников при исследовании истории и культуры не только Древней Руси как таковой, но и образовавшихся на ее территории народов и государств.

Ключевые слова: древнерусские письменные источники, археография, рукописи, лицевые рукописи, научно-издательские проекты.

**Written artifacts of Russian History and
Culture, stored in foreign archives and libraries.
Saint-Petersburg State University academic and
publishing project**

F.N. Veselov

St. Petersburg State University
7/9 University Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: veselovfedor@gmail.com

Abstract

This article is dedicated to one of the most important archeographical projects of Saint-Petersburg state university over the last years. Project, connected with studying and publishing of Russian historical manuscripts, stored in foreign libraries and archives. Firstly the author gives overall review on the project and its parts. Secondly one could find detailed overview of story of origin, being and studying of every manuscript, already published, or still being in preparation to be published. The author strikes not only on literature, historical and art critical importance of every artifact, but as well, on the importance of every artifact in researches, not only connected with history and culture of Old Russia, but also, connected with history and culture of states and peoples, originated on its territories.

Keywords: Old Russian written sources, archeography, manuscripts, illuminated manuscripts, academic projects.

Безусловно, важнейшими источниками по истории любого народа, государства и человечества в целом являются источники письменные. Значение их переоценить невозможно. При этом значимыми представляются не только непосредственно отражающие ход истории хроники и летописи, но и различные сказания, повести, произведения агиографического жанра, нравственные поучения - все то, что позволяет не только восстановить ход событий, но и воссоздать тот культурный контекст, в котором они происходили. Роль их тем более возрастает, когда речь идет о периоде истории до массового распространения книгопечатания, создания крупных тиражей книг, периоде, когда каждое рукописное произведение было абсолютно уникальным и потому бесконечно ценным. Ведь само понятие «летопись» является абстрактным понятием, которое возникает в результате сравнительного изучения различных списков, имеющих некую общую первооснову. Открытие каждого нового списка приводит к изменению прежних представлений о летописи вообще (Майоров 2011b: 7). То же самое, хоть и в меньшей степени, касается всякого произведения средневековой литературы, тиражированного письменно. Открытие каждого нового списка может изменить изначальную информацию о датировке, предполагаемом месте создания протографа, его авторе. Поэтому фундаментальными задачами исторической науки были и остаются поиск и опубликование новых списков - как летописей, так и других письменных источников. Говоря об отечественных рукописных собраниях архивов и библиотек, стоит отметить, что данная

проблема решалась и продолжает решаться довольно успешно. Однако существует масса рукописных памятников, относящихся к культуре восточных славян, хранящихся в архивохранилищах стран Западной Европы (Кропачев 2011), которые до сих пор не введены в научный оборот.

В этом свете особое значение приобретает приуроченный к 1150-летию Российской государственности проект Санкт-Петербургского государственного университета по выявлению и введению в научный оборот исторического и культурного наследия Древней Руси, волею судеб оказавшегося в зарубежных музеях, библиотеках, архивах.

И, поскольку речь идет о древнерусских письменных памятниках, географически проект затрагивает историю всех восточных славян. Дело не только в летописных упоминаниях о славянских народах, государствах и их взаимоотношениях с другими государствами и народами, содержащихся в новонайденных памятниках. Важность проекта состоит и в том, что, благодаря введению в научный оборот новых списков уже известных летописей, исследователь получает новые прочтения, находит иные интерпретации самого автора списка или автора его протографа, в силу разных причин более не доступного, событий, имевших отношение к конкретному историческому периоду, месту, народу. Естественно, прежде всего речь идет о древнерусской народности и выделившихся из нее восточнославянских народах. Особо хотелось бы подчеркнуть важность подобного проекта в деле исследования истории и культуры русинов как, во-первых, народа, сумевшего сохранить многие культурные традиции Древней Руси, что позволяет провести сравнительный культурологический анализ на базе древних письменных источников, и, во-вторых, как народа, к истории которого внимание научной общественности беспрестанно растет, особенно в последнее время. А значит, существует и особая потребность в новых исторических источниках.

Примечательно, что первым изданным с обстоятельным предисловием произведением стал хранящийся в Берлине список Новгородской первой летописи младшего извода. Новгородская первая летопись – один из древнейших памятников древнерусского летописания, в ранних известиях которого отразился Начальный летописный свод XI в., предшествовавший написанию «Повести временных лет» (См.: Майоров 2011а: 13-15; Майоров 2008: 91-108). Она содержит наиболее полные сведения, касающиеся истории восточных славян, первых русских князей, судеб Киева, Новгорода, Галича и других русских земель и городов, княжеских усобиц, церковного строительства на Руси. Именно в списках младшего извода Новгородская первая летопись сохранила в своем составе Русскую правду крат-

кой редакции – древнейший правовой кодекс Руси, созданный на рубеже XI–XII вв. Необходимо также подчеркнуть, что древнейшая по времени создания копия летописного манускрипта, дошедшая до наших дней, – это список именно с Новгородской первой летописи XIII–XIV вв. С другой стороны, надо отметить и значительные утраты текста, которые понесли как единственный ныне известный список старшего извода летописи¹, так и сохранившиеся на территории России списки младшего извода². Именно поэтому для изучения данного летописного памятника особо важно открытие и введение в научный оборот его новых списков.

Изданный ныне новонайденный список хранится в Рукописном отделе Государственной библиотеки в Берлине. Он известен также как список Филиппса (по имени одного из бывших владельцев). Данный манускрипт был создан в 1738 г. по инициативе видного русского государственного деятеля, историка и археографа В.Н. Татищева. Спустя некоторое время предполагалось отправить его в Англию – в дар Лондонскому королевскому обществу по развитию знаний о природе. Впрочем, до адресата список не добрался и более чем на полстолетия затерялся в Европе. Он появляется лишь в 1824 г. на публичном аукционе в Гааге, где был приобретен выдающимся коллекционером древних рукописей и старопечатных книг Т. Филиппсом. После смерти последнего манускрипт приобрела в 1887 г. Прусская королевская библиотека (правопреемницей которой является Государственная библиотека в Берлине), где список и хранится по сей день (Майоров 2011а: 26–37). Этим и объясняется долгое забвение данного списка в трудах отечественных ученых, посвященных изучению и изданию Новгородской первой летописи. Достаточно упомянуть, что список не был привлечен ни при издании Новгородской первой летописи в XIX в. (Новгородские летописи 1841), ни при переиздании Полного собрания русских летописей в XX в. (Новгородская первая 1950). Между тем данный манускрипт содержит части текста, утерянные за годы бытования в его протографе, – так называемом Академическом списке летописи, созданном в середине XV в. и хранящемся ныне в библиотеке Академии наук. Кроме того, интересна и сама история создания списка, весьма обстоятельно изученная в предваряющем издании Берлинской рукописи исследовании А.В. Майорова. Сопоставляя различные данные, относящиеся к существовавшим в первой половине XVIII в. частным библиотечным собраниям, деятельности Академии наук и непосредственно самого Н.В. Татищева, автор приходит к выводу о весьма сложном происхождении Берлинского списка. С одной стороны, текстологическое сравнение указывает на близость рукописи Академическому списку, с другой – манускрипт содержит правку, которая может быть характерна для работы Академии наук

в рамках предполагавшегося в то время издания русских летописей. Кроме того, анализ указанной в манускрипте даты создания, а также времени работы Татищева над «Историей Российской», правки Академического списка для издания русских летописей и предполагаемого нахождения правленного списка в архиве Сената позволяют сделать вывод о том, что Берлинский список сделан с манускрипта, созданного в первой трети XVIII в. и являвшегося правленной копией с Академического списка XV в. Такие выводы, без сомнения, повышают ценность рукописи не только как копии, снятой с самого древнего списка младшего извода еще до утраты последним почти 40 % его листов, но и как памятника деятельности Академии наук в рамках первого проекта по изданию древнерусских летописей.

С решением глобальных задач изучения древнерусского летописания связан выход еще одного тома настоящей серии, посвященного Лондонскому списку Вологодско-Пермской летописи. Интересна уже одна только история попадания списка конца XVI в. в начале XVII в. в одно из богатейших и ценнейших библиотечных собраний Англии и мира – библиотеку сэра Роберта Брюса Коттона. Эта история иллюстрирует многосторонность русско-английских отношений данного периода, одной из граней которых был живой интерес англичан к географии, истории и культуре царства Русского. Точно неизвестно, кто привез рукопись в Лондон – дипломат, купец или исследователь. А между тем каждое из подобных предположений имеет под собой достаточно серьезные основания (Майоров 2012: 13-19). Последующая история рукописи непосредственно связана с историей собрания Коттона. На ее листах оставил свои следы пожар, произошедший в библиотеке в 1731 г. – большая часть их обгорела по краям. Вместе с основной частью собрания список вошел в состав формировавшегося Британского музея в 1753 г., библиотека которого послужила основой для Британской библиотеки, созданной уже в XX в., где рукопись находится и поныне.

Несмотря на то что уже с начала XIX в. в России стало известно о существовании в Лондоне некоего «древнего Летописца Русского», а в начале 1820-х гг. была сделана и отправлена туда его первая копия, ныне известная как Румянцевский список Вологодско-Пермской летописи, в дальнейшем рукопись выпала из поля зрения отечественных ученых (Майоров 2012: 19-20). Впрочем, в начале XX в., прежде всего благодаря обобщающим трудам по созданию схемы общерусского летописания А.А. Шахматова, появилось предположение о возможном существовании особой Вологодско-Пермской летописи. Это название было закреплено за памятником в ходе работы по подготовке нового издания Полного собрания русских летописей (Валк 1948: 139-141). Но только в середине XX в. ученые обратили внимание на Румянцев-

скую копию Лондонской рукописи как на произведение, содержащее первоначальную редакцию Вологодско-Пермской летописи, со значительным объемом текстов, в других списках не встречающихся. Это, а также в различной степени связь самой летописи с целым рядом других источников - Софийской Первой летописью старшего извода, Московским Великокняжеским сводом 1480 г., летописями Лавровской, Симеоновской, Воскресенской, Софийской второй летописью и т. д. (Майоров 2012: 24-26) - делают Лондонский список одним из ключевых при изучении истории русского летописания второй половины XV в. - как общерусского, так и местного, составлявшегося на русском Севере.

Стоит также отметить немаловажную деталь: кроме всех прочих особенностей, данный список Вологодско-Пермской летописи является одним из наиболее ранних памятников, куда включен текст «Сказания о Мамаевом побоище», найденный в середине XX в. особый Лондонский список которого воспроизведен в четвертом томе проекта.

История бытования памятника не менее драматична, нежели у представленных выше манускриптов. Лондонский список «Сказания о Мамаевом побоище» происходит из собрания рукописей крупного британского предпринимателя и коллекционера Генри Йетса Томпсона. Согласно сводному каталогу кириллических рукописей британских и ирландских коллекций, рукопись была приобретена Томпсоном у торговой фирмы «Дэвис энд Ориоли». К последней же она попала из Флоренции, куда якобы была перемещена из Галиции итальянскими войсками в ходе Первой мировой войны (The Anne Pennington 1988: 177). Однако и печально известная деятельность фирмы «Дэвис энд Ориоли», прославившейся скандалами вокруг нелегально приобретенных памятников, и тот факт, что итальянских войск никогда в Галиции не было, позволяют сделать вывод о том, что история попадания рукописи в руки фирмы куда темнее, чем представляется, и еще требует отдельного изучения. После смерти Генри Томпсона и по завещанию его жены рукопись вместе с другими манускриптами коллекции была передана в дар Британскому музею.

Впервые о данном списке «Сказания о Мамаевом побоище» стало известно из доклада Элизабет Хилл на IV Международном съезде славистов в Москве в 1958 г. Уже тогда рукопись привлекла внимание отечественных ученых. И дело заключалось не только в тексте, являющем собой вариант основной, старшей редакции памятника, что в значительной мере изменило представление о литературном развитии «Сказания...» (См.: Дмитриев 1982; Дмитриев 1974; Майоров 2012), но и в миниатюрах (Лондонский список – первое лицевое произведение, издаваемое в рамках проекта). Даже представленные

Э. Хилл несколько иллюстраций заставили историков-искусствоведов говорить об их близости к художественным традициям XVI в., несмотря на то, что список был создан во второй половине XVII в. Действительно, представляемое вместе с факсимильным воспроизведением рукописи исследование показывает, что как по особенностям рисунка, композиции, временно-пространственного разрыва, присутствующего в некоторых иллюстрациях, так и по наличию и прорисовке деталей в изображении действующих лиц, природных и архитектурных пейзажей миниатюры Лондонского списка ближе к иконописным произведениям и лицевым рукописям более раннего периода, нежели ко времени создания произведения (Майоров, Веселов 2012). Кроме того, в лондонской рукописи содержится наибольшее количество миниатюр, аналогов которым не встречается в остальных известных на данный момент лицевых списках «Сказания о Мамаевом побоище». Эти факты дают возможность сделать заключение о том, что список снят с более раннего лицевого протографа. А между тем, кроме текста «Сказания...», включенного в Лицевой летописный свод, на данный момент не известно ни одного лицевого списка старше XVII ст. Это отодвигает границу появления иллюстрированной версии «Сказания...». Кроме того, в данном списке есть еще одна немаловажная деталь: судя по нумерации листов, он является частью сборника, в который, кроме «Сказания...», входило еще одно крупное или несколько небольших произведений. Гипотеза о том, что в сборник входил список «Александрии», тоже весьма популярного на Руси произведения о деяниях Александра Македонского, объединение которого со «Сказанием...» в рамках одной рукописи было весьма характерно, была высказана Л.А. Дмитриевым еще в 70-х гг. XX в. Эта гипотеза блестяще подтвердилась позднее, когда среди рукописей библиотеки Честер Бити в Дублине нашелся русский лицевой список «Александрии», по всем своим признакам, несомненно, представляющий собой первую часть оригинального древнерусского сборника, второй частью которого являлся Лондонский список «Сказания о Мамаевом побоище» (Майоров 2012: 27-29). Данный лицевой список «Александрии» до сих пор остается не изученным и не введенным в научный оборот. Это представляет известную проблему: ученые уже указывали на то, что «Сказание...» и «Александрия» имеют не только определенное текстологическое сходство, но и параллели в иллюстрациях, что делает невозможным их отдельное изучение без изучения их в комплексе (Петров 1995: 29-83).

Этот факт, а также наличие иных, еще неизвестных или малоизученных рукописей, хранящихся в библиотеках и архивах стран Западной Европы и США, делает потенциал проекта их издания практически бесконечным. А самое главное - рассмотренное выше, хоть и кратко,

показывает, насколько важен такой проект в деле дальнейшего изучения древнерусской истории и культуры в самых разнообразных ее аспектах и гранях. Стоит отметить необходимость участия в такой работе всех народов, выделившихся из древнерусской народности: русских, украинцев, белорусов, русинов. И важны в данном случае не только летописи (хотя, безусловно, им отдается предпочтение), содержащие общерусские летописные своды, повествующие о территориях, входящих в состав нынешних России, Украины, Молдавии, Белоруссии, Польши, Литвы, но и литературные произведения, рассказывающие о людях и событиях, происходивших в древности на территориях упомянутых государств.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ:

БАН – Библиотека академии наук

ГИМ – Государственный исторический музей

РГБ – Российская государственная библиотека

РНБ – Российская национальная библиотека

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГИМ, Синодальное собрание № 786.

2. БАН, Научно-исследовательский отдел рукописей. 17.8.36; Научная библиотека Санкт-Петербургского института истории РАН. Собрание археографической комиссии, № 240; РГБ. Отдел рукописей. Ф. 173/IV. № 54; РНБ. Отдел рукописей. Собрание Ф.А.Толстого. F.IV.223; ГИМ. Рукописный отдел. Уваровское собрание. 34/1402; БАН, Научно-исследовательский отдел рукописей. 31.7.31; РГБ. Отдел рукописей. Румянцевское собрание, № 248.

ЛИТЕРАТУРА

The Anne Pennington 1988 - The Anne Pennington Catalogue. Union Catalogue of Cyrillic manuscripts in British and Irish Collections / Compiled by R. Cleminsons. London, 1988. 353 p.

Валк 1948 - *Валк С.Н.* Советская археография. М.; Л., 1948. 289 с.

Дмитриев 1982 - *Дмитриев Л.А.* Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 306-359.

Дмитриев 1974 - *Дмитриев Л.А.* Лондонский список «Сказания о Мамаевом побоище» // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Л., 1974. С. 155-179.

Кропачев 2011 - *Кропачев Н.М.* К изданию списка 1738 года Новгородской первой летописи. О проекте публикации письменных памятников истории и культуры нашей страны, хранящихся за рубежом // Новгородская первая летопись. Берлинский список. СПб., 2011. С. 7-10.

Майоров 2011а - *Майоров А.В.* Берлинский список Новгородской первой летописи. Происхождение, владельцы, история изучения // Новгородская первая летопись. Берлинский список. СПб., 2011. С. 14-65.

Майоров 2011b - *Майоров А.В.* Лондонский список Вологодско-Пермской летописи. Предварительные итоги изучения // Вологодско-Пермская летопись. Лондонский список. СПб., 2011. С. 7-29.

Майоров 2012 - *Майоров А.В.* Лондонский список Сказания о Мамаевом побоище. Предварительные итоги изучения // Сказание о Мамаевом побоище. Лондонский список. СПб., 2012. С. 9-39.

Майоров 2008 - *Майоров А.В.* Список Филиппса (Берлинский) Новгородской Первой летописи: предварительные итоги изучения // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2008. № 2. С. 91-108.

Майоров, Веселов 2012 - *Майоров А.В., Веселов Ф.Н.* Описание миниатюр // Сказание о Мамаевом побоище. Лондонский список. СПб., 2012.

Новгородские летописи 1841 - Новгородские летописи // Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению археографической комиссией. Т. 3. СПб., 1841. 309 с.

Новгородская Первая летопись 1950 - Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1950. 580 с.

Петров 1995 - *Петров А.Е.* Лицевые списки «Сказания о Мамаевом побоище» XVII – XIX вв. // Филевские чтения. Тезисы четвертой Международной конференции по проблемам русской художественной культуры второй половины XVII – первой половины XVIII века. М., 1995. С. 79-83.

References

The Anne Pennington 1988 - The Anne Pennington Catalogue. A Union Catalogue of Cyrillic manuscripts in British and Irish Collections / Compiled by R. Cleminsons London, 1988. 353 p. [in English].

Valk 1948 - *Valk S.N.* Sovetskaya arkheografiya [Soviet archeography], Moscow-Leningrad, 1948, 289 p. [in Russian].

Dmitriev 1982 - *Dmitriev L.A.* Literaturnaya istoriya pamyatnikov Kulikovskogo tsikla [Literature history of artefacts of the Kulikovsky cycle], Skazaniya i povesti o Kulikovskoy bitve [Stories and tales about the Kulikovskaya battle], Leningrad, 1982, pp. 306-359 [in Russian].

Dmitriev 1974 - *Dmitriev L.A.* Londonskiy spisok "Skazaniya o Mamaevom poboishche" [London copy of the "Tale of the Mamai route"], Trudy Otdela drevnerusskoy literatury Instituta russkoy literatury (Pushkinskiy dom) AN SSSR, Leningrad, 1974, pp. 155-179 [in Russian].

Kropachev 2011 - *Kropachev N.M.* K izdaniyu spiska 1738 goda Novgorodskoy pervoy letopisi. O proekte publikatsii pis'mennykh pamyatnikov istorii i kul'tury nashey strany, khranyashchikhsya za rubezhom [Towards the publishing of the copy of Novgorod First chronicle of 1783. About the project of publishing of artifacts of culture and history of our country, stored in foreign countries],

Novgorodskaya pervaya letopis'. Berlinskiy spisok [Novgorod First chronicle. Berlin copy], Saint Petersburg, 2011, pp. 7-10 [in Russian].

Maiorov 2011a - *Maiorov A.V.* Berlinskiy spisok Novgorodskoy pervoy letopisi. Proiskhozhdenie, vladel'tsy, istoriya izucheniya [Berlin copy of the Novgorod First chronicle. Origin, holders, history of studying], Novgorodskaya pervaya letopis'. Berlinskiy spisok [Novgorod First chronicle. Berlin copy], Saint Petersburg, 2011, pp. 14-65 [in Russian].

Maiorov 2011b - *Maiorov A.V.* Londonskiy spisok Vologodsko-Permskoy letopisi. Predvaritel'nye itogi izucheniya [London copy of the Vologda-Perm chronicle. Early results of studying], Vologodsko-Permskaya letopis'. Londonskiy spisok [Vologda-Perm chronicle. London copy], Saint Petersburg, 2011, pp. 7-29 [in Russian].

Maiorov 2012 - *Maiorov A.V.* Londonskiy spisok Skazaniya o Mamaevom poboishche. Predvaritel'nye itogi izucheniya [London copy of the Tale of the Mamai route. Early results of studying], Skazanie o Mamaevom poboishche. Londonskiy spisok [The Tale of the Mamai route. London copy], Saint Petersburg, 2012, pp. 9-39 [in Russian].

Maiorov 2012 - *Maiorov A.V.* Spisok Filippa (Berlinskiy) Novgorodskoy Pervoy letopisi: predvaritel'nye itogi izucheniya [Filipp's copy of the Novgorod First chronicle: early results of studying], Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki. [Old Russia. Questions of the medieval studies], 2008, Nr 2, pp. 91-108 [in Russian].

Maiorov, Veselov 2012 - *Maiorov A.V., Veselov F.N.* Opisanie miniatur [Miniatures' description], Skazanie o Mamaevom poboishche. Londonskiy spisok [The Tale of the Mamai route. London copy], Saint Petersburg, 2012, pp. 43-57 [in Russian].

Novgorodskie letopisi 1841 - Novgorodskie letopisi [Novgorod chronicles]. Polnoe sobranie Russkikh letopisey, izdannoe po Vysochayshemu poveleniyu arkhograficheskoy komissiiy. Vol. 3, Saint Petersburg, 1841, 309 p.

Novgorodskaya pervaya letopis' 1950 - Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [Novgorod First chronicle of elder and minor versions], Polnoe sobranie Russkikh letopisey. Vol. 3, Moscow-Leningrad, izdatel'stvo AN SSSR, 1950, 580 p. [in Russian].

Petrov - *Petrov A.E.* Litsevye spiski "Skazaniya o Mamaevom poboishche" XVII – XIX vv. [Illustrated copies of the Tale of the Mamai route of the 17-19 centuries], Filevskie chteniya. Tezisy chetvertoy mezhdunarodnoy konferentsii po problemam russkoy khudozhestvennoy kul'tury vtoroy poloviny XVII – pervoy poloviny XVIII veka. [Filevskie readings. Theses of the fourth international conference dedicated to the problems of Russian art culture of the second part of the 17 – first part of the 18 centuries], Moscow, 1995, pp. 79-83 [in Russian].

Веселов Федор Никитович – аспирант исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, ассистент кафедры музеологии исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Veselov Fedor – postgraduate student of the Historical faculty, Saint Petersburg state university, assistant of the Historical faculty, Saint Petersburg state university.

E-mail: veselovfedor@gmail.com

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

2014, № 3 (37)

Кишинев

Республиканская общественная ассоциация «Русь», 2014.

- 192 стр.

Республиканская общественная ассоциация «Русь»

MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,

ул. М. Когэлничану, 24/1.

Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59.

E-mail: info@rusyn.md, journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайт «Международный исторический журнал «Русин»»:

<http://journalrusin.ru>

Подписано к печати 30.10.2014. Формат 60x90 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 900 экз.

Заказ 264.

Отпечатано в типографии АО «Реклама»:

г. Кишинев, ул. Александр чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доводкой статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

ФОНД РУССКИЙ МИР

В 2014 году международный исторический журнал «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ

Игорь МЫШИНСКИЙ

Мы уходим на Запад, туда, где закатное солнце,
Наши судьбы едины с судьбой необъятной страны.
Мы вернёмся домой (если только, конечно, вернёмся),
Если только вернёмся мы с этой проклятой войны...

Кто-то, вспомнив о близких, назад обернётся невольно,
Кто-то с прошлым расстался и смотрит с надеждой вперёд.
Колыханье штыков, как стальные балтийские волны,
И пока ещё полный состав батальонов и рот.

Нам бросают цветы. Нам твердят: «Да хранит вас Всевышний!»
Кружат головы марши и призрачной славы вино.
Мы когда-нибудь вспомним об этом у стен Перемышля,
Как о чём-то, что было не с нами и очень давно.

То, что целью казалось вчера, оказалось не целью.
То, что было серьёзно, сегодня уже не серьёз.
Грозы августа хлещут не ливнем с небес, а шрапнелью
По ветвям оголённым не в срок облетевших берёз.

И однажды настанет пора — мы разрушим святыни,
Ибо зубы дракона посеяны, не семена.
Мы вернёмся домой (если только вернёмся) другими,
И не лаской — оскалом нас встретит другая страна...

Источник: Стихи о Первой мировой войне [Электронный ресурс]. URL: <http://stikhipro.ru/category/stikhi/stikhi-o-pervoi-mirovoi-voine> (дата обращения: 29.09.2014).

